

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 3(15)/2007

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

В.К. Ланчиков

Пентхаус из слоновой кости

Б.Н. Климзо

Сотрудничество редактора с переводчиком

И.И. Убин

**Некоторые замечания по поводу
параллельных миров в переводе**

Д.И. Ермолович

Иногда они переводятся

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 3(15)/2007

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

В.А. Иовенко

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палащенко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23

Тел./факс: 916-67-03

Тел.: 109-63-91

e-mail: rvalent@online.ru

publisher@rvalent.ru

www.rvalent.ru

ISBN 978-5-93439-236-0

Номер подписан в печать 10.09.07

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 2290

Отпечатано в ОАО «КТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только

с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2007

В номере:

Р. Райт-Ковалёва. Нить Ариадны	3
В.К. Ланчиков. Пентхаус из слоновой кости	15
Т.П. Некрасова. «Привычка свыше нам дана...»	30
Б.Н. Климзо. Сотрудничество редактора с переводчиком	39
И.И. Убин. Некоторые замечания по поводу параллельных миров в переводе	48
В.А. Иовенко. Преподаватель перевода: нужна ли специальная подготовка?	51
Е.В. Бреус, З.Н. Волкова. Учебно-методическое обеспечение курса английского языка	56
И.В. Полуян. Смерть жанра?	65
Д.И. Ермолович. Иногда они переводятся	71
.....	80

Нить Ариадны

Р. Райт-Ковалёва

«...Статус переводчика как профессионала и носителя высокой культуры сложился именно в советскую эпоху. Отсюда на нем и этот почти легендарный отблеск...»

В. Голышев

Можно без преувеличения сказать, что русская словесность двадцатого века многим обязана Рите Райт-Ковалёвой. Ей и ещё нескольким одарённым переводчикам выпала необычная доля – влиять на умы и судьбы, формировать новый литературный язык, быть проводниками в загадочный и неизвестный «большой мир».

Такая значительная роль переводчика (столь далекая от пресловутой концепции «прозрачного стекла») – один из парадоксов советской эпохи. Изолированность от остального мира порождала огромный интерес к недоступному «Западу»; Лондон, Париж и Нью-Йорк существовали для большинства лишь в воображении и в переводных романах. По сравнению с подцензурной отечественной литературой творческий поиск иноземных писателей казался откровением. В общем, при запертых дверях и задраенных окнах перевод оказался едва ли не последней приоткрытой форточкой, сквозь которую можно было глотнуть свежего воздуха. Конечно, перевод тоже подвергался цензуре, но все-таки гораздо менее жёсткой – всегда можно было написать «правильное» предисловие и разъяснить, что автор критикует буржуазное общество. Так сложилась странная ситуация: оригинальным авторам – по крайней мере тем, которые печатались, – приходилось довольствоваться казённым социалистическим реализмом. А литературное новаторство, поиск, открытия достались переводчикам. Вот как вспоминает об этом Нора Галь: «Чем для нас, студентов, а потом аспирантов-западников 30-х годов, был до войны журнал “Интернациональная литература”? Пожалуй, чем-то вроде пещеры из “Тысячи и одной ночи”, полной сказочных сокровищ. Мы открывали для себя другие миры. Никаких тебе “Цементов” и “Гидроцентралей”, поэтических рефренов на манер “грохают краны у котлована”. Пусть не всегда полностью, пусть в отрывках мы узнавали Кафку, Джойса и Дос Соссоса <...> Мы и не подозревали, что в наше время можно ТАК писать».

Ещё ярче, пожалуй, эту ситуацию иллюстрирует один из долатовских анекдотов, относящийся ко времени, когда он работал секретарём у писательницы Веры Пановой:

«Однажды Вера Фёдоровна спросила:

– У кого, по-вашему, самый лучший русский язык?

Наверное, я должен был ответить — у вас. Но я сказал:

– У Риты Ковалёвой.

– Что за Ковалёва?

– Райт.

– Переводчица Фолкнера, что ли?

– Фолкнера, Сэлинджера, Воннегута.

Наследие

- Значит, Воннегут звучит по-русски лучше, чем Федин?
- Без всякого сомнения.
- Панова задумалась и говорит:
- Как это страшно!..»

Тут нужно отметить ещё одно немаловажное обстоятельство – как правило, переводчики сами находили авторов, которых хотели переводить, и предлагали их издательствам. И не просто предлагали – как правило, авторов приходилось «пробивать» – убеждать чиновников и партийное начальство, проявлять чудеса дипломатии, пользоваться авторитетом и связями. То есть судьба того или иностранного автора в Советском Союзе напрямую зависела от упорства, энтузиазма, терпения переводчика. Часто переводчик переводил роман на свой страх и риск (это называлось «самотёк»), и уже потом пытался издать его; случалось, готовая работа на годы ложилась «в стол». Иностранную литературу в глазах русскоязычных читателей формировали именно переводчики (ну и отчасти, конечно, цензура – иных авторов не удавалось «пробить» никакими силами).

Например, невероятная популярность Сэлинджера и Воннегута у советской интеллигенции 60-х – результат личного выбора и усилий Риты Райт-Ковалёвой. А то влияние, которое эти авторы оказали на дальнейшее развитие русской литературы – дань её таланту. Ведь в русской словесности не было «стилистических ключей» для такого письма, не было точки отсчёта – этот язык пришлось создавать заново, и уже он стал точкой отсчёта для целого поколения русских писателей. И когда кто-то из них говорит: «Я учился у Воннегута», справедливости ради следует прибавить: «И у Риты Райт».

«Отношения переводчика с переводимым автором – штука сложная, – пишет Рита Райт в статье о Воннегута, – я бы даже сказала, интимная, душевная. Если это классик – уходишь в глубь веков, стараешься проникнуть в ту эпоху, восстановить реалии, традиции, нравы давно ушедшего прошлого. Но если автор – твой современник, живёт сегодня где-то рядом, хотя и на другой стороне Земли (а как часто мы забываем, что Земля круглая!), то возникает – должна возникнуть! – живая связь, личная приязнь, когда, как говорит мой любимый герой из повести Сэлинджера, «прочтешь его книгу, и хочется позвонить ему по телефону»¹.

Рита Райт-Ковалёва была чрезвычайно разноплановым переводчиком – удивительно, каких разных писателей (и со скольких языков) она переводила. Фридрих Шиллер, Франц Кафка, Генрих Бёльль, Натали Саррот, Анна Франк, Уильям Фолкнер, Д. Дж. Сэлинджер, Оскар Уайльд, Джон Голсуорси... Закономерно возникает вопрос: все ли авторы оказывались одинаково близки переводчику? В каждого ли удавалось перевоплотиться с равным успехом? Разумеется, нет. Но русские переводы неизменно получались убедительными, талантливыми произведениями. Авторитет Риты Райт-Ковалёвой таков, что переводы её и по сей день остаются «каноническими» – любая попытка увидеть разницу между русским и английским Сэлинджером² почти неизбежно вызовет протест, в крайнем случае – вердикт, что Сэлинджер «страшно проигрывает в оригинале». Это – оборотная сторона медали. Канонизация переводов – ещё одна черта советской эпохи, ни в чем не терпящей плюрализма. Так сонеты Шекспира для большинства наших соотечественников навсегда заменены вдохновенной версией Маршака.

Поразительно, однако, что при несомненном литературном даре сама Рита Яковлевна почти не писала. *«Беда в том, что я – не писатель и у меня нет той доли благородного графоманства, которое помогает нашим прозаикам, – пишет Рита Яковлевна. – Я – переводчик, т.е. – отражение, я – не драматург, а актёр, исполняющий чужой текст... Это я делаю, как говорят, точно и добросовестно, легко перевоплощаюсь в любого автора. А писать самой... Правда, я написала книгу о Ро-*

¹ Курт Воннегут сам позвонил по телефону Рите Райт – и этот звонок положил начало их многолетней дружбе. Писатель не раз высказывал предположение, что своей популярностью в России он, в первую очередь, обязан переводчику. Если верить Довлатову, Гор Видал пошёл ещё дальше, утверждая, что «Романы Курта страшно проигрывают в оригинале».

² Например, рассказ «Хорошо ловится рыбка-бананка» по интонации кардинально отличается от английского оригинала "Perfect day for banana-fish". Рассказ существует также в более точном переводе В. Гольшера и Э. Наппельбаума («Лучший день банановой рыбы»), который, впрочем, никогда не переиздаётся.

berte Бернсе (за что и была приглашена дважды в Шотландию!), писала и всякие воспоминания – о своей молодости <...> Да, писать самой мне бесконечно трудно, особенно потому, что все от меня чего-то ждут...» И всё-таки энциклопедии упорно именуют Риту Райт «советской писательницей» – и в этом нет ошибки.

Как многие русские писатели, она пришла в литературу из медицины. Её настоящее имя – Раиса Яковлевна Черномордик («зовут меня – официально – Раиса, отчество – Яковлевна, но так как с юных лет я что-то пописывала и дома звали Рита, то и вышла Рита Райт – так меня все до сих пор и называют. Оттого – и Рита Яковлевна» – поясняет она). Родилась 19 апреля 1898 года в Курске в семье известного в городе врача (мать её была помещицей), закончила Курскую женскую гимназию, поступила в Харьковский медицинский институт. Но уже тогда начала интересоваться языками.

«До переезда в Москву я три года училась в Харьковском медицинском институте и на частных курсах иностранных языков, – вспоминает Рита Райт, – где преподавала английский начинающим и занималась в так называемой «диккенсовской группе» – для тех, кто хорошо знал английский и хотел знать его ещё лучше. Уже в те годы моя жизнь как бы «раздвоилась»: медициной я занималась без особой охоты и всё свободное время отдавала литературе, языкам, музыке и – больше всего – стихам».

Однако медицину Рита Яковлевна оставила далеко не сразу – перебравшись в Москву, она окончила медицинский факультет 2-го Московского университета, потом переехала в Ленинград, с 1924 по 1930 работала у знаменитого физиолога И.П. Павлова, затем – в биологической лаборатории Военно-технической академии. Настоящая жизнь, однако, была для неё в литературе, в поэзии. В Москве Рита Райт познакомилась с Маяковским и Лилей Брик, перевела на немецкий «Мистерию Буфф». Дружила с Хлебниковым, с Пастернаком. (Олег Лекманов даже высказывает предположение, что строки и «Белой ночи»: «Дочь степной небогатой помещицы, ты на курсах, ты родом из Курска» относятся именно к Рите Райт.) Об этом периоде она рассказала в своих воспоминаниях. Что касается личной биографии, я процитирую здесь то, что Рита Яковлевна нашла нужным сообщить о себе в письме 1972 г. к Ю. Б. Софиеву: «Муж мой – Николай Петрович Ковалёв – погиб в 1946 году, был он инженер-капитаном 1 ранга, подводником... Моя дочь – Маргарита Николаевна Ковалёва – биолог, а кроме того – киносценарист и режиссер, окончила ВГИК, уже после биофака. Много работала в экспедиции по энтомологии, а потом занялась научными и учебными фильмами. Но сейчас переводит – она знает языки. Живём мы с ней отдельно, но очень связаны и по работе – и по душе...»

Рита Яковлевна Райт-Ковалёва прожила долгую жизнь – она умерла в 1989 году. Влияние её на русскую словесность было глубоким и разнообразным – она не только дала советской интеллигенции многих литературных кумиров, не только оказала влияние на многих русских писателей – но и воспитала несколько поколений переводчиков. Это было ещё одним нечаянным, но оттого не менее впечатляющим достижением советской системы: из-за крайне централизованного и поднадзорного литературного процесса образовался сильнейший институт редактирования. В журнале «Иностранная литература»³, с которым Р. Райт-Ковалёва сотрудничала в течение многих лет, была традиция совместной работы опытных переводчиков с молодыми: это было не просто редактирование, но настоящая переводческая школа, глубокий и вдумчивый анализ каждого слова, каждой интонации. Именно о такой работе с текстом рассказывает публикуемая ниже статья – в ней обобщается не только опыт переводчика и редактора, но и опыт учителя.

Этот опыт так же драгоценен сейчас, как и прежде. Сегодня принято говорить об упадке художественного перевода – переводческое сообщество перестало быть элитарным, деньги платят смешные, заказ может получить любой полуграмотный. Книги выходят все без разбору, в издательствах часто нет редакторов и корректоров. Все это правда. Зато нет больше политической цензуры и варварских купюр, нет железного занавеса и «запретных» писателей. Переводчик больше не выступает в роли Вергилия, не вершит судьбы литературы и отвечает только за свой личный выбор. Но людей, преданных своему делу, не стало меньше. И ничто не мешает им учиться у мастеров.

Александра Борисенко

³ Пожалуй, это – чуть ли не единственное место, где институт редактирования до сих пор жив в этом высшем, перфекционистском и просветительском смысле.

Памяти друга и учителя С.Я. МАРШАКА —
лучшего переводчика и редактора, какого я знала.

О том, какими средствами передать на другом языке смысл, звучание и красоту литературного произведения, написано много интересных трудов.

Из всех практических и теоретических пособий можно бесспорно и ясно вывести одно: читатель перевода должен понять, увидеть и почувствовать всё то, что понял, увидел и почувствовал читатель подлинника.

Какими же средствами это достигается? Как овладеть внутренним миром русского читателя с той же силой, с какой овладел душой своего читателя иноязычный автор?

Как помочь в этом молодому переводчику? Как сделать, чтобы читатель ему поверил?

Эти заметки — не обсуждение теоретических проблем и отнюдь не кулинарный «Подарок молодым переводчикам». Это — суммированный вкратце опыт, собрание азбучных истин, известных почти каждому старому мастеру и если не путеводитель по лабиринту языковых поисков, то хотя бы грубая схема этого лабиринта, протянутый юным тезисам кончик путеводной нити. И, чтобы продолжить несколько натянутое сравнение, нить эту вручает переводчику опытный и доброжелательный, я бы даже сказала, любящий редактор.

Редактор нужен всем — как молодым, так и старым переводчикам. Нет ничего опаснее заблуждения некоторых литераторов, говорящих старому мастеру: «Да вам-то редактор не нужен. Ну как может (имярек) — такой молодой, неопытный, или (имярек) — такой скучный, академичный, редактировать вас, что они могут вам дать?» Это неверно уже потому, что при работе с двумя текстами особенно нужен чужой внимательный глаз, и не только для сверки, для первого прочтения перевода, но и для помощи в выборе вариантов, для совместных поисков точных реалий.

Редактор, работающий с опытным переводчиком, часто, как сказал мне один из моих прекрасных молодых редакторов, является в некотором роде «катализатором»: остановив внимание переводчика на какой-нибудь не-

ясности, неловкости, неудаче, он вызывает в ответ бурную творческую «реакцию» и с радостью видит, как возникает новый, точный и красивый вариант. Мне часто приходится по работе встречаться с такими молодыми «катализаторами». Случается, что сам он не умеет найти решение (да от него это и не требуется!), но его замечания помогают куда больше, чем «подброшенное» — а иногда и навязанное! — решение профессионального редактора. Я уж не говорю о редакторах-варварах, которые беззастенчиво кромсают чужой текст, отрубая головы фразам, пришивая какие-то чужие, мёртвые куски. К счастью, таких сейчас становится всё меньше и меньше. Мастерство редактора растёт, растут новые, отличные, вдумчивые и, я бы сказала, уважительные (уважающие чужой труд) помощники писателя.

Сейчас речь идёт о частном случае — о работе внимательного и спокойного старшего товарища с чутким к слову, усердным и трудолюбивым молодым переводчиком. Для такого переводчика редактор — и помощник, и учитель. И, как ни банально это звучит, он должен прежде всего научить молодого литератора думать.

Под этим я подразумеваю умение не только *вдумываться* в переводимый текст, *осмысливать* его, искать средства передачи его на свой язык. Старший товарищ воспитывает в младшем не только профессиональные, но и — как бы это назвать? — моральные, что ли, качества, необходимые, разумеется, во всякой работе над словом: настойчивость в поиске, ненависть к халтуре, к компромиссам, умение быть беспощадно строгим к себе, умение прислушиваться к критике, преодолевая ложное самолюбие. Надо научить человека не считать какую бы то ни было работу «проходной». Нельзя позволять ему высокомерно говорить: «Это я сделал наспех, да и что тут было стараться? Стихи (или рассказ) неважные, чего уж с ними возиться?» Надо внушить, что нельзя хвастать быстротой в работе: «Я это перевёл за две недели, прямо надиктовал в машинку, вы уж посмотрите — где тут было искать, придумывать!»

Редактор должен научить молодого литератора ощущать те «муки творчества», без которых из-под машинки пойдут страницы гладеньких, чистеньких, даже вполне «литературных» переводов, однородных по языку, насквозь пропитанных штампами или «переводизмами», словом, тех переводов, которые никакого отношения к истинно творческой литературной работе не имеют. И какая благодарная работа для старого мастера — помочь младшим товарищам! Как радостно видеть рост молодых, какое счастье — найти верных учеников, которым можно передать всё, что накопил за долгие годы. О них и для них написаны эти заметки. Может быть, они помогут им привести в некоторую систему и опыт старших товарищей, и ту уйму теоретических рассуждений и учёных трудов о переводе, которые, при всей их огромнейшей ценности, часто либо слишком сложны и туманны, либо слишком «отвлечённые» для практического применения.

1.

Первая стадия работы над переводом — правильное, углублённое прочтение оригинала. Мало просто прочитать книгу и сказать, нравится она или не нравится, можно её переводить или нет. Роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» долго оставался за бортом оттого, что несколько рецензентов и переводчиков, прочитавших его, восприняли эту книгу, которую Фолкнер назвал «лучшей книгой современной Америки», как пустую болтовню мальчишки-неудачника, к тому же написанную «на немислимом, непереводаемом сленге». Книге надо было дождаться того переводчика, который, услышав этот чудесный, чистый голос, увидев эту смятенную, нежную и целомудренную душу, со страхом и волнением стал искать для повести русские слова...

Понять замысел автора, пройти с ним заново путь создания книги, найти в ней не только прямую задачу, но и ту «сверхзадачу», ради которой книга переводится, — вот неперемённое условие творческого прочтения текста. Надо приучить переводчика не только

«вникать» в текст: надо помочь ему «освоить» его, узнать всё, что можно, о самом авторе книги — его биографию, его «background», то есть его воспитание, его языковую среду. Нельзя, скажем, хорошо переводить Кафку, не зная о его «двуязычном» окружении. Только представив себе, что он вырос в чешском городе и говорил по-чешски в быту, на работе, на улице, среди своих чешских друзей, но учился в немецком университете и писал по-немецки, только поняв, что немецкий язык для Кафки был не только языком литературным, но и языком его литературных произведений, переводчик почувствует строгость и простоту его стиля, который не терпит ни стилизации, ни ритмических вывертов, словом, никакого «украшательства» и никакой вульгаризации.

Язык героев Фолкнера можно освоить по-настоящему, только зная изысканность южного говора отпрысков «благородных» семейств и смешанный, одновременно и упрощённый и витиеватый, говор «белых бедняков» и негров-батраков и издольщиков, где неожиданно, наряду с библейской лексикой и ритмом духовных гимнов «Spirituals», звучит полублатной жаргон с «четырёхбуквенными» англосаксонскими словами.

Самое главное для переводчика — уже при первом знакомстве с оригиналом он должен как можно отчётливее, живее представить себе героев произведения. Их внешний облик, манера держаться, их привычки, жизненный ритм должны быть известны переводчику досконально, — уж не говоря об их характере, душевном строе, судьбе.

Надо проверить — *видишь* ли ты героя, *слышишь* ли его голос, даже тембр голоса. Сколько «мёртвых душ» ходит по страницам переводов! Каким вымученным, выдуманым, неестественным языком они разговаривают! Тут не помогают ни языковые «лихачества», ни редкие словечки, выкопанные у Даля, ни псевдоразговорная интонация с инверсиями и бутафорским «просторечием», не имеющим никакого отношения к живой речи. Но если переводчик представит себе своего героя, так сказать «живьём», во всей его

сущности и сложности, то герой *сам заговорит по-русски*, оставаясь при этом англичанином или французом, средневековым патером или современным американским «битником».

Отчётливое и точное проникновение в замысел автора и конкретное, ясное представление переводчика о героях произведения определяют всё построение перевода и особенно монолога, диалога и так называемого «потока сознания» — внутреннего монолога героя.

Приведу два конкретных примера такой расшифровки текста из недавней работы над романом Фолкнера «Деревушка». В этом романе впервые появляется героиня всей трилогии Юла Уорнер. Она пока ещё ребенок, рано созревшая девочка, ленивая, пассивная, медлительная. Переводчики романа сначала упустили, что в этой девочке уже дремлет будущая «Елена Прекрасная» — неотразимое воплощение «вечной женственности», почти языческое божество. Из-за этой забывчивости лексика была взята более «сниженная» и образ будущей Елены упрощён и огрублён.

В чём тут заключалась работа редактора? Конечно, не в том, чтобы править перевод. Мы обсудили всю «линию» Юлы, так сказать, сделали её портрет во всех деталях, и сразу появилась другая интонация, другой ряд слов: губы стали не «толстые», а «пухлые», походка не «ленивая», а «с ленцой» и кожа не «бесцветная», а «матовая». Никаких «вольностей» мы себе не позволили: по по-английски слова «husky voice» могут относиться и к пьяному матросу (тогда это «хриплый голос»), и к неземной красавице — тогда голос может стать, смотря по контексту, грудным или сдавленным, глухим, придушенным и даже невнятным. И оттого, что талантливые переводчики, прислушавшись к советам редактора, увидели эту неулыбчивую, медлительную и спокойную красавицу именно так, как её видел Фолкнер, отбор слов пошёл по другому руслу — и Юла посмотрела на мир «волооким» взором, а не «коровьими» глазами.

Воссоздавая мысленно портреты действующих лиц, переводчик, как актёр, работающий по системе Станиславского, воссоздаёт и всю их «предысторию», их прошлое, всё, что их окружает. Эту среду нужно видеть во

всех деталях, в тесной связи с замыслом произведения.

Часто автор избегает «описаний», и переводчику не раз приходится внимательнейшим образом перечитывать текст, чтобы восстановить образ героя и обстановку по крупицам, по «косточкам», как восстанавливают по остаткам черепа портреты давно исчезнувших людей. Переводя «Процесс» Кафки, нужно было искать характер героя, о котором критики пишут, что он «мало» показан автором, именно в мелочах. Мимолётное упоминание о том, что герой, видя неприглядную обстановку, в которой работает следователь, не без удовольствия вспомнил, какой у него самого кабинет: с телефоном, курьером и прекрасным видом на площадь — одна эта деталь помогает подметить обывательское самодовольство героя, и от этого страшнее становится его последующее неверие в себя. Этот К. — герой романа «Процесс» — по-разному видит окружающее в зависимости от настроения. То, как он сначала воспринимает шалости детей, как педантично замечает пыль на книгах, как потом уже почти ничего вокруг не видит, — всё это «работает» на ход повествования, показывает постепенное изменение личности человека, разрушаемой бессмысленным страхом.

Надо учесть переводчика строго и последовательно искать для своих героев правильный жизненный ритм, особенно тщательно описывать их речь, их движения, их внешность.

Недавно в одной очень талантливой работе молодого переводчика я нашла отличную иллюстрацию того, что я называю «словарным» переводом, то есть переводом слова в его словарном значении без учёта контекста. Девчонка, радуясь обещанию отца взять её в большой город, издаёт «screams», «yells», «shouts» и другие громкие звуки. Добросовестно (по словарю!) передав значение этих слов, переводчик тут же *забывает* об их эмоциональной нагрузке, и фраза строится так:

«А Мэри, та прямо взвыла: — Вот это да! Уж погляжу я на эти театры!»

И дальше:

«И тут Мэри подняла вой: — Хочу коктейль, — заявляет, — и маме, честно говоря, тоже хочется!»

Что тут произошло? Переводчик просто не представил себе *звука голоса*, ситуации, иначе он понял бы, что «поднять вой» и «заявить» одним духом немислимо, что, произнося слова, по существу спокойные, «уж погляжу я на эти театры!», никак нельзя ни «взвять», ни завопить. Вышло, как в классическом примере, когда после изысканной фразы, удачно подобранной переводчиком для речи фата: «Будьте столь любезны!» — идёт ремарка: «сказал он, сильно картавя». Переводчик и не подумал, что надо тот же фатовской тон передать словами, которые можно прокартавить: «Покорнейше вас прошу» или «Будьте так добры!».

Иногда, не войдя в положение персонажа, его заставляют говорить совсем не те слова, хотя по словарю они значат почти то же самое. Так в финале одной пьесы героиня говорит (или кричит?) герою: «Держи меня! Держи меня!» — hold me! Столь вольный перевод этих слов можно оправдать тем, что кругом падают бомбы и горят дома. И всё же она просит не «держать» сё, а обнять покрепче, и по-русски она говорила бы (или шептала) что-нибудь вроде: «Обними меня! Крепче, крепче!», а может быть даже «Целуй! Целуй меня крепче!» — в зависимости от темперамента этой женщины, который должен быть понятен переводчику, как свой собственный.

Так же, как голос, речь, надо тщательно выверять все движения человека, подбирать к ним правильные определения. Когда в одном переводе старый, немощный бродяга бежал, «упруго отталкиваясь ногами», это был словарный перевод слова «упруго» без учёта его значения в данном тексте. Переводчики часто заставляют своих героев делать не те жесты, не в том ритме и темпе. Любимое «заёрзал в кресле» часто значит просто «приподнялся», «привстал», а вечное «отхлебнул из стакана» часто означает «выпил воды» или «отпил глоток».

На многих языках движения описываются более расчленённо, чем на русском. По-английски части ног и рук и даже пальцы ног имеют свои особые названия. Вот почему очень часто переводчик на мою просьбу — самому проделать то движение, которое он только что описал, начинает безнадежно

путаться в собственных «предплечьях» и «лодыжках», тогда как по-русски надо просто сказать: «взял под руку» или «подвернула ногу». Надо точно *зрительно* представить себе, что именно сделал человек, куда, зачем и как он двинулся — и передать это русской фразой, в которой, может быть, не будет ни «запастья», ни «бедр», но будет точный рисунок движения.

Приведу пример передачи ритма и темпа движения в переводе одной из глав Фолкнера. Вот два варианта — до и после работы с редактором, причём, как вы увидите, редактор *ничего не правил и не придумывал*.

Речь идёт о полисмене, который хочет отнять нож у трёх маленьких дикарей-полуиндейцев, запугивая их жестами и мимикой.

Сначала переводчик написал так:

«Так что он просто подпрыгнул, взмахнув руками, и сделал вид, будто сейчас бросится на них, и снова крикнул, но остановился как раз вовремя: нож уже был у одного из них в руке, открытый, с лезвием не меньше, чем в шесть дюймов длиной; потом нож исчез, и это произошло так быстро, что он даже не заметил, у кого из них он был спрятан».

Редактор подчеркнул фразу и написал на полях: «*Так быстро*, а у вас — так медленно все произошло... Дайте темп!»

И переводчик переделал так:

«Тут он подпрыгнул, расставив руки, будто хотел их схватить, крикнул, но сразу осёкся — перед ним молнией блеснуло открытое лезвие ножа, дюймов в шесть длиной, и тут же исчезло — он даже не понял, кто из троих его спрятал».

Вот тут действие происходит «молниеносно». Верно найденный перевод слова «flashed» — блеснул молнией — сразу дал «темп».

Особенно замедляют темп и разбивают ритм всякие служебные слова: русские «затем» и «потом» совершенно не адекватны по темпу, скажем, английскому «then» и немецкому «dann» — и не только из-за своей двусложности. Зато у нас есть множество глагольных вариантов: несовершенный вид, однократные и многократные глаголы — как часто переводчик не умеет этим пользоваться, рабски калькируя «потом», «затем» и безнадежно замедляя ход рассказа.

Само собой понятно, что персонажи живут не в безвоздушном пространстве. *Время действия* (эпоха, историческая обстановка, возраст героя), *место действия* (страна, пейзаж, интерьер) и наконец *единство действия*, т.е. взаимосвязь всех персонажей, всех событий, развитие характеров и отношений, изменения по ходу действия — всё это непременно влияет на выбор средств при переводе, всё это должно быть точно известно переводчику.

На одном из семинаров молодых переводчиков мы говорили о переводе описаний природы. У хорошего писателя пейзаж всегда функционален: это не картинка, повешенная перед читателем «просто так» для украшения, это место, где живут и действуют герои. Деревья и дома, стулья и окурки — всё должно быть описано *для чего-то*. Как пример мы взяли чеховские пейзажи. Перечитайте, как воспринимает мужик восход солнца в рассказе «Казак» — и каким оно ему кажется после встречи с казаком. Вспомните, как течёт в «Дуэли» река: «жёлтая, мутная, сумасшедшая». Я уже не говорю о гениальной «Степи», где пейзаж как бы отражает мысли и душу маленького человека. Когда же мы разбирали в работе молодого переводчика описание горного пейзажа, где аккуратно были изображены «крутые склоны», «отвесные скалы» и «невидимое дно ущелий», то непонятно было, почему всё это наводит героя на мысль о крушении любви. А всё дело в том, что «невидимое дно ущелья» — это и есть та «бездонная пропасть», которая разверзлась перед героем и которую не ощутил переводчик вместе с ним. Более того: автор, затаив «грешную» (фрейдистскую) мысль, хочет при помощи этого же горного пейзажа напомнить герою его любимую. Но эту задачу никак не выполняет фраза: «Дальше виднелась пологая цепь круглых холмов», тогда как фраза: «Вдали мягко круглились невысокие холмы» может «сработать» на сюжет.

Иногда мелкие просчёты переводчика созидают не ту обстановку, не тот характер быта. Хозяйка вполне благоустроенного дома почему-то «умывается под кухонной раковиной» — переводчик не понял, что «wash up» — значит только мыть посуду. Люди открывают несущую

существующие в английских домах форточки, едят не то, носят «сатиновые домашние платья» и «шлепанцы» вместо шёлковых халатов и ночных туфель. «Flying curls» могут оказаться вовсе не «летающими локонами», а просто «растрёпанными кудерьками» и даже «взломаченной кучерявой головой», если речь идёт не о балерине и не о фее, а о небрежно завитой девушке из предместья или о растрёпанной головке малыша.

Все перемены, все взаимосвязи людей и вещей надо чувствовать и постоянно проверять. Тогда станет понятно, как непохожи те одноногие столики, о которых у автора — в разном контексте! — сказано, что они «неустойчивые». Но один столик стоит в бедной мансарде и неустойчив от старости, другой — в богатой гостиной и неустойчив от вычурности, от «изыска». И, поняв это, переводчик непременно увидит «хлипкий» столик, на котором трудно и писать и пить чай, и «тонконогий» столик, на который бояться поставить бокал с коктейлем.

2.

Как же помочь молодому переводчику выбрать правильный языковой строй, соответствующий оригиналу?

Прежде всего надо внушить переводчику, что книга уже *написана до него*, что в ней уже всё задано, всё сказано, всё показано. Верность оригиналу заключается именно не в буквализмском копировании, не в поисках однозначных слов, а, как хорошо сказал И.А. Кашкин, в проникновении за слова, в «прорыве» той «кальки», которую невольно накладывает переводчик на иноязычный текст¹.

¹ Не могу согласиться с Е. Эткиндром, когда в книге «Поэзия и перевод» он упрекает И. Кашкина в создании теории, игнорирующей языковую форму произведения. Кашкин якобы «спорит» с марксистским положением, что «язык — непосредственная действительность мысли». Это было бы правильным, если бы Кашкин предлагал переводить иностранский текст на ноты музыкальныхopusов или на краски художественных полотен (нарисовать рассказ Хемингуэя или сыграть трилогию Фолкнера), но Кашкин говорит о передаче языка на язык, т.е. всех компонентов языка на все компоненты языка другого. Речь идёт только о языке в целом (Кашкин) или о его составных частях (Эткинд) — Р. Р.-К.

Начиная понеки *своих* слов, переводчик всегда должен быть верен, я бы даже сказала, «пристрастно верен» своему автору.

Часто переводчик, не проверяя себя глубоко, навязывает автору совсем не тот стиль, не тот язык, каким написан оригинал, и этим сразу подрывает доверие читателя. Что это значит? Поясню эту мысль на небольшом, даже не переводном отрывке, взятом из неплохой статьи опытного журналиста. Он передаёт беседу с девочкой лет двенадцати. Девочка рассказывает эпизод из своей жизни, связанный с какими-то глубокими переживаниями, и автор статьи хочет уверить читателя, что это была задушевная искренняя беседа, что девочка «раскрыла душу» и прочее. Но вот как девочка рассказывает о прогулке в лесу, о том, как она нашла гербарий, который до тех пор ей не позволяли трогать:

«...и я пошла в лес. Летом выпало много дождей, папоротник в лесу был мне по колено и на полянах цвела высокая наперстянка, с розово-пурпурными и белыми цветами. Идти было легко. Земля, покрытая сосновыми и еловыми иглами, пружинила под ногами...» (Утомлённая столь художественным рассказом девочка «остановилась, перевела дыхание» и перешла к рассказу о запретном гербарии.)

«Я положила гербарий на колени и стала переводить листья. Между листьями были уже не цветы, а тени цветов – бестелесные, лёгкие, но сохранившие все лепестки, все изгибы. Я рассматривала каждый лист, каждый цветок и наслаждалась вдоволь возможностью вертеть в руках гербарий столько, сколько хочу».

Прошу прощения за длинную цитату, но как она похожа на неудачный перевод! И навязанные автором недетские определения «розово-пурпурные» и «бестелесно-лёгкие», и канцелярское: «наслаждалась вдоволь возможностью вертеть в руках», хотя сам автор уже давно сказал, что гербарий – тяжёлая папка и *вертеть* её в руках не только нельзя, но и незачем.

Сколько таких «говорящих красиво» детей и взрослых «ходит» по переводам! Сколько натянутых, фальшивых, искусственных слов произносят они. Может быть, эти слова и есть у автора подлинника? Но переводчик неверно построил речь, неверно взял интонацию, неверно, не в духе русского языка передал тот или иной стиль речи, — и эти слова приобретают совершенно другое звучание.

В рекламе немецкого мыла на русском языке есть восхитительная реплика кудрявого ребёночка, впервые вымытого этим мылом: «Да, мамаша, это было дело! — сказала крошка.» Слова обыкновенные, но от разухабистой интонации так и хочется добавить: «мокрое дело!» (тем более, что речь идёт о ванне!).

Как будто нет ошибок против словаря в переводе лирического отрывка из одного романа (герой болен, девушка его навешает):

«Билл потянулся руками, а Полли протянула свои и, целуя, шептала:

– О, не умирай, милый, пожалуйста, не умирай! Если бы я могла умереть за тебя, я бы сделала это! — Прикосновение к живому телу девушки рукой, охваченной болезнью, чудовищно уставшей, укрепило юношу неизмеримо больше, чем все заботы и предписания докторов. Полли поняла, что значит оно для Билла в его теперешнем состоянии, и она подошла близко, совсем близко к нему. А его протянутая рука доставила ей радость, и это взволновало кровь, отвечало самому заветному желанию, скрытому где-то в глубинах сознания».

Если сравнить перевод с подлинником, это и будет та полная калька с сохранением значения всех слов и синтаксиса подлинника: переводчик, зная английский язык и будучи профессиональным русским литератором, просто не понимает, что такое художественный перевод, и продолжает незабвенные традиции чеховской м-ль Мари: «О, молодой господин, не разрывайте эти цветы в моём саду, которые я хочу давать своей большой дочери».

Слова все на месте, грамматически правильно построена русская фраза — чего же ещё? На основе такой вот концепции и родилась «идея» приравнять переводчиков — писателей и поэтов — к устным переводчикам на конгрессах и съездах; языки знают, словари есть: чего не знаешь — посмотришь, вот и вся недолга!

И если сказать, что переводчик в какой-то мере становится соавтором произведения, то вам сразу начнут говорить о «неточности», о «перевыражении» подлинника, о «писательском переводе» — есть и такой термин!

Конечно, для молодого переводчика опасность слишком «вольного» отношения к тексту очень велика. И тут роль редактора — приучать своих молодых коллег к чрезвычайной точности, но точности не буквалистической,

словарной, а к точности поистине творческой, сознательной, к пониманию не внешнего, а внутреннего тождества двух текстов.

Позволю себе небольшое отступление о точности в художественном слове вообще. Когда С.Я. Маршак стали уговаривать, что пропущенное в типографии тире — пустяк и ломать из-за этого вёрстку не стоит, он очень рассердился: «Сегодня вы скажете, что одно тире — пустяк, завтра — что одна буква, вот и напечатают: «Я помню чудное мгновенье».

Как часто вспоминаешь Самуила Яковлевича, когда находишь небрежности в языке, связанные с неряшливым отношением к реалиям. Чего стоят «разноцветные зрачки», которые переходят из романа в рассказ, из пьесы в стихи: и цветастые они, и серые с прожилками, и голубые... А ведь каждый школьник знает, что зрачок — это дырка в радужке, как диафрагма в фотоаппарате, и своего цвета не имеет!

Но точность нужна не только в реалиях. В переводе особенно точно надо отбирать слова и предложения именно *из того языкового слоя*, какой *соответствует* авторской лексике.

Тут надо предостеречь молодого переводчика и от «канцелярита», — так называет сухую безжизненную, казённую речь К.И. Чуковский, — и от безудержного языкового «лихачества», употребления просторечий, областных редких слов, псевдоразговорных интонаций, построенных на ненужной инверсии, от неоправданного добавления служебных частиц, вроде «то», «уж», «эй», «ой». Иногда простая инверсия — могучее оружие русского языка! — совершенно меняет тональность речи. Скажите только «В окно виднелись леса зелёные, река глубокая» — и у вас получится напевная сказочная интонация, которой нет в простой фразе: «В окно виднелись зелёные леса и глубокая река». С.Я. Маршак любил приводить как пример полной перемены смысла и разрушения идиомы простую перестановку слов в известном выражении «кровь с молоком», которое, превратившись в «молоко с кровью», вызывает представление не о румяной русской красавице, а о каком-то страшном убийстве.

Но если неуместные инверсии и замусоривание перевода служебными словами легко убрать, то с неумеренным злоупотреблением просторечием бороться куда труднее и куда сложнее. Тут редактору нужен особый такт, хороший слух, умение показать и доказать, почему неуместно — именно неуместно, а не «запрещено» — то или иное заимствование из богатейшей сокровищницы народной речи. Иногда влюблённость переводчика в народную сочную и красочную речь, в звонкий говорок московских старожилов или строгий северный распев вологодских кружевниц тянет его в неумелую, неумеренную стилизацию, разрушающую тот текст, который он переводит. Редактор должен указать переводчику на эти «излишества», заставить его как можно строже проверить, не переборщил ли он, не ударился ли в ничем не оправданное языковое лихачество?

Такое злоупотребление просторечием вконец сгубило интересную и серьёзную работу переводчика Петрова «Фру Мариа Груббе».

Я останавливаюсь на этом переводе потому, что теоретическая статья переводчика «О пользе просторечия» мне показалась и полезной и весьма эрудированной. А применить на практике эти вполне верные положения не удалось только из-за неразборчивого *самоцельного* употребления просторечий, взятых из самых разных речевых слоёв и применённых без учёта тех ассоциаций, которые они неизбежно вызывают у русского читателя.

О том, какие ассоциации связаны у читателя с тем или иным словом, с тем или иным строем речи, переводчик должен всегда помнить, а редактор — неуклонно и сурово напоминать ему об этом.

В романе «Фру Мариа Груббе» датского писателя Якобсена (о нём в предисловии сказано, что он находился под влиянием Тургенева!) действуют богачи и нищие, невоспитанные и хорошо воспитанные рыцари, монахи, придворные, шлюхи и графини. Но всё это происходит в Дании XVII века, — а об этом-то переводчик начисто забыл. И оттого, что он называет Деву Марию (Богородицу) — Богородицей, а знатная дама пишет в письме

к столь же знатной сестре: «И любви-то моей к нему с гулькин нос осталось», оттого, что шут разговаривает, как скоморох при Иоанне Грозном, а рыцарь не то как опричник, не то как боярин, — у читателя возникают *привычные* ассоциации с *русской* жизнью: у тех, кто постарше, — с романами Лажечникова и даже с «Князем Серебряным», у тех, кто помоложе, — с отрывками из хрестоматий по истории русской литературы. Пропал местный колорит, пропала Дания XVII века, выросло никогда не существовавшее московское княжество с «заморскими гостями», иноземными именами и названиями и со специфической, ярко окрашенной чисто русским колоритом, речью. Пропал и автор — вместо него появился посредственный русский беллетрист прошлого века.

Часто молодому переводчику на примерах приходится показывать, как неудачно или бестактно выбранное слово уничтожает, сжигает всё, что стоит с ним рядом. То же самое делает неуклюжая, ненужная инверсия, и прицеленные ради «оживляжа», как говорят кинематографисты, служебные словечки, всякие «ничегошеньки» и «вроде».

Вот один из таких примеров. Прочтите — и скажите, чьи это слова:

«— Ну, мыслимо ли спать-то! Да ты глянь-ко, красота какова! Ох, ну и красота! Ты подь сюда! Лалушка, рыбонька, подь-ка сюда! Ну, видишь, аль нет? Так бы вот и села на корточки, вот эдак, подхватила бы себя под коленочки — ту же, как можно ту же — понатужиться надобно — и подлетела бы! Вот эдак!»

Несомненно, всякий, кто прочтёт эти строки, скажет, что так вполне может разговаривать любая крестьянская девушка. И вряд ли кто-нибудь сразу узнает отрывок, переведённый с русского на русский. Вот этот отрывок:

«— Ну, как можно спать? Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть!.. Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки, — ту же, как можно ту же, — натужиться надо — и полетела бы. Вот так!»

Казалось бы, законное замещение синонимами, добавление двух-трёх служебных слов — но что случилось с бессмертными строками?.. Изменилась интонация, переместилась

«принадлежность», и даже слова, точно совпадающие со словами Толстого, зазвучали иначе в соседстве со словами *другого ряда*: «корточки» и рядом «коленочки» (вместо «коленки») придают какую-то слашавость, чего и в помине нет у Толстого.

Читая всякие переводческие выверты, невольно вспоминаешь, с каким непревзойдённым вкусом передана и простонародная и старинная речь в прозе Пушкина, особенно в «Арапе Петра Великого» и в «Капитанской дочке».

«Прощайте, Пётр Андреевич, — сказала она тихим голосом, — придётся ли нам увидеться или нет, Бог один это знает. Но век не забуду вас: до могилы ты один останешься в моём сердце».

«Бог один», «ты один», — как мелодично звучит девичий голос, как слышно, что это *тихий* голос, голос *простой* девушки.

Перечитайте Пушкина именно с этой точки зрения, прочтите, как разговаривает Савельич, генерал-немец, Швабрин, императрица и Маша, и вы увидите, как просто и точно сделана речевая характеристика людей разных классов, разных судеб.

* * *

Ещё и ещё раз хочется напомнить, что мы говорим сейчас о работе редактора с молодёжью и, конечно, с молодёжью определённого склада — проще говоря, с молодёжью литературно одарённой, талантливейшей. Ничем нельзя помочь тому, у кого нет слуха, нет языкового чутья, нет воображения — пусть он хоть сто раз будет знатоком иностранного языка и говорит на нём, как бог.

Отбор переводчиков должен идти с такой же строгостью, с какой идёт отбор студентов в консерваторию и почти по тем же признакам: наличие слуха, музыкальности, вкуса и трудолюбия. И, конечно, литературного таланта.

Но даже одарённому, способному молодому литератору приходится внушать, как трудна, кропотлива, а иногда и мучительна работа переводчика.

Тут и начинается работа редактора. Получив перевод молодого товарища, он должен стать не просто «ловцом блох» — всяческих ошибок, неточностей и несоответствий. Это,

Наследие

разумеется, необходимо, но не это — главное в их творческом содружестве. Это только первая стадия «чистки» перевода, и чем добросовестнее переводчик, тем она короче: никакого особого труда не требуется, чтобы, слив перевод с оригиналом, выправить ошибки, «подчистить» шероховатости.

Но не это помогает дальнейшему росту и развитию мастерства переводчика.

Иногда в руки редактора попадает перевод, похожий на детский рисунок: всё очень мило, чисто и даже «похоже». Но ребёнок, не зная законов перспективы, может нарисовать огромного цыплёнка рядом с крохотным домиком — и это умилительно и прелестно. А ведь переводчику надо создать художественное произведение, а не детскую его интерпретацию.

Ни в коем случае нельзя править и переписывать такого переводчика. С ним надо заняться глубоким разбором его ошибок, надо научить его всему тому, о чём говорилось выше.

Предположим, что в руки редактора попал пробный отрывок перевода рассказа Фолкнера. Его сделал молодой переводчик, которому — и вполне резонно! — не понравился перевод, напечатанный в сборнике. Молодой переводчик серьёзен, способен, неплохо знает английский, очень любит Фолкнера, что тоже немаловажно: у нас ещё много переводчиков, которые переводят ненавистных им писателей, отплёвываясь и сердясь, — и перевод обычно получается серый и унылый.

Читая этот пробный отрывок, редактор с первой же страницы видит, что никто, никогда и ничему этого молодого переводчика не учил. Тот не знает, что такое калька, не понимает, что относится к стилю автора, а что — к языковой специфике, понятия не имеет, как создавать ритм, соответствующий ритму автора (причём речь идёт отнюдь не об эквиритмичности, в смысле копирования синтаксиса и количества слогов). Переводчик не понимает, что «верность автору» не означает буквализм, что есть всякие возможности добиваться верной передачи текста, добиваться раскрытия его.

Только при тщательном анализе ошибок можно чему-нибудь научить начинающего переводчика. Тогда он поймёт, что если, ска-

жем, у автора, на берегу реки Миссисипи стоят «old little towns», то это вовсе не обязательно «старинные (или старые) маленькие города», а, смотря по обстоятельствам, и «старые городки» и даже «городишки», может быть, вовсе не «старинные», а те, что «исстари» лепились по берегам. Надо объяснить переводчику, что слово «старинный» имеет привкус чего-то действительно древнего, тогда как городки и городишки на берегах Миссисипи, великолепно описанные Твенном в «Жизни на Миссисипи», не столько «старинные», сколько обветшавшие, заброшенные, потому что река изменила русло, ушла от них, и жизнь в них затихла, застыла.

Примеры эти можно приводить без конца. Но не в них дело: не только у молодых — у себя, у своих старых опытных товарищей часто находишь недодуманные места, недоделанные диалоги. И через некоторое время, когда отойдёшь от текста, правишь себя куда суровее и придирчивее, чем своих «подшефных», вернее, «подредаторных» новичков.

Основное — и об этом много и отлично писали такие мастера, как К.И. Чуковский, Ив. Кашкин, Н. Любимов, О. Холмская (я беру только статьи о прозе: у стихов свои законы, и о них пишут куда больше), основное, как уже сказано выше, — это научить молодого переводчика *правильно думать*, углублённо читать текст, воспитать в нём вкус, разборчивость в поисках средств выражения, добросовестность и трудолюбие.

Как говорил С. Я. Маршак: «Наше дело — собрать сухой хворост для костра, а упадёт ли на него огонь с неба, “искра Божия” — будет видно».

Он хотел этим сказать, что талант — как говаривали в старину — «от Бога», но с ним одним тоже ничего не добьёшься, если терпеливо и настойчиво не собрать все знания, все умение, если не вложить все силы в обработку слова — мне даже хочется сказать Слова, с заглавной буквы.

А работа над словом — это тончайшая технология, ювелирная тонкость и точность — пишешь ли ты стихи и прозу на своём родном языке или переводишь чужие стихи и прозу, делая их достоянием твоей родной литературы.

Пентхаус из слоновой кости

О статье А.Л. Борисенко «Не кричи “Буквализм!”»

В.К. Ланчиков

Статья А.Л. Борисенко (*далее А.Б.*) «Не кричи “Буквализм!”»* начинается с известной фразы: «У нас секса нет». Журналисты любят приводить это высказывание, когда хотят обличить дикие нравы этого кошмарного Советского Союза. Но обличительная сила этой цитаты несколько умалается, если принять к сведению, что по тому же поводу и в том же духе посмеиваются над собой цивилизованные британцы: в английской прессе фраза “No sex please. We are British” встречается никак не реже. Это обстоятельство отчасти подорывает советскую монополию на дикость.

Такую же операцию можно проделать не только с замызанной журналистской прибауткой, но и с большинством положений разбираемой статьи. Штампы боятся фактов.

Увы, большая часть мыслей, содержащихся в статье, действительно всего лишь публицистические штампы. И главное её достоинство состоит в том, что эти штампы собраны вместе, приведены в систему, выражены без обиняков. Трудно же спорить со взглядами, когда они высказываются мимоходом, мелкой россыпью, так что не знаешь, с какого начать опровержение. В этой же статье предмет для спора задан почти что с последней прямой. Таким должен быть и ответ.

1. Перевод с идеологического

Впрочем, в разделе «Злоключения буквализма в советской России» обиняков всё же больше, чем прямоты.

Одним из первых советских теоретиков буквализма здесь объявлен Н.С. Гумилёв.

Логичнее было бы отвести эту роль более влиятельному в те годы его литературному наставнику В.Я. Брюсову (тем более, что автор не раз ссылается на известную статью М.Л. Гаспарова «Брюсов и буквализм»), но на примере преуспевающего Брюсова «злоключения» буквализма необразишь. Иное дело Гумилёв: «Гумилёв был расстрелян, а всё написанное им изъято из обращения на много лет <...> Так с самого начала не задался плюрализм в советском переводоведении».

Казалось бы, Гумилёва даже по его программным заявлениям можно отнести к буквалистам не в большей степени, чем лауреата Сталинской премии М.Л. Лозинского (о нём и его теоретических взглядах в статье вообще ни слова). Куда более несомненным апологетом буквализма был, как известно, Е.Л. Ланн. Что ж, о Ланне тоже сказано — с многозначительным добавлением: «В 1949 году коллеги по цеху обвиняли Ланна в космополитизме».

Неважно, что Гумилёв был расстрелян отнюдь не за приверженность якобы буквалистским принципам. Неважно, что поводом для обвинения Ланна послужили вообще не переводы, а его романы «Старая Англия» и «Диккенс» (после 1949 года Ланн не только продолжал переводить, но и переиздал — с предисловием Е.В. Тарле — свой роман «Гвардия Мак-Кумгала»). Неважно, что репрессирован он не был, а вместе со своей горячей любимой женой А.В. Кривцовой в 1958 году покончил с собой, когда врачи объявили Анне Владимировне, что у неё рак желудка (диагноз оказался ошибочным). Неважно, что репрессиям подвергались и переводчики,

* «Мосты» № 2(14), 2007.

в чьих работах буквализмом и не пахло — от тогда ещё мало кому известного Н.М. Любимова до уже прославленного В.И. Стенича. Эти факты не подтверждают штамп о том, что буквализм в Советском Союзе преследовался как «чуждая идеология», а значит, упоминания не заслуживают.

Но ведь фактов, свидетельствующих о том, что буквализм искоренялся как «буржуазная зараза» в статье тоже нст. Не приравнивать же выступления К.И. Чуковского и И.А. Кашкина к постановлению ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». Впрочем, если постараться, можно и приравнять. Надо лишь ввести оговорку: «...поскольку любая борьба в те годы, разумеется, была идеологической».

Чтобы не отклоняться от темы, не стану уточнять, насколько этот тезис соответствовал действительности. Позволю себе лишь задать вопрос: в какие такие *те* годы? Кашкин и его последователи заявили о себе лишь в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Кто же воздвигал гонения на буквалистов до этого? Насчёт этого в статье как-то глухо. Недомолвки, экивоки и озадачивающие утверждения, вроде следующего: «Доставалось, однако, и буквализму “продуманному”. Позиций “технологически-точного” перевода придерживалось издательство Academia, в котором работали весьма образованные и одарённые люди. (В начале 20-х годов Academia опубликовала работы формалистов Тынянова, Проппа, Жирмунского, Виноградова, Томашевского)». ¹ Дальше — цитаты из А.В. Фёдорова и К.И. Чуковского, по которым трудно догадаться, как и от кого «продуманному буквализму» в ту пору доставалось.

А вот, не угодно ли, происшедшая в *те* годы история, где «заключения» буквализма предстают в ином свете.

В «Высоком искусстве», разбирая переводческие методы А.Д. Радловой, Чуковский пишет:

¹ Следует, вероятно, напомнить, что под формалистами в данном случае имеются в виду последователи «формального метода» в литературоведении, а к переводчикам-формалистам они имеют примерно такое же отношение, как коринфский ордер — к ордеру на обывк.

В двадцатых-тридцатых годах <...> новое поколение переводчиков провозгласило своим лозунгом научность. Научность, по их убеждению, заключалась в объективном учёте всех формальных элементов переводимого текста, которые переводчик обязан воспроизвести с педантической точностью.

Эта победа мнимонаучного формалистического метода над самоуправством старозаветных кустарей-переводчиков была тогда же декларирована во многих статьях, имевших характер манифестов. Считалось, что отныне стиховым переводам обеспечена будто бы максимальная точность, достигаемая строгим анализом формальной структуры данного произведения поэзии. Отныне переводчики должны были крепко запомнить: от них требуется, чтобы в своих переводах они воспроизводили ритмику подлинника, и число его строк, и характер чередования рифм, и его инструментовку, и прочее, и прочее, и прочее.

В этот-то псевдонаучный период и выступила со своими переводами Анна Радлова. Вот одна из причин, но, конечно, далеко не главная, почему их встретили таким радостным шумом: всем казалось, будто они знаменуют собой наступление новой эпохи точного воспроизведения классиков. Казалось, что наконец-то на смену любительским переводам Шекспира, в которых столько пустозвонных отсебятин, будут даны переводы, вполне адекватные подлиннику и в отношении смысла, и в отношении метрики, и в отношении количества строк.

Оговорка «одна из причин, но, конечно, не главная» сделана неспроста. В «Высоком искусстве» главную причину Чуковский вообще не называет, но состояла она в том, что муж Радловой Сергей Эрнстович был в то время крупным театральным чиновником. Благодаря его влиянию Радлова, по словам Чуковского, «любилась того, что во всех театрах Советского Союза драмы Шекспира ставились только в её переводах». В 1936 году Чуковский записывает в дневнике отзыв известного актёра Ю.М. Юрьева на переводы Радловой: «Плохие переводы. Стесняют актёра, связывают его по рукам и ногам. Особенно перевод “Отелло”. Но я всё же играю в её “Отелло” — иначе нельзя, пресса заругает, замалчивать начнут...»

Опасения Юрьева имели основания. Снова «Высокое искусство»:

Полемика вокруг этих чёрствых, косноязычных, антихудожественных переводов разгорелась в 1935 году.

С каким-то подозрительным единодушием прозвучал в печати многоголосый хор рецензентов и критиков.

Эти переводы шекспировских пьес были объявлены высшим достижением искусства.

Против этой ложной оценки восстал талантливый критик Ю. Юзовский, выступивший в конце 1935 года в «Литературной газете» (№69) с отрицательным отзывом о радловском переводе «Отелло». К его мнению присоединился критик Л. Боровой. На них обрушились «влиятельные» журналисты эпохи. Юзовский был назван в печати «бараном», «свистуном» и «невежей». Боровой подвергся таким же нападкам. Нападки перемежались угрозами: «Этих свистунов и любителей лёгкой победы надо призвать к порядку!»

Если не брезговать липкими домыслами, можно было бы как бы вскользь упомянуть, что, когда в 1939 году Чуковский решил вступить в полемику о переводах Радловой, А.А. Ахматова, пострадавшая от интриг «жабы», как она называла Радлову, и подозревавшая её в связях с НКВД, остерегала его, что критические выступления против маститой формалистки могут кончиться для него плачевно. Но поскольку документально подозрения Ахматовой не подтверждены, забудем о них и станем держаться исключительно фактов.

Факты изложены в дневнике Чуковского. 12 декабря 1939 года он записывает:

3-го дня читал свою книгу в «Библиотеке Иностран. Лит-ры» «Высокое искусство» в присутствии Анны Радловой и её мужа, специально приехавшими в Москву – мутить воду вокруг моей статьи о её переводах «Отелло» <«Астия у Дездемоны» – В.Л.>. Это им вполне удалось, и вчера Фадеев вырезал из «Красной Нови» мою статью. Сегодня Лида пишет, что Радловы начали в десять рук бешеную травлю против меня, полную клеветы.

Два года спустя Радлова была арестована и погибла в заключении.

Через много лет Чуковский с возмущением вспоминал:

Она <Радлова> гнусно переводила Шекспира. Я написал об этом, доказал это с математической точностью. Малый ребёнок мог убедиться, что её переводы никуда не годятся. Но она продолжала процветать – и Шекспир ставился в её переводах. Но вот оказалось, что она ушла в лагерь Гитлера, – и тогда официально было признано, что она действительно плохо переводила Шекспира.

И всё же одними чёрными красками портрет Радловой не напишешь. Подобно Ланну, Радлова не только переводила, но и

писала стихи и прозу. (В 1996 году московское издательство «ИЦ-Гарант» выпустило книгу, куда вошли сборник стихов Радловой «Крылатый гость», её поэтическая драма «Богородицын корабль» и прозаическое произведение «Повесть о Татариновой».) Вместе с М.А. Кузминым Радлова была вдохновительницей литературного течения, получившего название «эмоционализм». Именно Радловой Кузмин посвятил знаменитую поэму «Форель разбивает лёд».

Впрочем, это уже дела литературные. Нам интереснее история Радловой-переводчицы.

История же эта такова, что ею, как видим, можно подкрепить любой идеологический штамп. Нужно доказать, что в советское время формалистов чуть не на кол сажали – зажуриваешь один глаз: «Вон Радлову репрессировали». Нужно доказать, что формалисты при большевиках всех в бараний рог согнули – зажуриваешь другой: «Вон как Чуковскому досталось». Тогда как на самом деле всё решали обстоятельства, к переводческим принципам никакого касательства не имевшие.

К свидетельству Чуковского можно добавить воспоминания Н.М. Любимова:

В ту пору имели хождение «шекспирименты» как на сцене, так и в переводе. Толстенный том избранных произведений Шекспира, который в 1937 году выпустило издательство «Academia», напоминает тяжёлую гробовую плиту, которой переводчики словно пытались изо всех сил придавить вечно живого Шекспира. <...> При чтении подобных переводов у читателя рождалось законное недоумение: если Шекспир так плох в оригинале, то почему, собственно, ему такую славу поют? Уж не напускают ли тут шекспирологи туману?

А перечисляя стилистические просчёты М.Л. Лозинского, Любимов поясняет:

Это не значит, что переводчик Михаил Леонидович Лозинский не знал удач, и удач больших, обличавших в нём вдохновенного виртуоза. <...> Ему не повезло: он выступил в эпоху буквализма, в эпоху дословщины и подпал под влияние крохоборов. Он стал на горло собственной песне. Выступи он несколькими годами позже, ну хотя бы одновременно с Пастернаком, когда буквализму была объявлена война не на жизнь, а на смерть, Лозинский одарил бы нас жемчугами иноземной поэзии.

Но в конце концов победу одержал тот подход к переводу, который Кашкин назвал

«реалистическим». Идеологический штамп буквалистов категоричен: «Может ли быть что доброе из Назарета?» На победивший принцип наклеивают ярлык: «Сделано в СССР», и хотя в целом его не отрицают (слишком много людей с именем его придерживались, а в мире штампов авторитетное имя важнее любых доводов), начинают упорно приискивать аргументы в пользу отринутых принципов.

II. Алхимия слова

Можно было бы привести и другие факты, доказывающие, что в советское время буквализм был на коне, был и под конём. Более того, если приглядеться, окажется, что советское время — едва ли не единственный период в истории отечественного перевода последних трёх столетий, когда буквализм вообще был на коне.

Это утверждение идёт вразрез с положением уже упомянутой статьи М.Л. Гаспарова «Брюсов и буквализм», которую А.Б. называет «классическим трудом о буквализме». Но, во-первых, умозрительность схемы Гаспарова, согласно которой «переводческое искусство совершает периодические качания между буквализмом и вольничаньем», несоответствие этой изящной схемы грубым фактам уже доказал В.В. Коптилов в статье «И вширь, и вглубь...». (Статья Коптилова, как и статья Гаспарова, была впервые опубликована в сборнике «Мастерство перевода» два года спустя, но сторонники буквализма, по привычке зажав один глаз, её не замечают.) А во-вторых, если внимательно прочесть статью Гаспарова, бросается в глаза одна терминологическая неясность, с учётом которой в предложенной схеме обнаруживается существенный изъян: оппозиция *вольность/буквализм* часто приравнивается к оппозиции *вольность/точность*. Коль скоро речь в обоих случаях идёт об одном и том же и первый член оппозиции (*вольность*) остаётся неизменным, остаётся предположить, что автор рассматривает буквализм и точность чуть ли не как синонимы. При таком подходе В.А. Жуковский оказывается в одном стане с поздним В.Я. Брюсовым, хотя «буквализм» первого

сводится к сохранению метрики, строфики и системы рифмовки, а второй (по крайней мере, в последней редакции перевода «Энеиды») воспроизводил и синтаксис, и фразеологию, и словарные значения отдельных слов оригинала, и даже точную транскрипцию имён собственных, уже вошедших в русский язык в ином виде.

Можно сколько угодно сетовать на размытость понятия «буквализм» (хотя научное определение его имеется, о чём речь впереди), но нельзя же под этим предлогом расширять понятие до безграничности.

Так когда же этот метод в наиболее острой форме за последние три века распространился у нас настолько, что о нём заговорили как об устойчивой тенденции? Получается — только в 20–40-е годы XX века. (Судя по косвенным признакам, тогдашний всплеск буквализма был вызван теми же идейно-психологическими мотивами, которые вдохновляют иных идейных буквалистов сегодня: стремлением отмежеваться от переводческих методов «проклятого прошлого».) До этого буквализм существовал разве что в виде программ отдельных переводчиков, и А.Б. приводит на этот счёт хрестоматийный список: П.А. Вяземский, А.А. Фет, В.Я. Брюсов.²

Но вот вопрос: а как читатели воспринимали эти буквалистские программы? Оказывается, без восторгов.

Не буду ссылаться на отзывы, включённые в хрестоматию по истории перевода: они издавались в советское время, а значит, могут вызвать упреки в предвзятости. Обратимся к другим источникам.

Одна из самых интересных и показательных программ, близких буквализму (именно близких!), — переводческая концепция П.А. Вяземского, изложенная, в частности, в предисловии к его переводу романа Б. Константа «Адольф». Как известно, Вяземский

² Буквалистические принципы исповедовали и отдельные группы переводчиков — как, например, переводчики Академии наук в XVIII в., против которых, как предполагается, было направлено знаменитое рассуждение А.П. Сумарокова в «Епистоле I о русском языке» («По сем скажу, какой похвален перевод»). Но влияние таких групп до рассматриваемого времени было очень ограничено.

ставил перед собой более обширную задачу, чем просто познакомить русских читателей с выдающимся произведением французского писателя (до Вяземского оно переводилось на русский язык уже дважды). Переводчик видел возможность на этом материале заняться выработкой «метафизического языка» — языка, выражающего психологические понятия и состояния, «раскрывающего душевную жизнь человека», по определению А.А. Ахматовой. По мнению А.С. Пушкина и писателей его круга, отсутствие такого языка не только препятствовало развитию русской литературы, но и лишало повседневное общение выразительности. «Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас в диком состоянии», — писал Пушкин Вяземскому. — «Дай Бог ему когда-нибудь образоваться на подобие французского (ясного точного языка прозы — т.е. мыслей)». Отсюда — интерес Пушкина к работе Вяземского над переводом «Адольфа».

В предисловии к своему переводу Вяземский прямо признаёт, что ставит цель «изучивать, оцупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному, разумеется, опять без увесья, без распятия на ложе Прокрустовом. Я берёгся от галлицизмов слов, так сказать, синтаксических, но допускал галлицизмы понятий, умозрительные, потому что тогда они уже европеизмы <...> Я <...> желал испытать, можно ли, повторяю, не насильствуя природы нашей, сохранить в переселении запах, отзыв чужбины, какое-то областное выражение».

Как же оценили читатели и критики труд, предпринятый с такой благой целью? Даже исследователи, считающие, что «Адольф» в переводе Вяземского оставил след в отечественной словесности, не приводят ни одного отзыва, показывающего, что языковые эксперименты Вяземского были встречены с пониманием. Даже единомышленник Вяземского Е.А. Баратынский писал ему: «Вы победили великие трудности в своём переводе, но ежели вы мне позволите сказать моё мнение: живо покорённые красотой оригинала, как всякий

хороший переводчик, вы наложили на себя слишком строгую верность переложения». А что уж говорить о рецензенте в ту пору неблагосклонного к Вяземскому «Московского Телеграфа». По его мнению, «пламенный, глубокий, красноречивый Б. Констан говорит по-русски каким-то ломаным языком, на который наведён лак сумароковского времени <...> Перевод кн. Вяземского нехорош: тяжёл, неверен, писан дурным слогом». Что же касается языкотворческих попыток Вяземского, рецензент замечает, что тот «хочет быть Петром Великим русского языка, создать его и подарить нам в виде Минервы, взрослой при рождении. Благодарим за труд, но смеем уверить г-на переводчика, что его предприятие похоже на затеи алхимиков».

III. Се лев, а не собака

Буквализм вообще не может обойтись без «протокола о намерениях» переводчика. Буквалист постоянно вынужден оправдываться — доказывать, что перевод таков, как есть, не из-за бездарности переводчика, а потому что так задумано, потому что у переводчика иные цели, чем у его коллег. Как отмечает А.Б.: «За буквалистским переводом всегда стоит какая-то сверхзадача: переводчик не только не превращается в прозрачное стекло, но выходит на первый план — объясняет, растолковывает, влихивает в читателя чужие нравы и ритмы». Не вдаваясь в вопрос, насколько это честно по отношению к автору (который явно писал не для того, чтобы дать переводчику случай покрасоваться на его фоне), позволю себе внести уточнение: буквалист «объясняет и растолковывает» не в переводе (там он именно «влихивает»), а в теоретических программах, без которых «влихивание» выйдет неказисто. Едва ли «Винни-Пух» в переводе В.П. Руднева вообще привлёк бы к себе внимание, если бы переводчик не сопровождал его цветастыми рассуждениями о своём методе, «остроумно», по мнению А.Б., названном «аналитическим». (На мой взгляд, самое остроумное в этих теоретических рацеях было то, что создатель концепции ловко ушёл от изложения сути своего метода, подменив его указанием

цели, сравнением с аналитическими языками, с театром Брехта и т.п.³ В своё время я уже писал о несостоятельности методологии Руднева, но поклонники «аналитического перевода» по обыкновению зажмурили один глаз.) Без этих рассуждений – а впрочем, и с ними – перевод Руднева ничем не отличается от кустарщины, которую разводят бесчисленные недопереводчики, изяществом теорий не блещущие.

Словом, даже сами теоретики буквализма осознают его как отступление от нормы. Как быть, если рядовые читатели во всём мире без всякого давления со стороны советских идеологов скорее согласятся, чтобы переводчик слегка повольничал, чем что-то в них «впихивал». Как быть, если рядовые читатели хотят читать вот эту книгу вот этого автора, а не выступать в роли подопытных кроликов в остроумном лингвокультурологическом эксперименте. Мимолётная слава Р. Пивера и Л. Волохонской, ссылкой на которую А.Б. пытается доказать приверженность западной аудитории буквализму, вовсе не свидетельствует об особой филологической искущённости массового американского читателя (и ведущей телешоу Опры Уинфрри в частности). Мы с М. Берди уже писали в «Мостах» об истинных причинах этой популярности, и наши предположения подтверждаются: в прошлом году Р. Пивер опубликовал свой перевод «Трёх мушкетёров» А. Дюма, выполненный по тому же методу (к слову сказать, представляющему собой не последовательный буквализм, а расчётливый эклектизм). Рецензии оказались кислющие. Оно и понятно: Франция для американских читателей – это не загадочная Россия, знающих французский язык (а значит, способных сравнить перевод с оригиналом) в США наверняка больше, чем читающих по-русски. Это в переводах русских классиков Пивер и Волохонская могли

³ Особую курьёзность этому сравнению придаёт то обстоятельство, что в своих заметках о переводе («Переводимость стихов», «К вопросу о переводе боевых песен») Б. Брехт показывает себя противником буквалистического метода. Как видно, драматург понимал разницу между театром и переводом лучше, чем В.П. Руднев.

безнаказанно передать «титудлярная советница» как “titular counseloress”, и читатели не морщились (кто, мол, их знает: может, у них в России в XIX веке женщины и правда носили такие чины). С переводом французского классика этот номер уже не прошёл.

Итак, поскольку единственное оправдание буквализма – его теоретическая подкладка, критерисм оценки становятся не столько художественные достоинства перевода, сколько наличие программы (по крайней мере, о других критериях буквалисты предпочитают не теоретизировать). Сколько раз, возмущаясь корявостью того или иного перевода, сделанного по той или иной буквалистской программе, я слышал в ответ от сторонников буквализма: «Ну, он-то (переводчик) знал, что делает» – как будто сознательное уродование автора простительнее случайного. Этот штамп (увидев его в статье А.Б., я обрадовался, как старому другу) звучит так часто, что я обзавёлся контрштампом: «Можно знать, что делась, но не ведать, что творишь».

Чтобы пояснить эту мысль, необходимо отметить ещё одну особенность буквалистских программ.

Если рассматривать буквалистический перевод как эксперимент, надо чётко разделить в нём *цель, метод* и получаемый (а не ожидаемый) *результат*. А.Б. ставит в упрёк «советскому» переводоведению то, что оно редко утруждало себя вопросом: «Какую цель ставит перед собой переводчик, прибегая к буквализму?» В равной степени теоретиков буквализма можно упрекнуть в том, что они часто смешивают цель и метод (как в случае с рудневской концепцией «аналитического перевода»), а уж о проверке результата и вовсе не заботятся. А.Б., на первый взгляд, избегает этой ошибки: «Западноевропейские переводоведы давно уже стали говорить не только (и не столько) о методе, сколько о цели, применяя к переводу термины “очуждающий” (foreignizing) и “осваивающий” (domesticating) вместо “буквалистский” и “вольный”. Акцент, таким образом, переносится на те отношения, которые возникают между оригина-

лом и переводом, между переводом и читателем, между двумя языками, двумя культурами». В такой формулировке содержится новая подмена понятий: отношения между оригиналом и переводом и пр. — это всё-таки не цель, а результат, судить по которому о подлинной цели не всегда возможно. Иной стилистический «очуждатель» искренне убеждён, что вышедший из-под его пера текст — это «осваивающий», небуквальный перевод (см. статью А.И. Шейна «Линяем, цыпа. Как Немцов Диана следить за базаром учили» в прошлом номере «Мостов»). Мало ли случаев, когда неумелый переводчик оправдывает своё неумение тем, что «он знал, что делал»? И раз вопрос о том, намеренно выбран метод или нет, снимается, остаётся сделать вывод, что «очуждающий» перевод — не более чем полнотекстовая замена «буквалистическому» и нам никуда не уйти от точного определения метода, стоящего за злосчастным термином.

IV. Что говорит наука

Странно, что А.Б., ссылаясь на работы Шлейермахера и Венути, Стайлера и Робинсона, показывает такую неосведомлённость о концепциях отечественных переводоведов (изложенных в стандартных пособиях по теории перевода), что в поисках определения ключевого термина своей статьи не находит более академичного источника, чем «Яндекс». Там можно отыскать формулировки и похлеще процитированных в статье.

В одном с автором не поспоришь: термин «буквализм» часто употребляется слишком уж размашисто. Так, В. Поплавский в предисловии к публикации черновиков пастернаковского перевода «Гамлета» утверждает, что «в советское время все русскоязычные переводчики, кроме Пастернака, были “буквалистами”». М.Л. Лозинский создал идеологически безупречную теорию “объективного” перевода, которой в меру своего редкого стилизаторского таланта следовал всю жизнь сам и воспитал плеяду последователей. “Филологической” школе противостоял Пастернак».⁴

⁴ «“Гамлет” Бориса Пастернака: Версии и варианты перевода шекспировской трагедии» — М.: СПб.: Летний сад, 2002, с. 13-14.

(То-то намучаются будущие историки перевода, сиюсья разобраться, считался ли буквализм идеологически вредным или наоборот!)

Одна из наиболее известных переводоведческих работ, содержащих развёрнутое определение буквализма — книга А.Д. Швейцера «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты». Швейцер трактует буквализм с позиций теории динамической эквивалентности. Он выделяет три уровня эквивалентности: синтаксический (когда эквивалентность достигается простой «заменой одних знаков другими с сохранением синтаксического инварианта»), семантический (когда достижение смысловой равнозначности требует изменения формы оригинала) и высший — прагматический (когда изменения формы определяются ещё и прагматическими факторами: установкой на получателя, коммуникативным намерением и пр.).

Я излагаю эту схему упрощённо, поскольку в данном случае она нужна лишь как отправная точка для определения буквализма, который Швейцер понимает так:

Буквальный перевод связан с нарушением отмеченной выше закономерности, согласно которой эквивалентность на любом из уровней предполагает эквивалентность на всех высших уровнях. Вот один из примеров синтаксической эквивалентности без эквивалентности семантической и прагматической: — *Ты единственная женщина, которую я когда-либо любил.* «Выходит совсем нелепо, — комментирует этот буквализм Н. Галь, — как будто говорящий любил давно и уже успел разлюбить. А надо бы просто: «До тебя я никогда никого не любил».

В целом можно согласиться с Л.С. Бархударовым, полагающим, что буквальный переводом следует считать перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим в данном случае.

Буквальный перевод всегда является, так сказать, «недотрансформированным». При этом он проистекает из недооценки тех или иных детерминант перевода. Часто недооценивается идиоматичность языка, забывается, что механическое воспроизведение той же совокупности семантических компонентов даёт в итоге иной смысл. Так, в переводе на русский язык автобиографическая книга известной американской теннисистки Алтеи Гибсон называется: «Я всегда хотела стать кем-то» [М.: Физкультура и спорт, 1978]. Между тем по-английски книга озаглавлена «I Always Wanted to Be Somebody». В «Большом англо-русском словаре» значение somebody ‘человек с положением’ иллюстрируется примером: the desire to be somebody

стремление выйти (выбиться) в люди'. Думается, что это трактовка даёт ключ к правильному переводу названия книги: «Мне всегда хотелось выбиться в люди».

Иногда в переводе недооценивается роль предметной ситуации в сохранении референциального инварианта. Н. Галь приводит в качестве примера подобного буквализма перевод английской фразы *I want something human* – «Хочу, чтобы рядом было что-то человеческое». Референциальный контекст этой фразы таков: старушка втайне чувствует себя одинокой, ей не хватает ласки, тепла, и она решает завести собаку. Этот контекст получает гораздо более адекватное отражение в предлагаемом Н. Галь переводе: «Хочу, чтобы рядом была живая душа».

В других случаях причины буквализма коренятся в игнорировании тех или иных элементов коммуникативной ситуации перевода (чаще всего прагматической установки на адресата).⁵

Показать различия эквивалентности на разных уровнях можно на примере перевода одной весьма частотной реплики: *You can do it!* Иные кинопереводчики не брезгают буквальной её персдачей: *Ты сможешь сделать это!* Более-менее освоившие азы перевода задумываются о семантике и ориентируются не столько на форму, сколько на смысл: *У тебя получится* или *Ты сможешь!* Но многие усвоившие эти варианты перевода на этом успокаиваются и рассматривают их как едва ли не единственно возможные эквиваленты, тогда как для большей естественности следовало бы вспомнить о прагматической эквивалентности – подбирать вариант, исходя из намерений говорящего. С какой целью употреблено это клише? Понятно, чтобы подбодрить собеседника, придать ему уверенности. Остаётся представить, при помощи какого русского клише выразил бы это намерение изображаемый персонаж в изображаемых обстоятельствах. Вариантов возникает множество: *Смелее! Не трусь! Ну же!* и т.п.

В последнем случае многообразие входящих на ум вариантов и порождает кое у кого иллюзию, будто прагматически адекватный перевод – это «вольный» перевод: выбор переводчика определяется его прихотью. На самом деле умелый переводчик делает выбор с учётом множества осознаваемых или неосознаваемых

факторов (изображаемая коммуникативная и предметная ситуация, речевая характеристика и пр.), и чем больше факторов учтено, тем точнее, естественнее будет перевод. В точности выбора и состоит мастерство переводчика.

Очевидно, что при таком подходе термин «буквализм» и не может не содержать отрицательной оценки. По словам Гаспарова, ставшими эпиграфом к статье А.Б.: «Буквализм – не бранное слово, а научное понятие». Строго говоря, «холера» тоже не ругательство, а медицинский термин.

Но как быть с теми случаями, когда перевод выполняется с особой целью, требующей относительно точного воспроизведения формы подлинника? Ответ на этот вопрос попытался дать В.Н. Комиссаров в статье «Оппозиция “буквальный” и “свободный (вольный)” перевод в современном перевоведении». Проанализировав разные трактовки понятия «буквализм» и его синонимов, автор пришёл к выводу, что, говоря о формальном уподоблении перевода оригиналу, учёные обычно имеют в виду три явления. 1. Черновой вариант перевода, который переводчик затем обрабатывает, приводя в соответствие с нормой и узусом принимающего языка. 2. Случай, когда копирование формы не ведёт к смысловым, стилистическим или узуальным ошибкам. Так, встречающаяся у Тита Ливия фраза: *“Potius sero quam nunquam”* путём формально точного перевода попала и в русский («Лучше поздно, чем никогда»), и в английский (“*Better late than never*”), и во французский языки (“*Mieux vaut tard que jamais*”), но смысл при этом сохранился полностью и никакого привкуса кальки в таких переводах не чувствуется. В терминологии Швейцера, здесь наблюдается полная эквивалентность: эквивалентность на синтаксическом уровне сопровождается эквивалентностью на семантическом и прагматическом уровнях. 3. Случай, когда при точном воспроизведении формы такие искажения наблюдаются. Комиссаров пишет:

Особенно часто во всех случаях используются термины «буквальный перевод», «дословный перевод» и «пословный перевод», не разграничивая эти

⁵ А.Д. Швейцер, «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» – М.: Наука, 1988, с.87–88.

понятия. Уточнение традиционного термина «буквальный» можно было бы начать с такого разграничения. Учитывая устойчивую негативную коннотацию термина «буквальный перевод», видимо его целесообразно закрепить за неприемлемым переводом, результатом ошибочного решения переводчика. «Дословным» будет результат правильного использования прямого перевода, а соответствующий этап процесса перевода можно назвать «пословным». При этом следует учитывать, что могут быть особые ситуации, когда и буквальный перевод будет вполне сознательно использован для достижения определённой цели. В прошлом перевод нередко выступал как способ изучения иностранных языков. С этой целью на одной половине страницы печатался текст на иностранном языке, а на другой – перевод этого текста на родной язык. Такой перевод должен был быть как можно более буквальным, чтобы слова и предложения отражали бы особенности иностранного языка.⁶ Другим примером использования буквального перевода может служить составление подстрочника для последующего полноценного художественного перевода поэтом или писателем. Хотя подобный двухступенчатый перевод в принципе может считаться нежелательным и вынужденным, он достаточно часто встречается в практике художественного перевода.⁷

К случаям оправданного использования буквализма относится и филологический перевод, который Комиссаров определяет как один из видов прагматической адаптации, «когда переводчик стремится воспроизвести в переводе формальные особенности языка оригинала, даже если тем самым он нарушает норму и узус языка перевода. Такая тактика, недопустимая в “нормальном” переводе, может преследовать различные практические цели».⁸

Из сказанного ясно, что сфера оправданного применения буквального перевода (не будем путать его с дословным) ограничена особыми практическими задачами, в число

которых художественное воздействие на читателя не включается. Но о задачах будет сказано ниже.

Спешу отвести упрёк в навязывании одной определённой трактовки. Он был бы справедлив, если бы автор статьи «Не кричи “Буквализм!”» дала своё, такое же чёткое определение этого термина. Но его в разбираемой статье, увы, нет, а без определения предмета разговора и сам разговор теряет смысл. К тому же хочется показать, где ещё, кроме «Яндекса», можно искать определения научных понятий, к коим Гаспаров относит и «буквализм».

У. Метод. «Всё решает мастерство»

Дав определение, можно перейти к описанию *метода*.

Борисенко пишет:

Абсолютная буквальность перевода невозможна – нельзя, например, перевести на русский язык артикль, его поневоле придётся пропустить (или придумать, хотя такие примеры мне неизвестны). Видимо, о последовательно-буквалистском, дословном переводе имеет смысл говорить в двух основных случаях: когда речь идёт о переводе священных текстов на достаточно развитый язык или о переводе филологическом.

Снова смешение понятий. В формуле «перевод священных текстов» содержится указание на характер переводимого материала, термин же «филологический перевод» указывает на цель. В зависимости от цели и священные тексты переводятся разными способами – взять хотя бы распространённые в русской литературе поэтические переложения библейских псалмов. Можно возразить, что это именно переложения, так как они опираются на канонический прозаический перевод. Но в этом случае прозаический перевод выступает в роли подстрочника, то есть возникает ситуация, описанная Гаспаровым в статье «Подстрочник и мера точности».⁹ Там автор анализирует выполненные по чужому подстрочнику брянские переводы армянских поэтов и даже берётся судить об их точности, хотя для

⁶ Образцы такого перевода из самоучителя немецкого языка встречаются в рассказе М.А. Булгакова «Шпрехен зи дейч?»: «Аптека, мой добрый приятель, находится напротив нашего доброго мэра и рядом с нашим одним красивым садом, где мы имеем один маленький фонтан» и пр.

⁷ В.Н. Комиссаров, «Оппозиция “буквальный” и “свободный (вольный)” перевод в современном переводеведении» – «Тетрадь переводчика», вып. 25 – М.: МГЛУ, 2004, с. 10–11.

⁸ В.Н. Комиссаров, «Современное переводеведение» – М.: ЭТС, 2001, с. 144.

⁹ М.Л. Гаспаров, «О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики» – СПб.: Азбука, 2001.

этого сравнивает их не с армянскими оригиналами, а с подстрочником. И это при том, что Гаспаров, в отличие от Брюсова, армянский язык знал.

Но я процитировал высказывание А.Б. не для того, чтобы ещё раз уличить автора в смешении категорий, а ради первой части этой цитаты. Отчего же, собственно, абсолютная буквальность перевода невозможна? Бог с ними с артиклями, но ведь самая примитивная программа машинного перевода в кратчайший срок выдаст текст, где будет такой «анализм» что не продохнуть. Едва ли этот результат кого-то устроит. Следовательно, полный буквализм не то чтобы невозможен, а попросту неприемлем. Что стоит передать фразу: «Ну, ты и перевёл!» как: “Well, you and have translated!”? Но с таким вариантом едва ли согласился бы даже Брюсов. Значит, буквалистический подход требует передачи не всех, а лишь некоторых элементов формы. Каких же именно?

Теоретики буквализма отвечают на этот вопрос по-разному. Если Вяземский старался передавать лишь «галлицизмы понятий», но избегал передачи «галлицизмов синтаксических», то Фет делал упор именно на синтаксис, а Радлова озаботилась формальной стороной шекспировского стиха, для чего крошила синтаксис так, что и дало Чуковскому основания назвать статью о её переводах «Астма у Деэдемоны».

Этот произвол в выборе подлежащих передаче формальных элементов неизбежен: воспроизведение одновременно всех формальных особенностей оригинала без ущерба для смысла — задача действительно неосуществимая. Особенно это касается текстов, где формальная организация выступает на первый план — поэзии. Поэтому говорить о переводе поэзии, переводе прозы и переводе драматургии как о чём-то, подчиняющемся единым принципам — методологическая ошибка. Но раз уж буквалисты сплошь и рядом её допускают (для них главное не тип текста, а только формальные особенности), приведу и я пример, относящийся к поэтическому переводу.

Набоков показывал различия между вольностью и точностью в его понимании на примере перевода французского двустишия:

*Cet animal est très méchant:
Quand on l'attaque, il se défend.*

Вольный перевод этого стишка, предложенный Набоковым, таков:

*The animal is very wicked:
Just see what happens if you kick it.*

Предлагает он и «относительно точный перевод»:

*This beast is very mean, in fact
It will fight back, when it's attacked.*

Но поистине точным ему представляется такой перевод на русский:

*Животное сие – презлое существо:
Обороняется, коль трогают его.¹⁰*

С точки зрения лексического состава и синтаксического устройства перевод действительно точен. Но, например, Брюсов точным бы его не признал: четырёхстопный ямб с четвёркой цезурой замёнён шестистопным — переводческая программа Брюсова подобных вольностей не допускала.

Такое происходит в каждом переводе, подчиняющемся установке на буквализм: одни элементы формы приносятся в жертву другим, декларируемая точность текста в одном прикрывает неточность в другом, мнимая научность метода оборачивается произволом переводческой программы (почему передаче подлежит именно эта формальная особенность, а не та?). И всё это под видом отказа от золотой середины между «вольностью» и «точностью», к которому призывал Гаспаров. А «точность», оказывается, каждый отмеряет на свой аршин. «Точность», оказывается, у каждого своя.

Видимо, чувствуя слабость своих позиций в этом вопросе, теоретики буквализма, когда заходит речь о переводческой технике, отделяются фразой: «В конце концов, всё реша-

¹⁰ V. Nabokov, Selected Letters, 1940-1977 (Harcourt Brace Jovanovich, San Diego, New York, London, 1989) p. 383.

ет мастерство переводчика» (ещё один «старый друг», которого я встретил в статье А.Б.) и поскорее переходят к обсуждению целей милого их сердцу метода. Про мастерство — отговорка сомнительная: если всё решает именно оно, какая разница, блюдет ли переводчик верность буквалистическим заветам или вольничает напропалую? А цели — что ж, поговорим о *целях*.

VI. Цели. «Не Шекспир важен, а примечания к нему»

А.Б. пишет о трёх основных импульсах, «на которые так или иначе опирается оуждающий перевод». Первые два настолько взаимосвязаны, что их стоит рассмотреть вместе. Это «интерес к чужому языку и чужой культуре» и «интерес к автору как к носителю определённого языка и культуры». Вторую формулировку трудно понять иначе, как интерес к автору как к выразителю определённых типических черт своей культуры, а если так, то уместнее говорить не о двух импульсах, а об одном.

В вопросе о воспроизведении общего и частного при передаче стиля оригинала несостоятельность буквализма видна яснее некуда. Тут мне придётся кратко повторить то, что я писал в статье «“Метания” и устойчивость» («Столпотворение», № 3, 1998), на которую ссылается А.Б. (некоторые положения оттуда более обстоятельно изложены в уже упоминавшейся нашей с М. Берди статье о переводах Р. Пивера и Л. Волохонской).

Одна из важнейших, труднейших и увлекательнейших задач, которые стоят перед переводчиком художественной литературы, — воссоздание индивидуальной манеры автора, его идиостиля. Он создаётся из материала, который автор черпает в родном языке (общем) и творчески перерабатывает (индивидуальное). Тот или иной приём, образ, синтаксический оборот осознаётся как индивидуальный лишь тогда, когда читатель способен соотносить его с общим. Мы переводим не языки и культуры, а конкретные произведения конкретных авторов — следовательно, чтобы отчётливее выступило авторское, общезыковое должно передаваться общезыковым. Что до культуры, то

можно ли сказать, что, читая «Смерть Артура» Т. Малори или «Моби Дика» Г. Мелвилла в переводе И.М. Бернштейн, мы не составляем представление о средневековой Англии и Америке начала XIX века (а при вдумчивом чтении — и об английском и американском национальном духе)? И ведь никакого насилия над русским языком для этого не понадобилось.

При дотошном копировании формальных элементов подлинника читатель не имеет возможности отличить авторское от общезыкового. Портрет автора сливается с фоном в пёструю мешанину. Очень красочно, но это уже не портрет.

Когда Гаспаров пишет, что «для Брюсова его перевод “Энеиды” был, так сказать, полномочным представителем в русской культуре не только Вергилия, но и всей латиноязычной культуры в целом», он тем самым утверждает, что Брюсов разжаловал великого римского поэта в «типичные представители». Интерес к языку и культуре обернулся безразличием к автору, имя которого значится на обложке. Превращать текст посредством перевода в энциклопедию латинской поэтики и грамматики и ждать, что читатель разглядит в ней гений Вергилия, а не, скажем, Горация, — пустая затея.

Советскую идеологию часто обвиняли в вульгарном социологизме — когда явления, люди, их поступки рассматривались в первую очередь как порождение определённого класса. Замените классовую структуру общества на национальные культуры — получится та же схема, что и у теоретиков буквализма, видящих в своём переводе в первую очередь полномочного представителя национальной литературы. Этаким вульгарный мультикультурализм.

«Мульти» — с учётом рецепта А.Б., при помощи которого она, ссылаясь на Шлейермахера, предлагает научить читателя отличать авторское от общезыкового:

Если все переводчики индийской поэзии сговорятся между собой и десятилетиями будут переводить сравнение <женщины> с коровой буквально, то читатель привыкнет к этому и перестанет возмущаться, научится воспринимать такое сравнение как поэтичес-

кий штамп (и отличать его от арабского, скажем, поэтического штампа). И на этом усвоенном чужеземном фоне станут видны индивидуальные черты авторского стиля (например, если уж индийский поэт сравнил женщину с верблюдицей, значит, она и впрямь была похожа на это животное).

Да прости меня автор статьи «Не кричи “Буквализм!”», наивность этого просветительского начинания вопиет к небу. Во-первых, оно явно противоречит принципу множественности переводческих подходов, который выдвигал Гаспаров и как будто бы разделяет сама А.Б.: «В культуре должны сосуществовать точные, филологические переводы и более вольные адаптации». И тут же всем переводчикам с индийского предлагается на несколько десятилетий учинить буквалистический комплот. Хорошо плюрализм подходов! Притом обратить всех переводчиков с одного языка в буквалистическую веру будет не так-то просто.

Во-вторых, вряд ли найдётся хоть один пример, подтверждающий действенность этого средства. А вот за примерами, доказывающими его тщетность, далеко ходить не надо. Десятилетиями английские и американские переводчики русской литературы без всякого заговора передавали обращение «батюшка» как “little father”. Поначалу оно занимало, умиляло своей экзотичностью, узнавалось как примета русской культуры, но в конце концов надоело и стало считаться у переводчиков признаком неумелости. Даже Пивер и Волохонская, передавшие в переводе Гоголя обращение «твоя милость» как “your kindness”, а «Здорово, земляк» как “Greetings, landman”, на “little father” при переводе «батюшки» не отважились. Это уже, как сказал бы Хлестаков, «в сильнейшей степени моветон».

Почему так получилось, объяснить нетрудно. Национальная культура и национальный язык — живой организм, где всё взаимосвязано. Обращение «батюшка» (не применительно к родному отцу или священнику) звучит мотивированно только в рамках семейно-патриархальной модели, которая, по мнению многих философов и историков, лежала в основе русского общественного уклада. Вне этого контекста, в контексте иной культуры, обращение это лишается мотивированности и восприни-

мается как словесный курьёз, тем более что при буквальном переводе ласкательность суффикса передана как уменьшительность. Хотя если бы в переводе жена называла мужа не “little father”, а, к примеру, “dear father”, курьёзность обращения едва ли уменьшилась бы.

Оказалось, что англоязычные читатели предпочитают знакомиться с произведениями Толстого и Достоевского, не отвлекаясь на экзотические побрякушки.

Люди — странные существа: они не терпят, когда в них что-нибудь без спроса «впихивают» — даже самым элитарным образом, даже с просветительской целью. С этой целью создаются филологические переводы, и об их назначении сообщается прямо, чтобы читатель мог выбирать: если, скажем, меня интересует «Бхагаватгита» как памятник индийской философии, я беру подстрочный перевод Б.Л. Смирнова, где всем концептуально значимым словам и идиомам подобраны не самые выразительные, но самые семантически точные эквиваленты, из-за чего переводчику приходится отказаться от передачи ритма. Хочу оценить художественные достоинства этого произведения — читаю сделанный Смирновым же литературный перевод. Брюсовскую же «Энеиду» филологическим переводом в полном смысле слова не назовёшь: это попытка навязать читателю роль филолога без спроса и предупреждения. Не считаясь с автором, буквалисты не переменяются и с читателями.

Так что если «Энеида» в переводе Брюсова чем и раздражает, то не тем, что «в ней безошибочно ощущается поэзия», как уверяет А.Б., а бесцеремонностью несовместимых претензий.

Но А.Б. ратует не только за филологические переводы (в их отношении разногласий, вроде бы, нет), но и за некую «прививку буквализма». Цель этой «прививки» напрямую связана с третьим источником вдохновения буквалистов, о котором говорится в статье: «стремление развивать собственный язык за счёт чужого, обогащать родную литературу новыми художественными приёмами, поэзию — новыми стихотворными размерами и пр. Таковую задачу ставили перед собой немецкие романтики.

В большой степени так был создан и русский литературный язык».

Не только русский. Английский во многом тоже. Но если в XX веке лексический запас английского пополнился заимствованиями лишь на 5%, то мы только за последние двадцать лет наблюдаем такой их наплыв, что призывать к развитию собственного языка за счёт чужого в таких условиях всё равно, что просить разжечь камин во время пожара. Сегодня неосвоенными просторами стали не чужие языки и культуры, а свой собственный язык и своя собственная культура – вернее, их история. Включая, как видно, историю перевода. В «Мостах» тема заимствований стала уже постоянной. Сегодня замечание рецензента «Московского Телеграфа» о желающих стать Петром Великим русского языка звучит втройне злободневно: показать себя в этой роли рвутся, отпихивая друг друга, и те, кто не только лишён дарования Вяземского, но даже не слышал, что это за Вяземский такой. Журналисты, маркетологи, имиджмейкеры, копирайтеры, брендмейстеры, пиарных дел мастера и прочие труженики словесной косметологии, вняв призыву Игоря Северянина: «Пора популяризировать языки, утончаться вкусам народа», ночью зря распространяют чужой язык и культуру вширь, вглубь (термины Гаспарова), вкривь и вкось (печальная действительность). Учитывая эти всячины, стоит уточнить: буквалистический перевод не элитарен, он гламурен.

VII. Результат. «При чём тут практика?»

Осталось рассмотреть *результаты* буквалистического эксперимента.

В своё время на переводческом факультете МГЛУ с промежутком в несколько лет были защищены две дипломные работы на одну тему: переводческие принципы В.В. Набокова. Материалом для одной работы стал перевод первой главы «Евгения Онегина», материалом для другой – автоперевод («Лолита»).¹¹

¹¹ Отрывок из одной дипломной работы был позднее опубликован в «Вестнике МГЛУ», вып. 488 (2004). Сейчас с этой статьёй (С.Ю. Шаталов, «Некоторые особенности стиля В.В. Набокова в аспекте автоперевода») можно ознакомиться по адресу <http://www.thinkaloud.ru/sciencesya.html>

Оба дипломника разбирали теоретические взгляды Набокова-переводчика и сопоставляли с его переводческой практикой. Второй дипломник познакомился с работой своего предшественника лишь после того, как сделал собственные выводы. А выводы в обеих работах совпали: если судить переводы Набокова по тем критериям, которые он применял при разборе чужих, его собственные работы окажутся далеко не безупречны. Набоков то и дело нарушал требования формальной точности. Художник в нём победил буквалиста.

Поэтому когда о Набокове говорят как о последовательном буквалисте, хочется спросить: речь об авторе эссе «The Art of Translating» или о переводчике «Лолиты»? Этим двоим было бы о чём поспорить.

Кстати, когда А.Б. пишет об эволюции подходов Набокова от «очень вольного» перевода «Алисы в стране чудес» до перевода «Онегина», она не учитывает, что уже в старости, после «Онегина», писатель оценивал свой перевод «Алисы» весьма высоко и сетовал лишь на некоторую «ходульность диалогов». ¹² Заметим, что эта ходульность вызвана как раз тем что диалоги в «Алисе» переведены буквально все.

Сосредоточиваясь на целях буквалистических программ, их сторонники заботятся о проверке результатов так же мало, как о проверке применимости методов. Они оставляют без проверки не только соответствие реальному читательскому восприятию ожидаемому, но и зачастую соответствие получившегося перевода программным заявлениям: «Если переводчик провозгласил принципы, близкие буквализму, будем числить его в буквалистах, а насколько последовательно он проводит эти принципы, не суть важно». Между теорией и практикой разверзается пропасть.

Как-то я и мои коллеги разговаривали с известным американским переводоведом, чьи теоретические построения в полной мере оправдывают любую буквалистическую программу. Вдоволь наслушавшись упреков в адрес отсталого российского переводоведения, «всё ещё основанного на понятии эквивалентности и вере в объективность существо-

¹² V. Nabokov, op.cit., p. 520.

вания языка», я спросил: «Хорошо, а как ваши принципы могут помочь мне, переводчику-практику?» Собеседник пожал плечами: «При чём тут практика? Мы говорим о теории».

Чего тогда удивляться, что А.Б., благо-склонно отзываясь об «аналитическом» методе Руднева, не слишком высокого мнения о переведённом по этому методу «Винни-Пухе»? («Перевод Руднева не является ни точным, ни научным, ни просветительским. Строго говоря, он вообще не является переводом»)¹³. Слышу знакомое возражение: «В конечном счёте, всё решает мастерство переводчика. Рудневу просто не хватило мастерства». Но других, качественных «аналитических» переводов в природе пока не наблюдалось.

Чего тогда удивляться, что Гаспаров оценивает точность брусковских переводов, сравнивая их с подстрочниками (выполненными другим переводчиком, то есть уже отражающими определённую переводческую интерпретацию), а не с армянскими оригиналами?

Удивительно другое: готовность подкрепить свои позиции авторитетом переводчиков, которые буквалистских принципов явно не разделяли. Руднев объявляет своим стилистическим ориентиром переводы Р. Райт-Ковалёвой. А.Б. ссылается на переводчиков, прости Господи, «советской» школы («блестящей в её лучших проявлениях»), ставя им в заслугу то, что им «удалось избежать многих обычных недостатков “осваивающего” перевода <...> Лучшие мастера отечественного перевода никогда не старались переводить так, “как будто написано по-русски”».

Наши нецивилизованные предки называли такой комплимент «попасть кадиллом в рыло». Утешает лишь то, что это утверждение, как и большинство положений анализируемой статьи, не подкрепляется ни одним примером.

С одной стороны, причин для удивления и здесь, как будто бы, нет: я уже писал, что в мире штампов громкое имя весомее любых доводов. Но как не удивляться диалектической гибкости, помогающей даже своих оппонентов выставить союзниками?

¹³ А. Борнсенко, «Песни невинности и опыта. О новых переводах “Винни-Пуха”» — «Иностранная литература», 04/2002.

Давайте разберёмся.

Судить, кто лучший, а кто худший, возможно лишь тогда, когда руководствуешься определёнными критериями. Как явствует из статьи А.Б., по меньшей мере один из её критериев — формальное уподобление перевода оригиналу. Если подходить к переводу с такой меркой, то переводчик, заботящийся о естественности (при условии, что она была в оригинале) больше, чем о формальном сходстве, конечно же, в «лучшие мастера» не попадёт.

Во-вторых, раз уж никаких фактов, подтверждающих намерение переводчиков создавать искусственный переводческий язык, не приведено, следовало бы для большей убедительности заручиться хотя бы их собственными свидетельствами о таких намерениях: переводчики советского времени тайны из своих принципов не делали. Но ни в статьях И.А. Кашкина, ни в книге Н.Я. Галь «Слово живое и мёртвое», ни в книгах Н.М. Любимова «Перевод — искусство» и «Несгораемые слова», ни в «Высоком искусстве» К.И. Чуковского признаний в склонности переводить так, как будто написано не по-русски, обнаружить не удалось. Вероятно, они не «лучшие мастера». Если же (одни Бог без греха) кто-то из мастеров и допускал печально буквалистическую корявость, это ещё не повод приписывать ему сознательное желание «привить формалистическую розу к советскому дичку».

В-третьих, при неясном понимании явления, именуемого «буквализм», в его сторонники легко зачислить кого угодно, кроме занимающихся вольным пересказом. Так, А.Б. пишет: «В гольшевских переводах можно найти соответствие каждому слову оригинала». Можно. Вопрос в том, что за соответствие. Рассказ Ш. Андерсона “The Book of the Grotesque”, переведённый В.П. Гольшевым, в оригинале начинается так:

The writer, an old man with a white mustache, had some difficulty in getting into bed. The windows of the house in which he lived were high and he wanted to look at the trees when he awoke in the morning.

Если читатель после слов А.Б. о методе Гольшева ожидает найти в его переводе «старого человека с белыми усами» и узнать, что «в

доме, в котором он жил, окна были высокие», могу его успокоить. На самом деле перевод таков:

Писателю, седоусому старику, было трудноато забираться в постель. Окна в его доме располагались высоко над полом, а он хотел смотреть на деревья, когда просыпался по утрам.

И так перевёл бы не только Гольшев, но и всякий переводчик, ставящий задачу создать адекватный литературный перевод. Если А.Б. имеет в виду не *буквальные* соответствия, то сказанное о переводах Гольшева относится к любому полноценному переводу. Это азбука переводческого ремесла. И не всякий пишущий буквами — буквалист.

Читатель вправе задать вопрос: уж не карикатура ли у меня получилась? В самом деле: учёный, который пишет о научных понятиях, не потрудившись дать им определения, и берётся за эксперимент, не заботясь о методологической выверенности. Исследователь, замечающий лишь те факты, которые согласуются с идеологической догмой. Кандидат в мастера слова, который руководствуется не природой языка, а эффектными умозрительными построениями (недаром большинство вдохновителей современного буквализма — не языковеды и литераторы, а философы). Переводчик, который, отгеснив автора, берёт указку и обращается через головы черни непросвещённой к некущённой аудитории, появление коей ещё только ожидается спустя десятилетия буквалистического единовластия.

Карикатура или нет — пусть судит непредвзятый читатель обих статей. Я всего лишь указал черты буквализма, которые не видны зажмуренным глазом.

Что же до одобрительно процитированного в статье «Не кричи “Буквализм!”» высказывания Гольшева: «Если ты пишешь слишком по-русски, то почти наверняка гонишь туфту», ответу так.

Когда мне в руки попадает сборник произведений одного автора, выполненных разными переводчиками, с чьим почерком я более-менее знаком, я люблю, открыв книгу наобум, угадывать, кто переводил открывшуюся страницу. Два переводчика обычно узна-

ются сразу. Один — Б.Л. Пастернак: кого бы он ни переводил, он всегда оставался Пастернаком. Другой — Н.М. Любимов. Но не из-за какой-то приметной черты своего стиля — во всех переводах он разный. А узнаётся он потому, что даже если его переводы соседствуют с работами отличных мастеров своего дела, переводы Любимова выделяются несравненной естественностью слога и точностью фразировки, за которыми чувствуется знание и понимание русского языка, редкостный слух, обходящийся без подсчёта слогов. Тут не поверхностное угодничество перед автором, а служба ему верой и правдой, не менторство по отношению к читателю, а уважение к нему.

Как переводчик я изо всех сил стараюсь гнать такую же туфту, какую гнал Николай Михайлович Любимов. Мастер, чей перевод Рабле во многом вдохновил М.М. Бахтина на создание классического труда об этом писателе и карнавальной культуре Средневековья¹⁴. Вряд ли кто-нибудь из буквалистов сделал больше для знакомства русского читателя с зарубежной культурой.

Р.С. Когда я уже дописал эту статью, в издательстве «Языки славянской культуры» наконец вышел третий том воспоминаний Н.М. Любимова «Неувядаемый цвет». В главе о Пастернаке Любимов замечает: «Случайные гости в художественном переводе, критики, для которых русский язык — порошковое молоко, иные любители погреть и нагреть на переводе руки, разглагольствовали, что Пастернак, мол, переводит “слишком по-русски”».

Ужас, какие резкие выражения вырываются порой у известных переводчиков!

¹⁴ Как писал Бахтин: «Выход в свет этого перевода — событие большой важности. Можно сказать, что русский читатель впервые прочитал Рабле, впервые услышал его смех <...> Благодаря изумительному, почти предельно адекватному переводу Н.М. Любимова Рабле заговорил по-русски со всею своею неповторимой раблезианской фамильярностью и непринуждённостью, со всею неисчерпаемостью и глубиной своей смеховой образности. Значение этого события вряд ли можно переоценить». (М.М. Бахтин, «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» — М.: Худ. лит., 1990, с. 158.) Стоит добавить, что Бахтин судил о качестве перевода, сравнивая его с оригиналом, а не с подстрочником.

«Привычка свыше нам дана...»

О переводе некоторых терминов корпоративного права

Т. П. Некрасова

Некоторое время назад мне случилось переводить юридическое заключение, в котором речь шла о различных формах реорганизации компаний, предусмотренных действующим российским законодательством. Прежде чем перечислять эти формы и предлагать возможные варианты их перевода, необходимо определиться с переводом самого термина «реорганизация». Здесь велик соблазн воспользоваться звучным и весьма популярным сейчас словом *restructuring*, тем более что деловая пресса так и пестрит сообщениями о *business restructuring projects*, а юридические фирмы активно предлагают *business restructuring services* и *business restructuring support*. Как говорил великий мастер парадоксов Оскар Уайльд, «я могу противостоять всему, кроме искушения» (“*I can resist anything but temptation*”). Искушению в данном случае очень желательно противостоять и переводить «реорганизация» всё-таки как *reorganisation*, поскольку понятие «реорганизация» уже, чем «реструктуризация». Реорганизация подразумевает исключительно правовые аспекты, а реструктуризация — это, скорее, бизнес-термин, который охватывает и юридические, и деловые процедуры. Поясним на конкретном примере. При объединении двух компаний в одну юрист, занимаясь оформлением всех связанных с этим документов, будет оперировать термином «реорганизация», в то время как менеджер компании будет говорить о реструктуризации бизнеса, поскольку ему важнее оптимизация финансовых потоков, изменения в штатном составе и т.д. Чтобы избежать путаницы, в переводе эти вещи имеют смысл разграничивать. Не совсем корректно переводить «реорганизация» и как

transformation (а такое иногда бывает), поскольку *transformation* («преобразование») — это лишь одна из существующих форм реорганизации. Всего же их по нашему законодательству пять. Помимо преобразования, статьей 57 Гражданского кодекса РФ предусмотрены такие формы реорганизации юридических лиц, как слияние, присоединение, разделение и выделение.

С точки зрения перевода, самые простые формы — это уже упомянутое «преобразование» — *transformation* (или *conversion*) и «разделение». Последний термин переводят и как *split-up*, и как *division*. Оба варианта правильные, однако ни тот, ни другой не могут использоваться в атрибутивной функции и для перевода термина «разделительный баланс» не подходят. Здесь в силу вступают законы сочетаемости языковых единиц, диктуя такой вариант, как *separation balance sheet*. Не так уж сложно перевести и «выделение» — процесс, при котором из состава юридического лица выделяется одно или несколько других юридических лиц. Идею «отпочкования» одной компании от другой в английском языке передает термин *spin-off*. Имеет хождение и такой термин, как *split-off*. Несмотря на внешнюю и даже образную схожесть, термины эти — не совсем синонимы, и одно тонкое различие между ними есть, но это уже чисто юридические нюансы, а с языковой точки зрения *spin-off* вполне корректно использовать в качестве аналога «выделения» как названия формы реорганизации. Надо сказать, что термин «выделение» может использоваться не только применительно к формам реорганизации юридических лиц. На корпоративном рынке имеет место такой процесс, как выделение

активов, хотя юристы не относят название этого процесса к правовым терминам. Компании могут выделять, к примеру, непрофильные активы (*non-core assets*) для аккумуляции финансовых ресурсов. Много шуму в прессе наделала ГМК «Норильский никель», когда приступила к процедуре выделения своих золотодобывающих активов. В данном случае удачным вариантом перевода представляется *divestiture*. Встречается и такой вариант, как *asset spin-off*, особенно когда подчеркивается тот факт, что активы выделяются в отдельную компанию. Для примера — выдержка из пресс-релиза канадской компании Corriente Resources Inc., занимающейся разведкой и добычей полезных ископаемых. Пресс-релиз, кстати совсем недавний, от 3 апреля 2007 года, озаглавлен **Corriente Gold Asset Spin-off Approved by Board**. В нем говорится:

The Board of Directors of Corriente Resources Inc. has approved the spin-off of certain gold assets into a new company.

Совет Директоров компании Corriente Resources Inc. одобрил выделение части её золотодобывающих активов в новую компанию.

Подобных примеров можно найти немало. В западной практике весьма широко распространены так называемые *asset acquisitions and divestitures*. Что касается перевода с английского на русский, то, естественно, *asset divestiture* в определенных случаях будет корректно перевести как «выделение активов». Этот перевод может варьироваться в зависимости от контекста: где-то подойдет «отчуждение активов», а где-то потребует конкретизация — «продажа активов». Все эти варианты перевода базируются на объяснениях, содержащихся в авторитетных юридических и финансовых англо-английских словарях.

Black's Law Dictionary определяет *divestiture* как

"A firm's act of selling off one or more of its parts, such as a subsidiary, a plant, or certain assets that create productive capacity."

Электронный словарный ресурс Investopedia.com предлагает следующее определение *divestiture*:

"The partial or full disposal of an investment or asset through sale, exchange, closure or bankruptcy."

Самая, пожалуй, лаконичная дефиниция этого термина содержится в Barron's Banking Dictionary:

"Sale of an asset to achieve a desired objective."

Четвёртое издание The American Heritage Dictionary более подробно описывает это понятие:

"The sale, liquidation, or spinoff of a corporate division or subsidiary."

Что же касается терминологического словосочетания *asset acquisitions and divestitures* (еще один возможный вариант — *asset acquisitions and disposals*), то в переводе на русский оно будет звучать как «сделки по приобретению и отчуждению активов». Упомянем ещё один термин, который входит в данное семантическое поле. Термин этот *corporate divestitures*, и используется он для обозначения различных процессов разукрупнения компаний.

Возвращаясь непосредственно к формам реорганизации, имеет смысл более подробно остановиться на тех терминах, с переводом которых, как показывает практика, возникают наибольшие сложности. К таким терминам относятся «слияние» и «присоединение». Казалось бы, что тут сложного: «сливаться» — *to merge*, стало быть, «слияние» — *merger*. Остаётся найти перевод ещё одного-единственного термина, и можно чувствовать себя в полной боевой готовности для перевода хоть Гражданского кодекса РФ, хоть юридического заключения с обильными цитатами из ГК.

Признаюсь честно, мои поиски английского аналога термина «присоединение» оказались весьма продолжительными и полными совершенно неожиданных лексических открытий. Перерыв все известные мне словари, перепробовав самые разные методы поиска в Интернете и измучив бесконечными вопросами коллег-юристов, я пришла к неутешительному выводу: переводческого решения у меня как не было, так и нет. Какие-то варианты, конечно, были: *joining, affiliation, admittance, accession, annexation*. Не так уж мало, на пер-

вый взгляд, но... *Joining* — это больше технический термин, который в юридическом переводе оборачивается примитивной калькой с русского; *affiliation* — скорее состояние, чем действие, к тому же, состояние взаимосвязанности компаний, существующих всё-таки как отдельные юридические лица, а при присоединении та компания, которая присоединяется, исчезает, как бы растворяется в присоединяющей компании; *admittance* больше подходит к той ситуации, когда расширяется состав акционеров компании, и тогда на повестке Общего собрания акционеров может стоять такой вопрос, как *admittance of new shareholders*; *accession* будет более уместно в международно-правовом контексте в случае присоединения государства к договору или к международной организации (скажем, «присоединение России к ВТО» — *Russia's accession to the WTO*); термин *annexation* вообще тяготеет скорее к политике, чем к праву, и употребляется тогда, когда речь идёт о территориальных присоединениях. В общем, всё это было или совсем не то, или не совсем то, что означает только одно — варианта нет, поскольку юридический перевод не терпит приблизительности.

По логике вещей, аналог термина «присоединение» в английском языке обязательно должен быть. При нынешнем уровне развития западного корпоративного права не может быть, чтобы в нём не была предусмотрена такая же или похожая процедура. Ведь там тоже возможна ситуация, при которой одна компания вливается в другую, прекращая своё существование в качестве юридического лица, а значит, должны быть и законодательные нормы, регулирующие этот процесс. Более того, многие понятия корпоративного права, которые сейчас используются в России, заимствованы из западных правовых систем, и новомодные корпоративные процедуры и механизмы (такие, как, например, *minority squeeze-out* — вытеснение миноритарных акционеров) — это, по большей части, изобретения иностранной юридической мысли.

Поиски привели меня к законодательству США. Реорганизация компаний американ-

скими законами регламентируется, и подробная классификация форм реорганизации содержится в документе, который называется Internal Revenue Code (Кодекс внутренних доходов) и представляет собой свод федеральных законов, относящихся к сфере налогообложения. Форм реорганизации у американцев больше, чем у нас, но для переводчика здесь важнее то, что имеются некоторые пересечения с российским законодательством. Формы реорганизации в США именуются классами. Описание класса «А» показалось мне любопытным и даже интригующим: "*class A reorganization is a statutory merger or consolidation (i.e., pursuant to the business corporation act of a specific state).*"

Менее понятным был термин *consolidation*. С него я и начала. В набор его значений, естественно, входят и «консолидация», и «укрепление», и «упрочение», и «усиление», и «объединение», и «сведение воедино» и много чего ещё. *Consolidated financial statements*, принято переводить как «консолидированная финансовая отчётность» или «сводная финансовая отчётность», а английским аналогом термина «объединение исков» является *consolidation of actions или consolidation of cases*. Но каково же точное значение *consolidation* применительно к корпоративному праву? В поисках ответа я обратилась к любимому мной Black's Law Dictionary. И вот как этот словарь определяет значение данного термина: "*Consolidation — the combination of two or more corporations into a newly created corporation*¹." А про *consolidation of corporations* говорится, что этот процесс имеет место тогда, когда "*two or more corporations are extinguished, and by the same process a new one is created, taking over the assets and assuming the liabilities of those passing out of existence. A unifying of two or more corporations into a single new corporation having the combined capital, franchises, and powers of all its constituents.*"

Учитывая, что при слиянии по российскому законодательству каждое из участвующих в этом процессе юридических лиц прекращает

¹ Под *corporation* в данном случае имеется в виду просто юридическое лицо (*legal entity, body corporate*), в отличие от того значения, которое это слово обрело в русском языке.

свою деятельность, а его права и обязанности переходят к вновь образованному юридическому лицу, получается, что *consolidation* означает «слияние».

Но тогда что же такое *merger*? В американской классификации способов реорганизации *merger* и *consolidation*, будучи отнесёнными к одному классу, тем не менее фигурируют как два разных понятия. Значение *merger* всегда казалось настолько очевидным и само собой разумеющимся, что мне и в голову не приходило что-то уточнять или перепроверять. А когда я всё-таки перепроверила, опять же по Black's Law Dictionary, то изумлению моему не было предела. Дефиниция *merger* звучит там следующим образом: "An amalgamation of two corporations pursuant to statutory provision in which one of the corporations survives and the other disappears." Именно в этом заключается по российскому законодательству суть присоединения, которое предполагает, что одно юридическое лицо прекращает деятельность, а его права и обязанности переходят к другому, уже существующему юридическому лицу (*surviving, remaining* или *continuing legal entity*). Получается, что *merger* никакое не слияние, а присоединение чистой воды.

Словно специально для тех, у кого всё ещё остаются сомнения после прочитанного, Black's добавляет:

"It [merger] differs from a consolidation, wherein all the corporations terminate their existence and become parties to a new one."

У меня никогда не было оснований не доверять столь авторитетному в юридическом мире изданию, но это был тот случай, когда мне потребовались дополнительные доказательства справедливости утверждения, которое явилось для меня настоящим откровением.

Одно из доказательств я нашла в Barron's Dictionary of Legal Terms, прочитав, что применительно к *law of corporations* (корпоративному праву) "... a merger is effected when one corporation ceases to exist by becoming part of another continuing corporation. The company that continues to exist retains its name and identity and acquires the assets, liabilities, franchises and powers of the corporation that ceases to exist."

Более того, Barron's подтверждает и разницу между *merger* и *consolidation*:

"Consolidation, by contrast, occurs when two or more corporations unite to form a new corporation and all the original corporations cease to exist."

А вот что пишет по поводу *merger* Britannica:

Combination of two or more independent business corporations into a single enterprise, usually involving the absorption of one or more firms by a dominant firm."

Британская энциклопедия чуть менее категорична, но и её определение *merger* ближе к присоединению, а Columbia University Press Encyclopedia полностью солидарна с Black's и Barron's, определяя *merger* как

"...fusion of two or more corporations by the transfer of all property to a single corporation. The remaining corporation continues in existence, having absorbed the other(s)."

Этим-то и объясняется невозможность подобрать английский аналог термина «присоединение»! Теоретически он есть, а на практике оказывается как бы занятым, обременённым другим значением. В реальной жизни *merger* используется в значении «слияние», что, кстати, фиксирует такое издание, как Barron's Finance and Investment Terms:

"Strictly speaking, only combinations in which one of the companies survives as a legal entity are called mergers or, more formally, statutory mergers; thus consolidations, or statutory consolidations, are technically not mergers, though the term merger is commonly applied to them."

Существует расхожее выражение «практика вносит свои коррективы». Случай с *merger* — ярчайший пример того, как это происходит. Спросите любого, кто знает английский, что такое *merger*, и он, не задумываясь, ответит: слияние. Более того, точно такой же ответ дадут и носители языка, причём знающие и хорошо образованные. Просто так сложилось, и к такому словоупотреблению привыкли, хотя даже то определение *merger*, которое содержится в совсем не юридическом Webster's Concise College Dictionary, ближе к присоединению, чем к слиянию: "a statutory combination of two or more corporations by the transfer of properties to one surviving corporation."

Но такова уж сила привычки, а языковые привычки оказываются очень и очень живучи. Подтверждением того, насколько крепко в массовом языковом сознании *merger* связывается с идеей слияния, служит и тот факт, что именно существительное «слиянис» вошло в уже ставшее устойчивым словосочетание, которое используется для перевода особого рода сделок в области корпоративного права. По-английски эти сделки называются *M&As* (*Mergers & Acquisitions*) и уже традиционно переводятся как «сделки слияния и поглощения» или «сделки по слиянию и поглощению». О юридической корректности этого перевода я никогда особенно не задумывалась, тем более что юристы используют это словосочетание весьма активно. «Слиянис» как перевод *merger* казалось мне правильным. Что же касается *acquisitions*, то это, конечно, не «поглощения». Но «слияния и приобретения» звучит несколько неуклюже и ритмически, и в смысловом отношении, поскольку «слияния» — это процессы, а существительное «приобретение» во множественном числе ассоциируется с конкретными объектами покупки. У меня, как у лингвиста, возникали сомнения другого рода. Как всё-таки правильнее по-русски: сделки слияния и поглощения или по слиянию и поглощению? В деловом сообществе, в юридической литературе и средствах массовой информации используются оба эти варианта. Зачастую предпочтение отдается тому варианту, который короче, поскольку *M&As* постоянно мелькают в заголовках статей и названиях конференций, фигурируют в тематике семинаров и бизнес-завтраков, а для этих целей чем компактнее — тем лучше. С точки зрения смысла разницы никакой, так что мои сомнения были, скорее, стилистического, чем принципиального порядка. Однако, как оказалось, именно смысла этот вариант перевода и не передаёт, являясь весьма и весьма условным. Как поясняют специалисты по корпоративному праву, при проведении сделок *M&A* речь не идёт ни о слиянии компаний, ни о поглощении. Речь идёт о купле-продаже акций (отсюда *acquisitions*, т.е. *share acquisitions*). Будет ли компания, акции которой приобре-

таются, поглощена компанией-покупателем или нет, это уже другой вопрос. Этот вопрос может и не решаться в рамках проекта *M&A*, который подразумевает, прежде всего, смену контроля над предприятием (*corporate control*). Более того, в юридическом смысле *M&A* как бы и не разбивается на два термина, соединённых союзом, а представляет собой единое понятие, за которым стоят именно сделки купли-продажи.

В корпоративном праве встречаются различные виды *mergers*: *horizontal mergers*, *vertical mergers*, *extensional mergers*, которые подразделяются на *market extension mergers* и *product extension mergers* (или *product line extension mergers*), и ещё *conglomerate mergers*. Кроме того, *mergers* могут классифицироваться и по географическому принципу — *national* и *transnational mergers*, также называемые *cross-border mergers*. Для удобства перевода воспользуемся, по сложившейся традиции, существительным «слияния», не забывая всё же об определённой степени его условности.

Horizontal mergers — горизонтальные слияния. Это объединение компаний, относящихся к одной экономической отрасли, производящих однотипную продукцию или оказывающих однотипные услуги на одном и том же рынке. *Horizontal mergers* типичны для предприятий, являющихся конкурентами и в какой-то момент решивших объединить свои усилия.

Market extension mergers — слияния с расширением рынка. В таком объединении участвуют компании, которые реализуют сходную продукцию на географически разных рынках.

Product extension mergers — слияния с расширением спектра/ассортимента выпускаемой/производимой продукции. Такая форма объединения характерна для компаний, действующих на одном рынке и производящих родственную продукцию.

Что касается термина *product line extension merger*, то его можно перевести как «слияние с расширением производственных линий». Но только в том случае, если речь идёт о произ-

водственных компаниях. А если это сервисные или какие-либо иные, например, страховые или телекоммуникационные компании, продукция которых не является материальной? Здесь подошло бы «слияние с расширением спектра/ассортимента предлагаемой продукции» или «слияние с расширением спектра/пакета/диапазона оказываемых услуг». В последнее время в ходу калькированный перевод «продуктовая линия» и ещё такие словесные перлы, как «линейка продукции» и «продуктовая линейка». Можно, конечно, слегка повозмущаться по поводу подобных языковых новшеств, мол, перевёл же какой-то шустрый маркетолог или рекламщик *line* как «линейка», но факт остаётся фактом: в силу частого использования эти словосочетания в языке приживаются, и «линии/линейки» в разнообразных комбинациях со словом «продукция» или его производными попадают как в статьи специалистов, так и в различных бизнес-справочниках. В рекламных материалах банков можно нередко встретить «линейку кредитных продуктов», «линейку банковских вкладов» и даже «депозитную линейку». Страховые компании предлагают воспользоваться «обновленной линейкой страховых продуктов». Производители без устали разрабатывают и презентуют новые линейки чего угодно, от кондиционеров до шипованных шин. Даже консалтинговые компании обновляют «линейки аналитических продуктов». Несмотря на высокую частотность употребления, «линейка» в сочетании с продукцией любого рода, будь то товары массового потребления или неосязаемые банковские продукты, всё же немного режет ухо, в отличие от существительного «линия» («линия косметических изделий» звучит вполне органично).

Возвращаясь к *mergers*, добавим, что *conglomerate mergers* — это конгломератные слияния. Такой тип слияний предполагает объединение компаний из различных, не связанных между собой отраслей или географических регионов.

Что касается слияний по географическому принципу, то *transnational mergers* — это

«транснациональные слияния». В данном случае калькирование — самый удачный выход из положения, тем более что «транснациональные корпорации» и «транснациональные проекты» употребляются в деловом русском языке уже достаточно широко. Для перевода *cross-border merger* (по смыслу то же самое, что *transnational merger*) можно воспользоваться прилагательным с тем же начальным элементом, что и в первом случае — «трансграничные слияния». Этот же элемент пригодится и тогда, когда в английском прилагательное будет начинаться с *multi-*. Уже устоявшимся переводом словосочетания *multinational companies* является «транснациональные компании». С учётом процессов интеграции и глобализации мировой экономики такие прилагательные, как *cross-border*, *transnational*, *multinational*, *multi-jurisdictional* и *multi-component*, пользуются сейчас особой популярностью.

Возьмём пример с веб-сайта юридической компании Linklaters:

"In response to our clients' needs for integrated multi-jurisdictional advice, we have established a team of over 130 US-qualified lawyers located across the firm's network. The majority of the team is based in London and New York but we also have specialists in many European and Asian jurisdictions, which enables our clients to benefit from our ability to execute international transactions without having to enlist external US counsel."

Речь идёт о комплексном консультировании по вопросам законодательства разных стран. Такая консультационная поддержка необходима при реализации проектов, которые по-английски характеризуются тем же прилагательным — *multi-jurisdictional*. И в том, и в другом случае *multi-jurisdictional* придётся переводить описательным способом. В качестве варианта перевода можно предложить, например, такой: «проекты, реализация которых охватывает несколько государств». Юридический язык допускает и такой оборот, как «относиться к предмету/входить в предмет/составлять предмет/являться предметом чьей-либо юрисдикции», поэтому *multi-jurisdictional projects* в переводе могут выглядеть как «проекты, являющиеся предметом юрисдикции нескольких государств». В общем, устоявшегося

и общепринятого варианта нет, а есть простор для творчества — с одной стороны, и порой мучительные поиски нужного слова или хотя бы словосочетания — с другой. Словно ощущая эту нехватку компактного однословного аналога, постепенно пробивает себе дорогу в русский язык прилагательное «многоюрисдикционный». На практике уже встречаются «многоюрисдикционное дело» и «многоюрисдикционная операция», а на Первом глобальном форуме по конкуренции, который состоялся 17 октября 2001 года в Париже, речь шла «о проблемах из области материального и процессуального права, прямо затрагивающих многоюрисдикционное применение антитрестовского законодательства». Так говорится в русскоязычных материалах форума. Не совсем корректно здесь, на мой взгляд, употреблено прилагательное «антитрестовское». В оригинале, видимо, было *antitrust* и имелось в виду законодательство антимонопольное. А что касается прилагательного «многоюрисдикционный», то почему нет? Ведь «многонациональный», «многосторонний», «многоаспектный» и даже «многоуровневый» в русском языке есть.

Словосочетание *multi-component project* перевести легче — «многокомпонентный проект», хотя отдельные *project components* чаще переводят как «составляющие проекта». При реализации трансграничной сделки (*cross-border transaction*) её правовое сопровождение может обеспечиваться силами нескольких юридических фирм из разных стран, каждая из которых будет отвечать за свою национальную составляющую такого *multi-component project*.

Если можно говорить о персональных языковых предпочтениях, то слово *cross-border* я лично очень люблю. Прежде всего потому, что оно нередко выручает меня при переводе хрестоматийного словосочетания «внешнеэкономическая деятельность». Есть, правда, традиционный, если не сказать поднадоевший, вариант перевода — *foreign economic activities*. Ссылок на него в Интернете огромное множество, но в основном это всё «переводные» документы и «переводные» сайты.

А словосочетание *cross-border transactions/operations* звучит очень по-английски, к тому же идиоматичность здесь не в ущерб смыслу. Почему мы в данном случае переводим «деятельность» как *transactions/operations*, а не *activities*? Потому что *cross-border activities* — понятие весьма широкое, которое может включать и благотворительную деятельность, а наша задача — высветить здесь коммерческий аспект, чтобы идиоматичный вариант перевода сохранил адекватность. Для перевода термина «внешнеэкономическая деятельность» может подойти и *foreign trade*. Мне представляется вполне корректно перевести российскую ТН ВЭД (Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности) как *Commodity Classification for Foreign Trade*. Во всяком случае, аналогичные номенклатуры, существующие в Германии и Японии, переводятся на английский именно таким образом. Участников внешней экономической деятельности называют *foreign trade operators* или *foreign trade participants*. Первый вариант — это термин, которым оперирует ВТО. Второй вариант более прямолинейный, если не сказать калькированный, но, в принципе, и он приемлем.

Возвращаясь от прилагательных к существительным, точнее, к такому многогранному существительному, как *merger*, отметим, что встретиться оно может не только в корпоративном праве. В договорном праве существует такое понятие, как *merger of contracts*, а в контракте может оказаться *merger clause*, которые не имеют между собой ничего общего. Вот как эту разницу объясняет Gale Encyclopedia of Everyday Law:

"In contract law, agreements are merged when one contract is absorbed into another. The merger of contracts is generally based on the language of the agreement and the intent of the parties. The merger of contracts is not the same as a merger clause, which is a provision in a contract stating that the written terms cannot be varied by prior or oral agreements."

Может возникнуть вопрос: при чём же во втором случае *merger*? А при том, что "*all such agreements*", как поясняет уже Black's, "*have been merged into the written document*".

Перевести *merger of contracts* можно как «объединение договоров». Понимая суть *merger clause*, его, конечно, тоже можно перевести, но подобрать столь же компактный и ёмкий русский аналог немного сложнее. По смыслу это оговорка о включении в договор всех предшествующих договорённостей, но для названия статьи договора это тяжело и громоздко. Юристы иногда прибегают к калькированному переводу — «оговорка о поглощении». Точного смысла он не отражает, но вель и английское *merger clause* без дополнительных объяснений звучит несколько туманно. А для обозначения статьи договора данный вариант вполне приемлем и весьма гармонично вписывается в тот ряд, в котором будут такие разделы, как *Severability — Делимость договора*, *Entire agreement — Полнота договора*, *Amendment(s) — Внесение изменений*.

Подводя некоторый итог долгим изысканиям, приходится признать, что вопрос с переводом термина «присоединение» остаётся открытым и решать его переводчик вынужден, что называется, по ситуации (*on a case-by-case basis*). От существительного *merger* в большинстве случаев, наверное, придётся отказаться, оставив его как наглядный пример расхождения юридической теории и практики. Из положения можно выйти, например, описательным образом:

Реорганизация данного юридического лица была произведена в форме присоединения к другому юридическому лицу.

This legal entity was reorganised by merging into another legal entity.

Мы используем здесь однокоренной с *merger* глагол *to merge*, но благодаря предлогу *into* избегаем ненужных ассоциаций со сливанием, показывая, что это не две компании сливаются, образуя новое юридическое лицо, а одна компания как бы вливается в другую, прекращая свое независимое существование.

Интересно, что в качестве иллюстрации одного из значений глагола *to merge — to become combined, united, or absorbed; to lose identity by blending* — Webster's Concise College Dictionary дает пример далекий от юриспруденции, но сходный с вышеприведенным предложением по образу:

The stream merges into the river.

При необходимости от *merger* и *merge* можно совсем «уйти», воспользовавшись глаголом *to absorb*:

Юридическое лицо было реорганизовано в форме присоединения к нему другого юридического лица.

The legal entity was reorganised by means of absorbing another legal entity.

Именно глагол *to absorb* выручит в том случае, когда встретятся такие термины, как «присоединяющее юридическое лицо» — *absorbing company* и «присоединённое юридическое лицо» — *absorbed company*, особенно в формах, представляемых в регистрирующей орган при реорганизации, где компактность формулировок приобретает особую значимость. Конечно, в российские органы государственной власти мы представляем документы на русском языке, но иностранные компании, заказывающие услуги по сопровождению реструктуризации своего бизнеса в России, вполне могут пожелать получить перевод всех документов, имеющих отношение к этому проекту, включая такие «мелочи», как регистрационные формы. На практике так чаще всего и происходит.

Пригодится этот компактный перевод и в тексте объёмного юридического заключения, где будут длинные и сложные предложения, которые можно будет немного облегчить за счёт использования именно этого варианта.

Такое предложение, как, например,

Юридическое лицо, к которому осуществляется присоединение, представляет заявку на публикацию сообщения о принятии решения о реорганизации,

в переводе только выиграет от использования словосочетания *absorbing company*.

Ну и, конечно, *absorption* может оказать незаменимую помощь тогда, когда нужно будет перечислить все пять форм реорганизации в одном переводимом тексте.

Использование существительного *absorption* и однокоренного с ним глагола *to absorb* допустимо ещё и потому, что Black's Law Dictionary объясняет *merger* (в смысле присоединение) *через absorption*:

"The fusion or absorption of one thing or right into another; generally spoken of a case where one of the

Анализ практики

subjects is of less dignity or importance than the other. Here the less important ceases to have an independent existence." (общее определение)

"The absorption of one company by another, the former losing its legal identity, and latter retaining its own name and identity and acquiring assets, liabilities, franchises, and powers of former, and absorbed company ceasing to exist as a separate business entity." (применительно к корпоративному праву)

Как строгий юридический термин из области корпоративного права Black's Law Dictionary *absorption* не фиксирует, однако отдельная словарная статья ему всё же посвящена: "*Absorption — act or process of absorbing*". И далее значение *absorption* уточняется применительно к некоторым другим отраслям права, но ведь термины могут «кочевать» из одной области права в другую, и словари не всегда успевают отражать эти перемещения. Заметим, что и другие источники, процитированные выше, объясняют *merger*, прибегая либо к *absorption*, либо к *to absorb*.

При переводе с английского на русский первый аналог *absorption*, который приходит в голову, это, естественно, «поглощение». Русское «поглощение» — слово эмоционально окрашенное, причём с негативным оттенком, однако в английском *absorption* звучит нейтрально и никаким негативным подтекстом не отягощено. А такой «отрицательный» термин, как «недружественное поглощение», по-английски именуется *hostile take-over* и на *absorption* тени не бросает. Строго говоря, *hostile take-over* — это тоже не совсем поглощение. Просто так когда-то перевели. Компактный перевод, звучащий, надо сказать, очень терминологично, прижился и уже в силу сложившейся традиции продолжает использоваться, а по сути *take-over* подразумевает "*to assume control or management of, not necessarily involving the transfer of absolute title*" (Black's), т.е. получение контроля над предприятием. Всё это рассеивает те «эмоционально-стилистические» опасения, которые могли бы возникнуть в связи с использованием *absorption*.

Единственный, на мой взгляд, недостаток *absorption* как варианта перевода термина «присоединение» заключается в том, что в от-

личие от русского «присоединение», которое позволяет посмотреть на процесс с обеих сторон (одна компания присоединяется, другая — присоединяет), *absorption* — это взгляд на происходящее с одной стороны, со стороны той компании, которая присоединяет к себе другое юридическое лицо. Однако, учитывая все достоинства этого термина и, прежде всего, адекватную передачу смысла, к этому недостатку, мне кажется, можно отнестись снисходительно.

Так что, как справедливо заметил классик, «привычка свыше нам дана». В том числе и языковая привычка. Но замена ли «счастью» она? Переводческому счастью — вряд ли.

В.Г. Короленко, из письма к Е.С. Короленко,
5 июля 1893 г.

Интересны также некоторые черты полемики финляндских газет с нашими якобы патриотами. «Московские ведомости» обвиняют финляндцев в том, что они, переводя высочайшие указы, систематически их искажали (в переводе на шведский язык). Одна из газет отвечает на это, что смысл перевода всюду соответствует подлиннику, но некоторые выражения совершенно несродны духу финского народа и языка. Так, финны не знают, что значит «повергаются к священным стопам» и т.д., а лишут просто: «представляются на утверждение государю»...

Сотрудничество редактора с переводчиком

Б. Н. Климзо

Не всё стриги, что растёт.
Козьма Прутков

Правь то, что должно, а не всё, что можно.
Неписанный закон редактирования

О проблемах, с которыми сталкивается технический переводчик, сказано немало. Среди них есть проблема не одного только технического характера — это отношения между переводчиком и редактором. При её рассмотрении следует учитывать два аспекта — технический и психологический. Но вначале небольшое отступление.

Если переводчика, занимающегося переводом научно-технической литературы, вполне допустимо назвать «техническим переводчиком», то редактора, редактирующего научные и технические переводы, назвать «техническим редактором» было бы некорректно. В издательствах техническим редактором («техредом») называют сотрудника технической редакции, которая готовит рукописи к передаче в типографию (разметка текста, заголовков, таблиц, рисунков и т.д.). Поэтому сотрудников тематических редакций, выполнявших научную (по существу) правку и заодно литературную (стилистическую) правку рукописей переводов, называли «научными редакторами» (существовали должности научного редактора и старшего научного редактора). Стилистической правкой занимались и литературные редакторы,

хотя в основном они ограничивались четкой рукописи после машинки и разметкой. Ниже, говоря о редакторе, мы будем иметь в виду научного редактора.

В настоящее время институт научных редакторов почти исчез. Редактирование книг в частных издательствах порой сводится к пустой формальности, когда на титульном листе указывается крупный в отрасли авторитет, который на самом деле редактированием не занимался. И всё же кое-где научные редакторы сохранялись, причём не только в издательствах, но и в некоторых бюро переводов. Поэтому техническому переводчику нужно быть готовым к встрече с редактором, так как от результатов встречи нередко зависит судьба не только перевода, но и самого переводчика. При этом переводчик должен знать, что он и редактор — равноважные (хотя и не совсем равноправные) участники одного и того же процесса.

Как и в любой другой профессии, встречаются редакторы добросовестные и не очень. Бывают и анекдотичные случаи. Когда компьютеров не было в помине, правка вносились чернилами на бумажном (как теперь бы сказали) носителе. Редактор тонкой линией зачёркивал то, что ему не нравилось, а сверху надписывал свой вариант. Переводчик всегда мог ознакомиться с правкой и выразить своё отношение к ней или, что более важно, взять на вооружение опыт редактора. Так вот, в одном из реферативных журналов

ВИНИТИ некоторое время подвизался внештатный редактор, который жирно зачёркивал какой-либо фрагмент, а затем сверху этот же фрагмент воспроизводил. Пока это не обнаружилось, «редактор» даже числился в переводниках, так как никогда не срывал сроки.

Настоящий же редактор, чувствуя себя соавтором перевода, уважительно относится к мнению первого соавтора, т.е. переводчика, а поэтому обязательно информирует переводчика о своей принципиальной правке и советуется с ним в отношении терминов, а также неясных и подозрительных мест оригинала. Более того, такой редактор удерживает в памяти отдельные термины и выражения, которые остались непонятыми, и, когда картина проясняется, старается внести поправки в отредактированный ранее текст. В качестве примера сошлюсь на историю, рассказанную американским коллегой Ю.Н. Плахтием.

«На чертежах резервуаров рядом с лестницами (*ladders*) и площадками обслуживания (*access platforms*) стояла надпись "shipped loose". Переводчик написал «поставляется отдельно», а я без тени сомнения поправил на «поставляется в разобранном виде». Спустя пару месяцев я снова встретил "shipped loose". Из контекста было абсолютно ясно, что этот термин означает «поставляется отдельно» (от аппарата, на котором лестницы и площадки устанавливаются при его монтаже), а чертежи с неправильным переводом так и ушли. Позднее, когда часть из них вернулась в последней редакции "Issued for construction", удалось поправить обратно».

К сожалению, существует и другая категория редакторов, которые правят безапелляционно. Они самоуверенны, но в то же время избегают контактов с переводчиком. Иногда это объясняется их нежеланием «трепать себе нервы», но чаще — боязнью продемонстрировать свою некомпетентность. Если же редактор не боится встречи с переводчиком, то, конечно, последнее слово в споре в любом случае остаётся за редактором. Но на чём основано это слово? На доказательстве, обращении к факту, логике или же на амбиции, желании «повластвовать», стремлении любой ценой «сохранить лицо»? Разные бывают редакторы, но переводчики — народ ещё более пёстрый. Переводчик может быть специалистом в конкретной области либо универсалом, смело берущимся за любую темати-

ку. Он может хорошо владеть родным языком либо пользоваться им не очень уверенно, но считать, что форма изложения — вещь второстепенная, а главное — не исказить существо переводимого материала. Переводчик может быть человеком уступчивым или наоборот — в штывки принимать любое замечание редактора. Он может использовать каждый перевод для расширения своего кругозора, а поэтому всегда старается докопаться до сути и к переводу относится как к своему детищу, судьба которого ему безразлична. А может скользить по верхам, фантазировать или даже (что совсем огорчительно) проявлять черты авантюриста или «пофигиста». Не секрет, что некоторым переводчикам даже старшего поколения «наплевать на все замечания, лишь бы деньги платили». Тех, кому вопросы психологии переводчиков могут показаться интересными, отсылаю к моей статье¹.

Участникам работы над переводом полезно иметь представление о психологических барьерах на их пути, но это не главное. Главное — и редактор, и переводчик должны хорошо понимать свои обязанности и разумно пользоваться своими правами. В этом случае вероятность возникновения конфликтной ситуации мала, процесс перевода протекает наиболее эффективно, а результат получается наиболее благоприятным. Обязанности переводчика хорошо известны — они подробно описаны в статьях и книгах по переводу. Напомню обязанности редактора. Редактор должен:

1. Следить, не исказил ли переводчик смысл.
2. Проверять термины, используемые переводчиком.
3. Устранять допущенные переводчиком и не замеченные им при считке пропуски.
4. Помогать переводчику в построении новых, отсутствующих в словарях терминов.
5. В случаях, когда оригинал имеет очень специфический характер, снабжать переводчика справочными материалами или даже глоссарием терминов, принятых в фирме (в которой работает редактор).

¹ Б.Н. Климзо, «Психологические барьеры на пути технических переводчиков», сб. Перевод и коммуникация, Институт языкознания РАН, М., 1997.

6. Обсуждать с переводчиком неясные, подозрительные, нелогичные места, если таковые встречаются в оригинале (операция, называемая «снятием вопросов»).
7. Следить за соблюдением переводчиком норм русского языка (но это не значит, что редактор должен увлекаться вкусовой правкой).
8. Проверять перевод аббревиатур, результаты пересчёта единиц измерения, написание имён и географических названий.

Все эти обязанности не требуют комментариев, за исключением, пожалуй, пунктов 4 и 5.

Бывает, редактор не столько помогает переводчику, сколько мешает ему. Е.К. Масловский вспоминает такой эпизод. Когда компьютеры только-только стали входить в нашу жизнь, он перевёл книгу, в которой многократно встречался привычный теперь для всех термин «пользователь» (user). Однако редактор всюду заменил(а) его на «потребитель», и переводчику пришлось потратить немало сил, чтобы отстоять свой вариант. Возможна и противоположная ситуация, когда редактор вступает в спор с маститым переводчиком-специалистом или даже с группой переводчиков. В 1970-х годах наша редакция активно протестовала против быстро укоренившегося термина «вязкость разрушения» как эквивалента английского термина *fracture toughness* (под названием «вязкость разрушения» было даже издано несколько книг). И только получив поддержку ведущих московских прочнистов и металлургов, нам удалось внедрить корректный эквивалент — «трещиностойкость». Я привёл эти два примера, чтобы ещё раз подчеркнуть: отыскание эквивалента нового термина — общее дело переводчика и редактора.

Как можно видеть из пункта 5, сотрудничество переводчика с редактором необязательно начинается после окончания перевода — иногда оно предшествует переводу. Такая ситуация характерна для документов со специфической фирменной терминологией. В качестве примера приведу фрагмент из раздела «Определения» в документе, относящемся к горно-обогатительному комбинату. В этом разделе следовали друг за другом два термина: *Test on Completion* и *Test after Completion*. Согласитесь, в отсутствие контек-

ста эти термины синонимичны. К счастью, контекст позволил переводчику определить, чем первое отличается от второго и что первое предшествует второму во времени. Переводчик попытался подчеркнуть это обстоятельство, сохранив присущую обоим терминам краткость и условность, так как он понимал, что на самом деле первый термин означает «Испытания по завершении строительно-монтажных работ», а второй — «Испытания после сдачи объекта»:

<p>Test on Completion</p>	<p>(Cold commissioning) means the tests specified in the contract and designated as such, and any other such tests as may be agreed by the employer's representative and the contractor or instructed as a variation, which are to be carried out before the Works or any section are taken over by the employer.</p>
<p>Test after Completion</p>	<p>(C4 onwards, performance guarantee, final acceptance) means the tests specified in the Contract and designated as such, which are to be carried out after the Works or any section are taken over by the employer.</p>
<p>Испытания при Окончании</p>	<p>(Холодный пуск в эксплуатацию) означает испытания, указанные в Контракте и названные таковыми, а также любые иные испытания, которые могут быть согласованы представителем заказчика и подрядчиком, либо указанные как некоторое изменение, и которые должны быть выполнены перед тем, как Фабрика или какой-либо её участок переданы заказчику.</p>
<p>Испытания после Окончания</p>	<p>(Технологические [C4] и последующие испытания, технологическая гарантия, окончательная приёмка) означают испытания, указанные в Контракте и названные таковыми, которые должны быть выполнены после того, как Фабрика или какой-либо её участок переданы заказчику.</p>

Однако оказалось, что указанные в левом столбце два термина в фирме уже давно пере-

Проблемы технического перевода

водятся на русский язык соответственно как Итоговые испытания и Испытания по завершению проверки! В связи с этим удивлённому переводчику было высказано встречное удивление и даже неудовольствие. Ясно, что в отношении всех таких фирменных терминов заказчик (а конкретнее – редактор) должен был предупредить переводчика.

Подобные досадные промахи случаются обычно, когда фирма привлекает к работе внештатного редактора. Такому редактору можно только посочувствовать. Работодатель назначает ему очень сжатые сроки, наивно полагая, что каждый перевод заведомо хороший, а редактору остаётся лишь пробежать глазами текст перевода, изредка заглядывая в оригинал. Поэтому нередко редактору назначается норма 6 страниц в час! На самом же деле редактор обращается к каждой строчке оригинального текста и проверяет, как с ней справился переводчик. Помимо перечисленных выше обязанностей, так или иначе связанных с переводчиком, внештатному редактору приходится выполнять множество других работ, требующих немалых затрат времени, среди которых укажем следующие:

- а) поиск информации в Интернете и справочниках;
- б) снятие вопросов со специалистами либо с авторами текста по телефону или электронной почте, когда это возможно;

- в) ведение глоссария;
- г) организация унификации терминов в группе переводчиков, зачастую живущих в разных городах;
- д) страховочный контроль над движением переводимых и редактируемых материалов;
- е) организационная переписка.

Опытный редактор в состоянии правильно спланировать свою работу, неопытный – ничего не успевает. Всё своё время он тратит на якобы стилистическую правку, которая на самом деле является вкусовой, и принимает в труднопереводимых местах единоличные решения, не советуясь с переводчиком или специалистом, в результате чего вносит в перевод ухудшающую правку. Посмотрим на результат работы такого редактора, выбрав для иллюстрации перевод рекламного буклета. Как нередко бывает, информация в буклете приводится в довольно общем виде, а многочисленные цветные картинки мало помогают прояснению смысла. В нашем случае буклет рекламирует передовую технологию строительства подводных нефтегазопроводов и, более конкретно, технологию соединения трубопроводных концов без сварки, а с помощью так называемых цанговых соединителей, напоминающих известные всем цанговые карандаши.

Вкусовая правка

Оригинал	Вариант переводчика	Вариант редактора
1. Proven Diverless Connections for Deepwater Applications.	Передовой метод соединения глубоководных трубопроводов без помощи водолазов.	Проверенный способ соединения глубоководных трубопроводов без привлечения водолазов.
2. And because they are light and compact, they can be installed using smaller, less costly support vessels.	А поскольку цанговые соединители имеют лёгкую и компактную конструкцию, их можно устанавливать с помощью менее дорогих вспомогательных судов меньшего водоизмещения.	Благодаря лёгкой и компактной конструкции, их можно устанавливать со вспомогательных судов меньшего водоизмещения, эксплуатация которых обходится дешевле.
3. Vertical Integral Collet Connector Repair Jumper with Wye Fitting and Future Tie-in Hub in route for deployment in the Gulf of Mexico.	Ремонтная перемычка с вертикальным встроенным цанговым соединителем, Y-образным ответвлением и трубопроводным концом для будущей врезки на пути к месту установки в Мексиканском заливе.	Ремонтная перемычка (соединительный трубопровод) с вертикальным встроенным цанговым соединителем, Y-образным ответвлением и трубопроводным концом для будущей врезки транспортируется к месту установки в Мексиканском заливе.

Оригинал	Вариант переводчика	Вариант редактора
4. Its composite metal construction provides a forgiving sealing surface that can accommodate hub imperfections, assuring a gas-tight seal.	Составная металлическая конструкция уплотнения обеспечивает получение податливой уплотняющей поверхности, которая приспособляется к неровностям уплотняемой поверхности трубопроводного конца, обеспечивая герметичность.	Составная металлическая конструкция уплотнения обеспечивает получение уплотняющей поверхности, которая хорошо прилегает к неровностям стыковочного конца, обеспечивая герметичность.
5. That means you never have to buy more than you need.	Это значит, что вам не придется покупать больше, чем требуется.	Это значит, что вы всегда сможете приобрести именно то изделие, которое вам необходимо.

Пример 1. Конечно, английское слово “proven” означает «проверенный», а обычно (чтобы не звучало буквально) его переводят как «проверенный временем», «проверенный на практике». Переводчик выбрал «передовой метод» как штамп из привычного прошлого. Редактору больше по вкусу «проверенный способ». «Без привлечения» ему тоже нравится больше, чем «без помощи».

Пример 2. Вспомогательные суда меньшего водоизмещения **дешевле** крупных судов — это главное, о чём говорит реклама. Конечно, их эксплуатация обходится дешевле, как, кстати, и аренда, и ремонт. Почему редактор решил подчеркнуть дешевизну эксплуатации — загадка.

Пример 3. Редактор решил пояснить, что такое перемычка, и напрасно — соединительный трубопровод может соединять всё что угодно — фонтанную арматуру скважины с каким-либо резервуаром на платформе или два резервуара; он может служить вставкой между двумя концами одного трубопровода. Перемычка же — всегда соединение двух параллельных трубопроводов. Ну а чем в рекламном буклете «транспортируется» лучше, чем «на пути», судите сами.

Пример 4. Соль здесь в том, что фирменное уплотнение — не просто металлическое уплотнение: его рабочая поверхность не прилегает жестко к уплотняемой поверхности, а именно повторяет все неровности последней. Таким образом, редактор выбрал менее точный вариант. Не лучше обстоит дело и с «неровностями стыковочного конца» — у переводчика говорится о неровностях, находящихся именно **на уплотняемой поверхности трубопроводного** конца, вариант же редактора менее конкретен. И вообще, чем **стыковочный** конец лучше **трубопроводного**? Но мы к этому вопросу ещё вернёмся.

Пример 5. «Завлекательный» язык рекламы редактор переименовывает в привычную для технических документов форму.

Критикуя редактора за вкусовую «стилистическую» правку, я совсем не хочу сказать, что редактор не должен заниматься действительно стилистической правкой (т. е. устранять расщепление сказуемого, тавтологию, рыхлость изложения, беспомощное употребление местоимений и предлогов и т. д.).

Проблемы технического перевода

Ухудшающая правка

Оригинал	Вариант переводчика	Вариант редактора
6. Our connectors can also be used on platform disconnects, moorings and riser anchoring systems.	Наши соединители можно также использовать в разъёмных соединениях морских платформ, причалов и водоотделяющих колонн.	Вы также можете использовать наши изделия в разъёмных соединениях для морских платформ, причалов и трубопроводов, соединяющих морскую платформу с подводным месторождением.
7. Vertical configurations have a protective alignment shroud and guide funnel that lands over the mail hub connection structure during installation, aligning the hubs.	Вертикальные конфигурации имеют защитный выравнивающий кожух и направляющий раструб, который во время монтажа садится на ниппельный конец трубопровода и выравнивает оба трубопроводных конца.	Такие соединители имеют защитный выравнивающий кожух и направляющий раструб, который во время монтажа садится на стыковочный ниппель и центрирует оба стыковочных узла.
8. In the unlatched position, the collet segments form a tunnel which provides the final radial alignment before the female hub nose enters the male hub counterbore.	В отпертом положении цанговые сегменты образуют раструб, который обеспечивает окончательную центровку, прежде чем нос муфтового трубопроводного конца войдёт в расточку ниппельного трубопроводного конца.	В ослабленном положении сегменты цангового соединителя образуют раструб, который обеспечивает окончательную центровку, прежде чем стыковочный ниппель войдёт в отверстие стыковочной муфты.
9. Three types of connection structures guide the Collet Connectors onto the male hub for safe, accurate alignment.	Надёжное и точное выравнивание достигается с помощью трёх типов соединительной конструкции, направляющей цанговый соединитель на ниппельный трубопроводный конец.	Надёжное и точное центрирование достигается с помощью трёх типов конструкции соединения, обеспечивающей направляемое движение цангового соединителя к стыковочному ниппелю.
10. Horizontal Stab with Retrievable Actuator.	Горизонтальный центратор с возвращаемым исполнительным механизмом.	Горизонтальный стыковочный узел со съёмным исполнительным механизмом.

Пример 6. Редактор не знает, что на морских платформах “riser” – это не трубопровод, но стояк, который может заводиться в так называемую «J-трубу», или водоотделяющую колонну. По такой колонне с платформы на морское дно прокладывают технологические трубопроводы, кабели и шланги. Кроме того, «соединение морской платформы с подводным месторождением» – очень наивное выражение. Во-первых, месторождение не бывает «подводным», оно всегда «подземное», хотя может находиться на суше либо на шельфе. Во-вторых, на одном морском месторождении может быть несколько морских платформ, а кроме того, береговой комплекс по первичной переработке нефти и (или) газа и

сооружения инфраструктуры. Иными словами, месторождение и платформа – объекты разного порядка и потому не соединяемые, как «не соединяемы» нефтяные месторождения страны с её нефтяной промышленностью.

Пример 7. Прежде чем обратиться к этому примеру отвлечёмся ненадолго на анализ ключевого термина **hub**. Это один из многозначных терминов, который в ряде своих значений далеко ушёл от термина-прародителя. В нашем случае **hub** используется в новом, отсутствующем в словарях значении, а поэтому требует от переводчика и редактора отыскания русского эквивалента (см. рассмотренный нами выше пункт 4).

Когда-то **hub** означал только одно — ступицу колеса, соединённую спицами с ободом. Образ ступицы с входящими в неё спицами взяли на вооружение авиаторы (узел для транзитных авиапассажиров), связисты (центральная станция), компьютерщики (концентратор), строители (ядро жёсткости), экономисты (центр деятельности), интернетчики (web страница). В общем, «хабами» стали называть различные узловое устройства, объединяющие в себе множество каналов, кабелей, управленческих связей и т.п. «спиц».

Затем появились термины, использующие образ ступицы без спиц. В электротехнике это **hub** = гнездо коммутационной панели, а в строительстве **hub** = трубная муфта. Но термин **hub** всё ещё означал нечто, во что вставляют что-то. Однако и на этом **hub** не оставили в покое, и **hub** стал означать «то, что вставляется!» В строительстве появился **hub** = ниппель радиатора, а в трубопроводах (например подводных) — более корректные **male hub** и **female hub**, т.е. *ниппельный конец трубопровода* и *муфтовый конец трубопровода*. Здесь явно сказались влияние бурильной терминологии: в бурильных трубах бурильный замок включает в себя ниппельный и муфтовый концы. (Кстати, в нефтепромысловой терминологии используется также **hub** = манифольд, как аналог ступицы со спицами.)

Теперь вернёмся к примеру 7. Редактор, встретив в тексте оригинала **hub**, не принял предложенный переводчиком эквивалент и занялся поисками в словарях. Единственный подходящий вариант он обнаружил, по-видимому, в Мультиране: **hub** = стыковочный узел, который ему очень понравился. Заменяя «ниппельный конец трубопровода» не очень внятным «стыковочным ниппелем», редактор ввёл в оборот ещё и «оба стыковочных узла», хотя речь в оригинале идёт об **одном** узле, включающем в себя **два** трубопроводных конца. Эту сумятицу с узлами и стыками редактор насадил всюду, где упоминались два соединяемых трубопроводных конца.

Пример 8. Очень интересный момент: и у переводчика, и у редактора складывается впечатление, что в оригинале допущена какая-то ошибка — «носом» можно назвать ниппель

ниппельного конца, а никак не приёмную полость муфты! Поскольку связаться с автором буклета невозможно, переводчик сохраняет непонятное место, исходя из того, что буклет многократно редактировался и проверялся. Редактор принимает волевое решение и правит переводчика, но такую правку можно назвать лишь «условно ухудшающей».

Пример 9. Рекламные буклеты отличаются скудностью языка. В данном буклете к месту и не к месту многократно используются *configuration, system, structure, fabrication* (как синоним *structure*), *connection*. Особенного внимания требует последнее слово с его производными. В самом деле, в данном примере речь идёт о **соединительной** конструкции (а), которая способствует процессу соединения; о **соединяемом** ниппельном конце трубопровода (б), находящемся внутри соединительной конструкции; о **соединительном** муфтовом конце (в), предварительно зажатом в цанговом соединителе; о самом **цанговом соединителе** (г); и наконец о **соединяющем** устройстве (д), представляющем собой узел исполнительных механизмов и панели, управляющий цанговым соединителем и после завершения конструкции **соединения** (е) двух концов трубопровода возвращаемый на поверхность. Редактор запутался и неудачно правит «соединительную конструкцию (а)» на «конструкцию соединения (е)».

Пример 10. Редактор игнорирует термин **stab**, который опять-таки заимствован из терминологии бурения скважин. В бурильных установках, как с роторным, так и с верхним приводом, используется устройство, которое выравнивает оси бурильных труб перед их свинчиванием. Это устройство (направляющая воронка, стабилизатор, центратор) по-английски называется *stabbing guide, stabber* или *stab*. Редактор, как и в предыдущем примере, заменяет конкретный «центратор» любимшимся ему «стыковочным узлом», под которым скрывается всё, что угодно, — и стыкующий механизм, и результат стыковки. Кроме того, термин «возвращаемый исполнительный механизм» (т.е. механизм, который после установки на место цангового соединителя возвращается на поверхность)

Проблемы технического перевода

он заменяет менее точным термином «съёмный исполнительный механизм», как бы не видя различия между значениями английских слов *retrievable* и *removable*.

Я ограничился подробным рассмотрением десяти примеров — на самом же деле количество случаев внесения редактором вусовой и ухудшающей правки в переводе буклета было весьма значительным. У него манометры, в показания которых вносятся поправки на глубину, превращаются в манометры «с шкалой с поправкой на глубину». **Выполняемые исполнительными механизмами функции превращаются в органы управления** (а это: рычаги, кнопки, педали). Устройство, блокирующее гидравлические исполнительные механизмы при их неисправности и **берущее на себя управление** цапговым соединителем, превращается в **устройство блокировки автоматки**, хотя никакой автоматки на цапговом соединителе нет, и т.д. Все эти примеры свидетельствуют о неопытности редактора: времени и сил он потратил немало, а в результате не улучшил перевод, а наоборот — ухудшил его, совершил своего рода «диверсию». Этого не случилось бы, будь у редактора обратная связь с переводчиком.

Подведём итоги, имея в виду **нормальные деловые отношения** добросовестных редакторов и переводчиков:

1. Сотрудничество переводчика с редактором — залог получения добротного перевода.
2. Редактор включается в работу на последнем этапе перевода, а иногда ведёт работу с переводчиком с самого начала.
3. Некоторые вопросы (отыскание эквивалентов отсутствующих в словарях терминов, обсуждение трудных мест и устранение ошибок оригинала) редактор и переводчик обязаны решать сообща.
4. Обязательным этапом процесса перевода является снятие редактором вопросов с переводчиком (за исключением очень простых случаев, когда никаких вопросов не возникает).
5. С профессиональной точки зрения, переводчику, как минимум, должно быть интересно узнать оценку своей работы редактором. Как максимум, ему полезно ознакомиться с редакторской правкой.
6. Налаженная обратная связь редактора с переводчиком позволяет избежать внесения редактором ухудшающей правки.

7. И редактору, и переводчику следует, конечно, учитывать моменты психологического характера, но они должны понимать, что эти моменты не должны быть решающими в их сотрудничестве.

А теперь немного о **ненормальных** отношениях, которые складываются иногда между редакторами и переводчиками. Московский профессиональный переводчик, попросивший не упоминать своего имени, перевёл фундаментальный труд по своей инженерной специальности. Редактор, крупный специалист в этой же области, стал активно вмешиваться в оригинальный текст, например, замснять допущения, принимаемые в анализе, своими, по его мнению, более корректными, и т.д. Единственное, чего смог добиться переводчик — это потребовать от редактора снабдить каждое подобное вмешательство примечанием, тем самым сняв с себя всякую ответственность за волюнтаризм редактора.

Представьте теперь себе американскую компанию, в которой много лет работает «на дому» три редактора и 10 переводчиков, т.е. речь идёт, казалось бы, об устойчивой команде фрилансеров. Редактор вносит правку на бумаге и передаёт её переводчику, который должен правку просмотреть и перенести в электронный окончательный документ. Оказывается, что такой порядок неизменно ведёт к склокам, так как, по свидетельству моего корреспондента, «здесь переводчиками работают, в основном, те, кто не смог найти приличную работу в другом месте». Конечно, нормальный рабочий процесс снятия вопросов с такими переводчиками невозможен.

Далее корреспондент пишет:

«Психологические аспекты имеют очень большое значение, особенно когда переводчики и редактор подолгу (год и более) работают в офисе клиента в одной команде, что называется бок о бок... Иногда такой длительный контакт приводит к тому, что отношения редактора с переводчиком перерастают в открытую вражду, и работать в таких условиях становится невыносимо. Известны случаи, когда администрация переводческой компании рекомендовала редактору и переводчику общаться только по e-мэйлу».

Добавлю, когда редактор и переводчик живут в разных странах, ситуация вообще может дойти до абсурда. Проживающий в Израиле Л.Б. Зарецкий, автор, редактор и перевод-

чик научно-технической литературы, отредактировал присланный из США огромный материал по сельскохозяйственным машинам. Перевод оказался слабым, использованная в нём терминология не выдерживала никакой критики, и редактору пришлось немало потрудиться, чтобы довести документ до кондиции. Более того, он не пожалел времени и сопровождал правку подробными комментариями. Когда же перевод был опубликован, изумлению редактора не было границ. Оказалось, что штатная переводчица американской компании-заказчика, получив свой отредактированный перевод, по одной ей известным соображениям вернула весь текст в исходное, предшествующее редактированию состояние. Редактору хватило моральных сил только на то, чтобы попросить менеджера компании

избавить его от дальнейшего общения с «непредсказуемой» переводчицей. Таким образом, «диверсионные акты» совершают порой и переводчики.

Наконец, нельзя не упомянуть ужасный случай, когда редактору приходится работать с переводом, выполненным в Традосе либо в иной программе из семейства «Translation memo». Но лишь упомянуть, так как в этом случае перевод и редактирование мало напоминают привычные всем процессы.

В заключение хочется выразить надежду, что российским редакторам и переводчикам не придётся работать в каких-либо «экзотических» условиях и что предлагаемые заметки будут способствовать установлению между ними нормальных и исполненных взаимоотношения деловых отношений.

И ЭТО – ПЕРЕВОД

Не всем известен источник стихотворения А.С. Пушкина “Злато и Булат”:

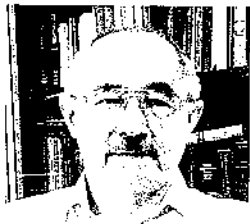
“Всё моё”, – сказала злато.
 “Всё моё”, – сказал булат.
 “Всё куплю”, – сказала злато.
 “Всё возьму”, – сказал булат.

Это четверостишие представляет собой вольный перевод французской басни “Le Fer et l’Or”:

Tout est à moi, car je l’achète,
 Et la paie en deniers comptants
 Disait l’Or, élevant sa tête –
 Tout bas, dit le Fer, je l’arrête:
 Tout est à moi, car je le prends.

Существует и другой перевод этой басни, сделанный товарищем Пушкина по Царскосельскому лицу А.Д. Илличевским:

“Моё всё! Золото кричало:
 За что ни вздумая, плачу”.
 – Моё, Железо отвечало:
 Я граблю, что ни захочу.

Некоторые замечания по поводу параллельных миров в переводе

И.И. Убин

В своей статье «Параллельные миры» («Мосты» №2/10, 2006) Н.Г. Шахова затронула ряд проблем, с которыми переводчик (или переводческая организация) сталкивается сегодня в своей повседневной работе, и предложила своё видение этих проблем. И хотя эта статья была опубликована уже более полугода назад, я всё же решил высказаться по некоторым из этих вопросов, поскольку мне достаточно часто приходится сталкиваться с подобными же проблемами как в практической работе с заказчиками переводов, так и в учебном процессе в вузе, и у меня сложился несколько другой взгляд на эти проблемы.

Первый и наиболее дискуссионный вопрос, затронутый в данной статье, это взаимосвязь качества и скорости выполнения перевода. Н.Г. Шахова пишет, что «во многих случаях гораздо важнее скорость. Пусть перевод звучит коряво, главное — информация поступила вовремя». Надо сказать, что этот тезис, к тому высказанный столь ярко и полемично, производит сильное впечатление на начинающих переводчиков и студентов. Я разделяю мнение Натальи Гелиевны о том, что в современных условиях роль скорости выполнения перевода резко возросла, и что качество срочного перевода может быть несколько ниже качества обычного несрочного перевода. Проблема в том, что не ясно, насколько качество «сверхсрочного» перевода может быть ниже и согласится ли с этим заказчик. Полагаю, что скорость за счёт существенного снижения качества перевода — это мина замедленного действия как для заказчика, так и для самого переводчика (переводческой организации).

К сожалению, мой собственный опыт это подтверждает. В начале 90-х годов прошлого века мы (ВЦП) несколько раз поддавались на уговоры заказчиков сделать «сверхсрочный» перевод, поскольку информация нужна была «ещё вчера», горели важные переговоры. Однажды наш переводчик выполнил один такой перевод объёмом более 2-х авт. листов (более 50 стр.) за сутки. Следует признать, что этот перевод страдал стилистическими погрешностями и был оформлен неидеально, однако ни смысловых, ни терминологических ошибок в нём не было. Заказчик был счастлив. Его всё устраивало — и качество, и стиль изложения, и оформление перевода. Переговоры начались. Однако через некоторое время пришёл другой представитель этого же заказчика и потребовал вернуть деньги за перевод, поскольку переговоры для него окончились неудачей — и, по его мнению, только по причине некачественного перевода. «Пострадавший» утверждал, что в условиях рынка заказчик перевода, как и покупатель в магазине, имеет право в любое время вернуть не понравившийся ему товар, в нашем случае перевод, и получить свои деньги обратно. Никаких серьёзных претензий к качеству перевода — за исключением претензий к оформлению — заказчик предъявить не смог. Впрочем, и наши доводы о том, что перевод — не ботинки, так как, возвращая текст (бумажный вариант перевода), заказчик, тем не менее, не сможет вернуть обратно полученную им с помощью этого перевода информацию, не были им восприняты. В конечном счёте, мы вынуждены были без дополнительной оплаты отредактировать перевод и довести его качество до необходимого уровня.

В дальнейшем мы старались не поддаваться на уговоры заказчиков и избегали принимать к исполнению «сверхсрочные» информационные переводы вне зависимости от уровня их оплаты. Однако это не означает, что проблема взаимосвязи качества и скорости выполнения перевода более не доставляет нам хлопот. Нередко клиент, заказывая срочный перевод, как само собой разумеющееся, рассчитывает получить качество, не уступающее качеству хорошего опубликованного перевода, и не принимает во внимание жёсткие временные рамки, в которые сам ставит переводчика. Довод заказчика: «Срочный перевод — не означает плохой перевод». И в этом клиент прав. Это, с одной стороны, ставит под сомнение правомерность утверждения Натальи Гелиевны о том, что «посредственный переводчик приучает заказчика к посредственному качеству, которое затем становится для заказчика эталоном», а с другой — подтверждает её тезис о том, что качество перевода каждый понимает по-своему.

Дебаты между переводчиком или сотрудником переводческой организации и заказчиком по поводу качества перевода как срочного, так и несрочного, как правило, проходят весьма тяжело и нередко заканчиваются безрезультатно. И основной причиной этого, на мой взгляд, является не столько стремление переводчика или бюро переводов сохранить честь мундира, с одной стороны, и стремление заказчика получить услугу более высокого качества, чем он оплатил, с другой, а отсутствие единого утверждённого и, главное, общепризнанного документа, определяющего качество научно-технического или любого другого художественного перевода, выполняемого в обычные или сжатые сроки. По моему мнению, требования к качеству перевода в этом гипотетическом документе должны определять в первую очередь специалисты в области перевода (практики и теоретики), а не рынок.

В ряде европейских стран действуют государственные стандарты на перевод. В настоящее время ведётся работа над единым стандартом на перевод для Европейского Экономического Сообщества. К сожалению, у нас в стране подобного документа нет. В стандарте СССР ГОСТ 7.36-88 «Неопублико-

ванный перевод» и в проекте нового межгосударственного стандарта на перевод ГОСТ 7.36-200 «Неопубликованный перевод. Общие требования и правила оформления» практически не затрагиваются требования к качеству перевода (смысловые, фактические, стилистические и др. ошибки). Поэтому, несмотря на то, что у некоторых переводчиков возникает аллергия на любые документы, хоть каким-то образом регламентирующие переводческую деятельность, я бы рекомендовал при обсуждении требований к качеству и срокам выполнения нехудожественного перевода обращаться к «Инструкции по апробации межотраслевых норм времени на перевод»*. Этот документ в некоторых аспектах ещё не доработан, но в нём есть несколько разделов, которые, безусловно, полезны переводчикам научно-технической литературы. В частности, разработчики Инструкции выделяют три вида научно-технического перевода в зависимости от его назначения, при этом они избегают эмоционально-оценочных характеристик (посредственный, корявый и т.п.) и не используют термины «черновой перевод», «рабочий перевод» и «перевод для опубликования». При этом, хотя и в самых общих чертах, фиксируются определённые требования к качеству перевода. Это особенно важно для того, чтобы качество перевода не понимали по-разному — заказчик по-своему, а переводчик по-своему.

В этом же документе даются также рекомендации по срокам выполнения перевода («обычный перевод» — «срочный перевод»), которые существенно разнятся в зависимости от языка оригинала, направления перевода, тематики и других характеристик. Я полагаю, что если руководствоваться этим документом при предварительном согласовании с заказчиком требований к качеству и срокам выполнения перевода до начала работы, то можно снять некоторые недопонимания, нередко возникающие между переводчиком и заказчиком после завершения перевода, или хотя бы уменьшить их остроту.

* Министерство труда и социального развития Российской Федерации. Центральное бюро нормативов по труду. «Инструкция по апробации межотраслевых норм времени на перевод и переработку научно-технической литературы и документации». 2000 г.

Заказчик – переводчик

Ещё одно утверждение Н.Г. Шаховой, которое вызывает у меня возражение, касается проблемы «истребления в русских переводах латиницы». Наталья Гелиевна весьма эмоционально выступает с критикой «стойкого вещепешного солдата», который, опираясь на инструкции ВЦП, говорит, что все иностранные слова в русском переводе нужно либо переводить, либо транслитерировать. Н.Г. Шахова опровергает утверждение этого переводчика рассказом о том, в каком тяжёлом положении может оказаться «бедный русский эмигрант» в Америке в случае пожара в лифте, если переводчик не оставит названия кнопок в лифте на английском языке. Полагаю, что этот столь яркий пример здесь некорректен. Говоря о переводе или транслитерации иностранных слов в русском переводе, «вещепешный» переводчик имел в виду переводы, предназначенные для России, и инструкции, на которые он ссылался, были также написаны для России.

В качестве контрдовода Н.Г. Шаховой можно предложить такую гипотетическую ситуацию. В каком положении окажется баба Клава, приехавшая из рязанской деревни в гости в Москву и застрявшая в венгерском или немецком лифте, если названия кнопок в нём оставлены без перевода? Это, конечно, смоделированная ситуация. Реальными же контрпримерами могут послужить выполненные нами переводы эксплуатационной документации японской и немецкой землеройной техники, закупленной для вскрышных работ в Сибири. В каком положении окажется бульдозерист или экскаваторщик, если мы оставим названия кнопок на панели управления и рычагов на латинице? Это ему поможет? А что делать с инструкциями по применению венгерских лекарств или использованию финских красок? Безусловно, при решении этих проблем нужно помнить, для кого ты переводишь и где твой перевод будет использоваться. Из текста статьи не ясно, предполагает ли Наталья Гелиевна учитывать этот фактор или нет.

Возражая своему знакомому вещепешному переводчику, Наталья Гелиевна сравнивает его с «японскими солдатами, которые через двадцать лет после окончания Второй миро-

вой войны продолжали выполнять приказы давно капитулировавшего командования». Я решил затронуть этот момент не только потому, что есть и другой взгляд на стойкость этих солдат, и мне обидно за «стойкого вещепешного солдата». У меня и эти японские солдаты, и этот переводчик вызывают только уважение. В этом абзаце Наталья Гелиевна критикует своего знакомого переводчика за то, что тот выполняет «приказы давно капитулировавшего командования», т.е. плохо не то, что «выполняет инструкции», а то, что это инструкции «давно капитулировавшего командования». На мой взгляд, главное тут вовсе не в том, капитулировало командование или нет, а в том, что новых «приказов», т.е. новых, более качественных инструкций или других документов, регламентирующих единообразное решение проблемы «латиницы в русском тексте», по-прежнему нет, а многие старые хоть и не отменены, но успешно забыты и не выполняются. Всё это приводит не только к дискуссиям среди переводчиков-практиков и теоретиков перевода, но и к полному разбою в решении этой серьёзной переводческой задачи, в частности в сфере научно-технического перевода, – и вот это уже довольно печально. Рискую вызвать раздражение некоторых читателей своими призывами к регламентации переводческого труда, я, тем не менее, вновь заявляю, что необходимо решать эту проблему на общегосударственном уровне силами, как теоретиков, так и практиков перевода.

В заключение я хотел бы сказать, что, публикуя свой взгляд на некоторые проблемы, затронутые в статье Н.Г. Шаховой «Параллельные миры», я никоим образом не ставлю под сомнение компетентность Натальи Гелиевны в вопросах перевода и не стремлюсь её переубедить. Главное, ради чего я написал эту небольшую заметку, – это стремление уберечь молодых переводчиков от излишнего стремления угодить заказчику в условиях нашего далеко не стабильного рынка в ущерб качеству перевода и своего профессионального достоинства. Не стоит надеяться, что рынок сам расставит всех по своим местам и решит за нас все наши проблемы.

Преподаватель перевода: нужна ли специальная подготовка?

В.А. Иовенко

Переводческое сообщество и, прежде всего, опытных преподавателей перевода не может не беспокоить странная и в известной степени парадоксальная ситуация, которая существует в обучении переводу уже многие годы, если не десятилетия. Парадокс состоит в том, что в отечественных вузах, осуществляющих подготовку педагогических кадров в сфере иностранных языков, специально не готовят преподавателей устного и письменного перевода¹. Профессии переводчика традиционно обучают преподаватели-филологи или переводчики — выпускники переводческих факультетов (среди последних и автор этой статьи).

Конечно, в ведущих языковых вузах страны работает немало компетентных преподавателей, которые достигают прекрасных результатов в обучении переводу. Свидетельство тому — подготовленные ими квалифицированные переводчики (впрочем, блестящие переводчики — это зачастую не столько результат педагогического мастерства их наставников, сколько проявление яркого таланта и особой предрасположенности человека к осуществлению двуязычной коммуникации). И всё же нельзя не отметить низкий в целом уровень преподавания перевода и, как следствие, слабые профессиональные навыки и умения перевода у многих переводчиков.

В значительной степени эта тревожная ситуация объясняется тем, что, как правило,

¹ И.И. Убин указывает на острую нехватку квалифицированных преподавателей перевода и справедливо усматривает в этом причину неудовлетворительного качества подготовки переводчиков и недостатка квалифицированных переводчиков в России (см. И.И. Убин «Рынок и подготовка переводчика. Мы успеваем или отстаём?». — «Тетради переводчика», выпуск 26. — М.: «Рема», 2007, стр. 211 — 214).

преподавателями перевода оказываются выпускники филологических факультетов или факультетов иностранных языков университетов, которые пытаются перенести — и, к сожалению, успешно переносят — в обучение переводу методики, используемые в обучении иностранным языкам. Более того, у многих преподавателей-филологов даже нет опыта практической работы устными или письменными переводчиками. Справедливости ради отметим, что выпускникам переводческих факультетов университетов, решивших связать свою судьбу с преподавательской работой в сфере перевода, не хватает знаний именно педагогического и методического характера.

Снижение уровня качественной подготовки переводчиков мы объясняем и тем обстоятельством, что в последние 10–15 лет были открыты переводческие отделения (!) и иных неязыковых вузах по всей стране, где решили заниматься подготовкой переводчиков в сфере профессиональной коммуникации². Не секрет, что в подобных учебных заведениях, не имеющих традиций и опыта обучения переводу, не обспечивается должное, не говоря уже, высокое качество преподавания перевода.

Между тем, обучение переводу требует привлечения специальных методик, педагогических принципов и методических приёмов, в которых следует учитывать особый и чрезвычайно сложный характер переводческой деятельности и многогранность профес-

² Подробно и убедительно об этой проблеме написал Д.И. Ермолович в статье «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации — что это такое?» (см. «Тетради переводчика», выпуск 26. — М.: «Рема», 2007, стр. 194–198).

Подготовка переводчиков

сиональной компетентности переводчика. Последняя включает, на наш взгляд, следующие основные аспекты.

1. **Знания** переводчиком сущности перевода как особого, неповторимого вида двуязычной коммуникативной деятельности, а также особенностей текстов различных жанров на исходном языке (ИЯ) и переводящем языке (ПЯ) и национально-культурного пространства носителей ПЯ.

В этой связи совершенно очевидно, что практическим занятиям по переводу должен предшествовать лекционный курс «Теория перевода», в рамках которого студенты знакомятся с основными положениями общей и частной теории перевода. Такими положениями являются, в частности: место и роль перевода в современном мире, структура науки о переводе, связь со смежными науками, виды и типы переводческой деятельности, коммуникативная схема процесса перевода, структура переводческой деятельности, понятие инварианта и единицы перевода, адекватность и эквивалентность в переводе, буквальный и вольный перевод, факторы (детерминанты) адекватного перевода, основные пути достижения адекватности в переводе и типы переводческих молификаций (преобразований), критерии оценки качества выполненных переводов, перевод безэквивалентной лексики, ложные друзья переводчика, основные модели перевода, краткая история переводческой деятельности и переводоведения, научные школы и важнейшие научные труды в области теории перевода и другие вопросы.

Вряд ли неязыковые высшие учебные заведения, поставившие перед собой цель осуществлять подготовку переводчиков, в состоянии обеспечить чтение подобного курса.

2. **Информированность** переводчика в различных предметных областях. Это предполагает его гуманитарную эрудицию, знание политической карты мира (которая, кстати, всегда должна быть в аудитории, где проводятся практические занятия по переводу), основательные фоновые знания переводчика. Аксиомой переводческого мастерства является тезис о том, что трудности, которые возникают в процессе перевода и обусловлены лакунами переводчика в языковой комбина-

ции ИЯ – ПЯ, компенсируются квалифицированным переводчиком его хорошими фоновыми знаниями. Отсюда требование к переводчикам: постоянно быть в курсе политических событий, интересоваться вопросами культуры, истории, экономики страны (стран) изучаемого иностранного языка³.

3. **Навыки** владения переводческой деятельностью, в том числе на основе специально сформированных речевых и психологических механизмов в зависимости от вида и типа перевода. Опытными преподавателями разработаны и широко применяются в обучении переводу специальные упражнения традиционного и проблемного характера, которые формируют и развивают у будущих переводчиков навыки и умения всех видов перевода текстов с иностранного языка на русский и с русского языка на иностранный: абзацно-фразового перевода на слух, зрительно-устного перевода (с подготовкой и с листа), двустороннего перевода, последовательного перевода с использованием системы сокращённых записей, перевода методом «нашёптывания», синхронного перевода, письменного перевода.

4. **Умения** оказать эффективное воздействие на получателей текста перевода (ПТ), исходя из коммуникативного задания автора исходного текста (ИТ) и целей перевода, а также с учётом установки на адресатов ПТ и коммуникативной ситуации конкретного акта двуязычной коммуникации.

5. **Коммуникативный опыт** переводчика, который появляется у него не только в результате многолетней переводческой деятельности, но и благодаря целенаправленному развитию под руководством преподавателей таких важнейших для переводчика качеств, как переводческая догадка и интуиция. Известно, что ни один, даже самый опытный переводчик, не знает всех слов иностранного языка и их соответствий на ПЯ. Это обстоятельство, однако, не мешает ему успешно преодолевать трудности и переводить самые

³ Этим вопросам посвящена наша недавняя публикация: В.А.Иовенко. Reunión descafeinada = встреча без кофеина? – Тетради переводчика, выпуск 26. – М.: «Рема», 2007, стр. 159–165.

сложные тексты. Опора на догадку и интуицию помогает переводчику незамедлительно предпринимать комплексный поиск путей выхода из сложных ситуаций, находить адекватные решения, а также устраняет страх перед новым словом или выражением и придаёт уверенность его действиям.

Например, догадка для переводчика, пытающегося найти русское соответствие испанскому выражению *cuarentena diplomática* (*El gobierno no había logrado superar la cuarentena diplomática que lo mantenía en el aislamiento internacional*), может «сработать» на лексеме *aislamiento* (изоляция). Поэтому одним из вариантов перевода на русский язык оказывается следующий: Правительству не удалось преодолеть дипломатическую замкнутость, державшую страну в международной изоляции. Опытный преподаватель затем сформулировал бы свой переводческий комментарий, а именно: слово *cuarentena* («четыре десятка», «около сорока», «сорокадневный срок», «сорокалетие», «сорок» и, наконец, «карантин» — вот ключ к решению этой переводческой задачи!) происходит от французского *quarantaine* — «карантин», что в переводческом переосмыслении означает «изоляция от общества».

6. **Психологические факторы.** специфика и степень проявления которых неодинакова при выполнении различных видов перевода. Так, при абзацно-фразовом переводе на слух и двустороннем переводе на первый план выходит объём оперативной памяти переводчика. При двустороннем переводе приобретает важность способность переводчика неоднократно переключаться с одного языка на другой и обратно. Перевод методом «нашёптывания» и синхронный перевод сопряжены с необходимостью одновременного восприятия текста на ИЯ и порождения текста на ПЯ. Наконец, все разновидности устного перевода требуют от переводчиков высокой концентрации внимания, устойчивости к длительному умственному напряжению и перегрузкам, быстроты принятия решений. Перечисленные и некоторые другие психологические факторы формируются на основе специально разработанных методик обучения и должны быть объектом повышенного внимания со стороны

преподавателей перевода.

7. **Нормы поведения** устных переводчиков в зависимости от различных ситуаций межязыкового посредничества: интервью, «круглый» стол, беседа на высоком уровне, лекция в многочисленной аудитории, допрос военнопленного, официальный ужин, церемония подписания документов, предполётный инструктаж лётчиков и т.п. Разумеется, научить будущих переводчиков правильно вести себя при осуществлении ими перевода может лишь тот преподаватель, который сам обладает разнообразным опытом работы устным переводчиком.

Преподаванию перевода присущи и свои собственные **организационные моменты и методические принципы.**

К первым из них я бы отнёс наличие подробных кафедральных учебных программ изучения перевода и учебных планов проведения занятий по переводу, где были бы чётко представлены изучаемые виды и типы перевода; тематика текстов, подлежащих переводу; направления перевода (с иностранного языка на русский и/или с русского языка на иностранный); объём и степень сложности переводных текстов в зависимости от периода обучения. В этих документах следует отразить компетенции, которые подлежат сформировать и/или развить в течение каждого семестра и всего периода обучения практическому переводу, а также экзаменационные и зачётные требования (последние должны быть доведены до сведения студентов уже на первом занятии).

На первом занятии по практическому переводу полезными для студентов стали бы инструкции преподавателя о методике выполнения домашнего задания по переводу с обязательным упоминанием того, что упражнения на зрительно-устный перевод следует выполнять только вслух. Обязательным атрибутом занятия должны стать рабочие словарики студентов, куда они вносили бы не только соответствия и эквиваленты, встретившиеся при выполнении ими домашних заданий и в ходе аудиторных занятий, но и переводческий комментарий, который преподаватель делает на занятиях. К сожалению, ныне студенты записывают эквиваленты прямо в учебнике, над словами и выражениями ИТ. Эта распро-

Подготовка переводчиков

странённая практика приводит, среди прочего, к тому, что студенты ограничиваются знанием лишь одного допустимого варианта соответствия и не утруждают себя поиском других адекватных соответствий.

Особо следует сказать о тетрадах для письменных переводов. Лучше, если страница будет разделена на три колонки: в первой выполняется перевод, во второй – преподаватель отмечает тип ошибки (искажение смысла, смысловая неточность, опущение части исходной информации, стиль, грамматика, лексика, орфография, пунктуация), каждая из которых имеет свой «вес» при подсчёте допущенных ошибок и выведении оценки. В третьей колонке студенты исправляют ошибки после подробного анализа и комментирования преподавателем на очередном занятии их письменных переводов⁴. Именно при обучении письменному переводу следует учить студентов умению пользоваться различными словарями и справочниками.

Непременным условием успеха в преподавании перевода является наличие у преподавателя продуманного плана-конспекта каждого занятия и собственные, заранее подготовленные варианты перевода текстов, с которыми предстоит работать на очередном занятии, а также переводческие комментарии и рекомендации для студентов.

О *методических принципах* занятий по переводу. Прежде всего, это – разнообразная структура занятия, которое не должно ограничиваться, например, зрительно-устным переводом с иностранного языка на русский (тем более, одного и того же текста) в течение двух академических часов. Целесообразно в каждый урок включать задания, ориентированные не только на выработку собственно переводческих компетенций, которые сформулированы в учебной программе на данный семестр. Необходимы также упражнения на выявление причин переводческих решений и действий, дифференциацию функциональных стилей, сопоставление текста оригинала

и нескольких вариантов его перевода, редактирование переводов, лингвострановедческие упражнения. Особую важность мы придаём предпереводческим упражнениям, которые имеют целью научить студентов технологии принятия решений и выбора средств достижения адекватного перевода.

Другой методический принцип обучения переводу видится нам в том, чтобы обеспечить активную работу всей группы путём вовлечения студентов в исправление ошибок, допущенных их коллегами, а также – и это самое главное – предъявления ими своих собственных вариантов перевода с обоснованием их решений. Последнее вытекает из важнейшего положения теории перевода о принципиальной неединичности допустимых решений при переводе и возможности существования, как правило, нескольких равноценных вариантов перевода одного и того же текста вследствие особенностей личности самого переводчика, синонимии языковых средств, информационной многогранности ИТ и ряда других причин.

Важным для профессиональной деятельности будущих переводчиков представляются усилия преподавателей, направленные на то, чтобы отучить студентов от избивенчества, проявляемого, в частности, в том, что они при каждом столкновении с неизвестным словом или выражением задают преподавателю вопрос («а как по-испански (по-русски)...?») и не желают проявить догадку, осмотреться в контексте и ситуации. В этой связи преподавателю не следует сразу давать ответ на поставленный студентами вопрос относительно того или иного переводческого соответствия или эквивалента, а необходимо сформулировать наводящие вопросы, указать на языковой контекст и внесязыковую ситуацию.

С этим методическим принципом связано обучение многошаговой синонимической импровизации при переводе с русского языка на иностранный, когда у начинающего переводчика отсутствуют готовые эквивалентные пары, и он вынужден преодолевать возникшие трудности.

Наконец, ещё об одном методическом принципе. Он заключается в использовании «по максимуму» переводческого и референт-

⁴ Подробнее о некоторых методических рекомендациях проведения занятий по переводу см.: В.А. Иовенко. «Практический курс перевода. Международные отношения. Испанский язык. Учебник». – М.: «Р.Валент», 2006, стр. 4–9.

ского потенциала каждого текста и даже отдельной фразы. Поясню это на следующем примере.

Так, при переводе с русского языка на испанский фразы *Эквадорские парламентарии наладили контакты с континентальным объединением авторитетных политических деятелей различных убеждений со штаб-квартирой в Гватемале* следует обратить внимание студентов не только на языковые расхождения между ИЯ и ПЯ, связанные с предпочтительным использованием тех или иных языковых форм на уровне речевой нормы (в данном случае речь идёт о глагольной тенденции испанского языка и, как следствие, необходимости использования в ПТ не именных, а глагольных форм, что, в свою очередь, приводит к лексическим добавлениям): *Los parlamentarios ecuatorianos establecieron contactos con la asociación continental que agrupa a los políticos que gozan de alto prestigio y tienen diferentes convicciones cuya sede se encuentra en Guatemala.*

Уместным было бы затем попросить студентов показать Эквадор и Гватемалу (а, может быть, и соседние с ними страны) на политической карте мира, задать вопрос о том, почему Гватемала в последнее время оказалась в центре внимания мировой общественности³.

Таким образом, многогранность профессиональной компетентности переводчиков предъявляет повышенные требования к преподавателям перевода, которые должны объединять в себе качества переводчика, лингвиста, методиста, культуролога, историка, политолога и других специалистов.

Казалось бы, то, о чём я говорил выше, известно опытным преподавателям перевода. Однако практика проведения нами методических семинаров и работа с молодыми педагогами свидетельствует о том, что для многих из них все эти тонкости обучения переводу являются настоящим откровением. Мы убеждены в том, что хорошим преподавателем пере-

вода может стать лишь тот педагог, который в течение ряда лет совмещает преподавание перевода с самостоятельным изучением научной литературы по вопросам общей и частной теории перевода и методических изданий по обучению переводу, посещает занятия или, как сейчас стало модным говорить, мастер-классы опытных преподавателей, участвует в работе кафедральных и институтских методических семинаров, посвящённых различным аспектам преподавания перевода, ведёт активную научную работу с прицелом на защиту диссертации по теории перевода или методике обучения переводу и, наконец, сам является практикующим устным и/или письменным переводчиком.

Однако оптимальным решением стала бы, на наш взгляд, целенаправленная, в рамках специализированного отделения, подготовка студентов, обучающихся на переводческих факультетах, филологических факультетах или факультетах иностранных языков, к предстоящей педагогической деятельности именно как преподавателей перевода.

Полагаю, что уже давно назрела необходимость в разработке новой de jure, но не de facto образовательной программы для осуществления образовательной деятельности по специальности «преподаватель перевода». И.И. Убин в уже упомянутой статье также обратил внимание на то, что в номенклатуре специальностей, по которым в нашей стране можно получить высшее образование, отсутствует преподаватель перевода.

Идеальным местом для реализации этой программы нам видится Московский государственный лингвистический университет, в котором на протяжении многих лет и на основе разработанных учебных программ ведётся успешная подготовка и преподавателей иностранных языков, и профессиональных переводчиков.

Таким образом, на вопрос, поставленный нами в заголовке статьи, следует дать однозначно положительный ответ.

³ Осенью 2006 года Гватемала и Венесуэла участвовали в длительных выборах непостоянного члена Совета Безопасности ООН от Латинской Америки, завершившихся избранием Панамы. В июле 2007 года именно в Гватемале Международный Олимпийский комитет принял решение о месте проведения зимних Олимпийских Игр 2014 года.

Учебно-методическое обеспечение курса английского перевода

Е.В. Бреус, З.Н. Волкова

Одним из направлений работы по стандартизации преподавания в высшей школе является составление учебно-методического комплекса по дисциплине специальности (УМК), представляющего собой совокупность учебных и учебно-методических материалов для изучения студентами данной специальности. Комплекс разрабатывается преподавательским составом во исполнение ряда приказов Министерства образования и науки РФ на основе требований Государственного образовательного стандарта, учебно-го плана и рабочей программы.

Подтверждением важности, которая придаётся УМК, служит письмо Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 30.09.2005. Процент учебных дисциплин, обеспеченных учебно-методическими комплексами, в нём рассматривается как показатель деятельности высшего учебного заведения и выдвигается в качестве одного из критериев государственной аккредитации.

Действительно, УМК позволяет учебному заведению быстро вводить и обновлять существующие учебные курсы, стандартизировать учебный процесс, адаптировать курс в соответствии с требуемыми условиями. Пользуясь материалами комплекса, преподаватель может значительно сократить время на подготовку к занятиям, экономить дефицитное учебное время, учитывать возможности группы в целом и индивидуальные особенности каждого студента. Сами учащиеся получают в своё распоряжение отлично структурированный и подробно иллюстрированный комплект учебного материала, значительно расширяющий возможности и эффективность самостоятельной работы.

Полный Учебно-методический комплекс состоит из:

- Учебной программы по дисциплине, включающей описание знаний, умений и навыков до и после обучения, цель и задачи изучения дисциплины, а также перечень тем дисциплины и их основное содержание;
- Приложения 1 в виде Учебного пособия. УП представляет собой подробное изложение учебного материала дисциплины, отобранного в соответствии с Учебной программой. При этом в распоряжении Министерства образования и науки РФ особо подчеркивается необходимость соблюдения общепринятых терминов, определений и формулировок, которые были введены в дисциплинах, предшествовавших данной, или будут использоваться в дальнейшем;
- Приложения 2, состоящего из методических рекомендаций и всевозможных дополнительных материалов по тематике курса.

Актуальность и практическую ценность УМК в сфере преподавания перевода трудно переоценить. Его разработка позволяет обобщить имеющийся опыт в этой области, проанализировать теоретические основы и сложившуюся практику учебного процесса, а в случае необходимости внести требуемые коррективы. Вместе с тем налаживание эффективной и слаженной работы по реализации упомянутых задач предполагает выполнение ряда условий.

Составление УМК, в частности, требует наличия единой теоретической базы. Разнообразие мнений и разнообразие направлений творческого поиска является обязательным условием научного прогресса в целом и в сфере переводоведения в частности. Но когда речь заходит о преподавании той или иной практической дисциплины, среди многих

теорий преподаватель обычно выбирает одну. Ту, которая, по его мнению, имеет наибольшую объяснительную силу, прошла испытание временем и пользуется широкой поддержкой специалистов.

В переводоведении таким направлением научных исследований, по нашему мнению, является теория, рассматривающая перевод как акт межязыковой речевой коммуникации. В её становление, приходящееся на первую половину прошлого века, существенный вклад внесли немецкие учёные, в частности Г. Йегер и О. Каде, предложившие рассматривать процесс перевода в терминах теории связи. В России коммуникативная теория получила дальнейшее развитие в трудах выдающихся представителей отечественного переводоведения В.Н. Комиссарова и А.Д. Швейцера, долгие годы проработавших на переводческом факультете в стенах МГПИИЯ им. М. Тореза (ныне МГЛУ).

С точки зрения коммуникативной модели перевод, в самом обобщённом виде, понимается как функционирование исходного текста в иной языковой и культурной среде. Такой подход позволяет намного полнее, чем в предыдущих теориях, определить базовое понятие переводческой эквивалентности. Оно складывается из тех элементов содержания исходного сообщения, которые подлежат обязательной передаче в процессе перевода на другой язык. Без них перевод теряет свою сущность.

Эквивалентность в контексте коммуникативной модели представляет собой горизонтально-иерархическую структуру, в которой горизонтальный ряд представлен видами эквивалентности, а вертикальный иерархический — уровнями, отражающими степень полноты эквивалентности. Поясним, что это значит.

В конкретных условиях речевого общения любое высказывание преследует совершенно определённую цель. Этой целью может быть простое описание окружающего мира посредством упоминания относящихся к нему фактов, выражение своего отношения к предмету сообщения, стремление убедить собеседника, побудить его к определённым действиям, проверка канала связи, типа «ты меня слышишь?» и т.д.

Рассматривая речевой акт под углом зрения цели общения отправителя или, другими словами, его коммуникативной установки, в нём можно выделить ряд функциональных характеристик, которые образуют важнейшую часть содержания исходного текста и подлежат обязательному сохранению в процессе перевода. Перечень таких функций был дан известным лингвистом Р. Якобсоном. Это денотативная функция (описание предметной ситуации), экспрессивная функция (выражающая отношения говорящего к высказыванию), функции командная (передача команд и предписаний), фатическая (информация о состоянии канала связи с собеседником), металингвистическая (установка на сам язык, используемый в коммуникативном акте) и поэтическая (внимание участников речевого акта акцентируется на форме речевого высказывания, например, игре слов, использовании каламбуров и пр.).

С учётом перечисленных функций, можно говорить о шести видах функциональной эквивалентности — денотативной, экспрессивной, командной, фатической, металингвистической и поэтической. Кроме того, как отмечалось выше, в процессе перевода сопоставляются не только два языка, но и две связанные с ними культуры. Поэтому наряду с шестью функциональными видами эквивалентности выделяется эквивалентность межкультурная, установление которой предполагает необходимость пояснения культурных реалий, не знакомых получателю текста перевода.

В связи со спецификой исходного и переводящего текстов реальная практика перевода часто не допускает передачи всего коммуникативного содержания оригинала. Обеспечить полную эквивалентность удаётся не всегда. Решение, принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер. Для передачи главного в исходном тексте, его коммуникативной установки, переводчику нередко приходится идти на определённые потери. Иными словами, речь идёт о степени полноты эквивалентности, для выражения которой используется понятие адекватности перевода. В предлагаемой схеме для отражения степени полноты каждого

вида эквивалентности вводится понятие иерархии её вертикальных уровней.

Переходя к описанию Учебно-методического комплекса по переводу в терминах коммуникативной модели, напомним, что УМК состоит из трёх частей – 1) учебной программы, 2) приложения 1 в виде базового учебного пособия и 3) приложения 2, содержащего методические рекомендации и дополнительные учебные материалы. Той же последовательности придерживаемся и мы. В качестве примера берётся курс «Практика письменного перевода английского языка». УМК по этой учебной дисциплине с позиций коммуникативной модели выглядит следующим образом:

Учебная программа

В основу данной программы заложены принципы принятой в Российской Федерации концепции коммуникативного системно-деятельного подхода к обучению иностранному языку, а также требования Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалистов по направлению 620100 «Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Курс является логическим продолжением теоретических дисциплин «Введение в теорию перевода» и «Общая теория перевода» и завершает подготовку студентов по практике перевода первого иностранного языка по специальности 022900 «Перевод и переводоведение» (квалификация – лингвист, переводчик).

Пояснительная записка

Изучение дисциплин переводческого цикла расширяет лингвистический и страноведческий кругозор учащихся, способствует формированию особой «переводческой» языковой личности посредством развития дополнительных знаний и навыков во всех главных аспектах речевой коммуникации – языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом. Углублённое изучение данных дисциплин направлено на развитие аналитических способностей студентов и привитие им навыков научно-исследовательской деятельности.

Цели и задачи курса «Практика письменного перевода английского языка»

Курс «Практика письменного перевода английского языка» имеет два аспекта: «Практика письменного англо-русского перевода» и «Практика письменного русско-английского перевода». Курс основан, преимущественно, на материалах текстов, относящихся к публицистическому стилю.

Цель курса – ознакомить студентов с применением ключевых положений переводоведения в практике письменного перевода. При этом важно предоставить им определённый объём информации и помочь осознать, что системное изучение основных переводческих соответствий облегчает их усвоение и закладывает основы профессионального перевода.

Помимо собственно учебных целей, настоящий курс, имеющий основополагающий, базовый характер, может быть использован при разработке современной унифицированной методики преподавания перевода, равно как и при составлении курсов технического, юридического, делового и других жанровых разновидностей информативного перевода, естественно, с учётом всех присущих им специфических особенностей.

Задача курса состоит в том, чтобы научить студентов находить решение переводческих проблем, относящихся к семантическим, текстологическим, стилистическим и культурологическим аспектам перевода. Конкретно речь идёт о наиболее часто встречающихся случаях установления денотативной, экспрессивной и культурологической эквивалентности, а также учёте в процессе перевода некоторых различий между АЯ и РЯ в сфере формальной связности и смыслового единства текста и особенностей публицистического стиля речи. Рассматриваются мотивы и виды переводческих соответствий и преобразований, обеспечивающих реализацию названных задач.

Курс также призван содействовать становлению и закреплению полученных знаний и навыков. Этой цели служат тематически сгруппированные упражнения и подборка текстов с подробным проблемно-ориентированным комментарием.

Требования к уровню освоения содержания дисциплины

В результате изучения курса письменного перевода английского языка студенты должны

знать:

- знаковую и коммуникативную стороны перевода;
- концептуальный и терминологический аппарат коммуникативной модели перевода;
- основы стратегии и тактики переводческой деятельности;
- денотативный, экспрессивный и межкультурный виды эквивалентности и уровни каждого из названных видов, отражающие степень полноты данного вида эквивалентности;
- соответствия и преобразования, характерные для каждого из названных видов и уровней эквивалентности;
- различия между АЯ и РЯ в области когезии и когерентности текста;
- различия в инвентаре языковых средств публицистического стиля в АЯ и РЯ;
- переводческую проблематику, обусловленную названными выше различиями, и соответствующие методы перевода;

уметь:

- через постоянные двуязычные действия переключаться с одного языка на другой;
- достигать понимания исходного текста, которое отличается от обычного на много большей глубиной и окончательностью;
- правильно определять переводческую проблему, то есть тот отрезок текста, при переводе которого неприменим метод прямых лексических и грамматических соответствий;
- отходя от оригинала, оставаться как можно ближе к исходной коммуникативной установке;
- переходить от поверхностной структуры к глубинной и обратно;
- выбирать и правильно использовать технические приемы перевода;
- выявлять стандартные и нестандартные переводческие проблемы и выбирать способы их решения, наиболее соответствующие условиям конкретного акта перевода;
- учитывать межкультурные различия;
- редактировать свои и чужие переводы;
- пользоваться бумажными и электронными словарями и справочниками;

быть ознакомленными:

- с основополагающими классическими работами и новейшими публикациями в области переводоведения и переводческой практики.

Содержание разделов дисциплины «Практика письменного англо-русского перевода»

Раздел 1. Лингвистические основы переводоведения

Понятие языкового знака. Семиотика — наука о знаковых системах. Три вида отношений между знаками — семантика, синтактика, прагматика. Язык и речь. Единицы языка и речи. Семантическая структура слова. Значение и смысл. Предложение и высказывание. Предметная ситуация как объективно существующая внеязыковая реальность и ограниченный набор её признаков, отражаемый в высказывании. Понятие коммуникативной ситуации. Тема-речевая структура высказывания. Текст как письменная презентация речи. Структура текста — вертикальная тематическая, горизонтальная и глубинная. Норма языка. Норма речи (узус). Фоновые знания получателя текста.

Рекомендуемая литература: Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001, с. 23–68.

Раздел 2. Критерии перевода

Двойственный взгляд на перевод как на объект исследования: 1 — текст, т.е. упорядоченный набор языковых знаков; и 2 — коммуникативная, психологическая реальность. Соответственно, предлагаются два подхода. В первом перевод трактуется как результат, а во втором — как процесс. Оба подхода имеют семиотическое обоснование и дополняют друг друга. Основополагающие понятия перевода — эквивалентность и адекватность. Горизонтально-иерархическая структура эквивалентности. Уровни эквивалентности, отражающие степень её полноты. Переводческие соответствия и преобразования как способы установления эквивалентности. Понятие переводческого преобразования, как перевыражение содержания исходного текста средствами переводящего языка. Понятие контекста.

Рекомендуемая литература: Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988, сс. 91, 92–99, 147. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 9–30.

Подготовка переводчиковРаздел 3. Семантические аспекты перевода.
Установление денотативной эквивалентности.
Высказывание и его компоненты**1. Формальный уровень денотативной эквивалентности**

Прямые переводческие соответствия — лексические и грамматические.

Лексические внеконтекстуальные соответствия. Методы перевода — транскрипция, транслитерация, калька. Лексические контекстуальные соответствия — единичные и множественные. Способ нахождения множественных соответствий — дополнение приводимого в словаре синонимического ряда. Перевод словосочетаний методом семантического параметра. Прямые грамматические соответствия — нулевые, одноимённые и перекрёстные.

2. Компонентный уровень денотативной эквивалентности

Перевод словосочетаний. Сохранение порядка следования элементов словосочетания, сопровождается изменением их грамматического оформления, то есть частей речи и синтаксических функций. Изменение порядка следования элементов словосочетания. При этом возможны три варианта: части речи и синтаксические функции остаются без изменений; меняются только части речи; меняются как части речи, так и синтаксические функции. Моноремы и диремы. Перевод монорем. Место ремы в высказывании-диреме. Передача безэквивалентных грамматических форм.

3. Ситуативный уровень денотативной эквивалентности

Перевод дирем. Персонафицированные диремы. Диремы с подлежащим-реципиентом. Диремы, в которых подлежащее выражает признак деятеля. Диремы с формальным и неопределённым видами подлежащего. Диремы, при переводе которых используется прямой порядок слов и безличное предложение. Антонимический перевод. Метонимический перевод. Глагольная метонимия. Причинно-следственный характер метонимических отношений: передача причины — следствием, следствия — причиной, состояния — действием. Причинно-следственный и временной характер метонимических отношений: передача процесса его начальным или

завершающим этапом. Номинативная метонимия: передача целого — частью, действия — деятелем, места — находящимися там людьми и т.п. Вид метонимического перевода, именуемый «отделённым признаком». Генерализация; мотивы: языковые, в частности правила лексической сочетаемости, и требование контекста. Конкретизация; мотивы: правила лексико-синтаксической сочетаемости и требование контекста. Широкозначные слова. Интернационализмы. «Ложные друзья» переводчика. Смещение.

4. Установление денотативной эквивалентности на уровне цели общения

Добавления, обусловленные правилами лексико-синтаксической сочетаемости РЯ: отдельные слова и словосочетания. Восстановление отглагольного существительного. Слова, не имеющие в РЯ прямого однословного соответствия. Добавления при передаче словообразовательных форм, отсутствующих в РЯ. Добавления при передаче грамматических форм лексическими средствами. Добавления, обусловленные различиями между АЯ и РЯ в способе описания предметной ситуации. Компрессия. Замена развёрнутого словосочетания на более короткое или на отдельное слово. Свёртывание придаточных предложений, входящих в состав сложноподчинённого предложения. Опущение семантических компонентов высказывания, дублирующих друг друга. Компрессия, обусловленная различиями между АЯ и РЯ в способе описания предметной ситуации.

Рекомендуемая литература: Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р.Валент, 2006, сс. 45–68. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975, сс. 191–231. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, сс. 152–166. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, с 118–144. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 31–92.

Раздел 4. Текстологические аспекты перевода**1. Формальная связность текста**

Кореферентные цепочки. Местоименная антиципация. Многозначность английских союзов и предлогов. Различия между АЯ и РЯ в способах выражения видовременных связей. Передача дополнительных значений артикля.

2. Смысловое единство текста

Соблюдение временного и логического порядка соседних высказываний. Добавления для пояснения смысловых связей между следующими друг за другом высказываниями. Членение высказывания как способ формального выражения тема-рематических отношений в тексте. Объединение высказываний. Членение и объединение высказываний при переводе сверхфразовых единств. Учёт правосторонних и левосторонних связей.

Рекомендуемая литература: Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, сс. 54–55. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, сс. 178–182. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 93–114.

Раздел 5. Стилистические аспекты перевода. Два вида экспрессивной эквивалентности – эмотивная и эмфатическая

1. Установление эмотивной эквивалентности

1.1. Формальный уровень эмотивной эквивалентности

Способ перевода – субституция языковых знаков и калькирование при передаче образных средств.

1.2. Квантитативный уровень эмотивной эквивалентности

Понижение уровня эмотивной экспрессии. Использование более нейтральных лексических единиц при переводе некоторых эмоционально окрашенных слов. Высказывания с парными синонимами. Перевод стертых метафор. Повышение экспрессии – приём экспрессивной идиоматики.

1.3. Установление эмотивной эквивалентности на уровне цели общения

Аллитерация. Экспрессивная конкретизация. Экспрессивно окрашенная лексика. Слова, заимствованные из других стилей речи. Разговорная лексика. Просторечия. Специфически книжная лексика. Поэтические заимствования. Заимствования из текстов, относящихся к стилю документалистики. Неологизмы. Термины. Иноязычные заимствования. Передача образных выразительных средств – фразеологических единиц, метафор и сравнений.

2. Установление эмфатической эквивалентности

2.1. Формальный уровень эмфатической эквивалентности

Способ перевода – субституция языковых знаков.

2.2. Квантитативный уровень эмфатической эквивалентности

Понижение или повышение уровня эмфазы, обусловленные языковой нормой РЯ или требованием контекста.

2.3. Установление эмфатической эквивалентности на уровне цели общения

Эмфатические обороты с формальным выражением равенства. Скрытая эмфаза. Инверсия. Средства выражения эмфазы, отсутствующие в русском языке. Эмфатическое использование глагола *do*. Эмфатическая конструкция, вводимая формальным подлежащим *it*. Конструкция, состоящая из союза *not* и глагола *do*. Эмфатические оговорки.

Рекомендуемая литература: Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2006, сс. 130–165. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973, сс. 142–158. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 115–146.

3. Специфические черты публицистического стиля в английском и русском языках

3.1. Личностный характер высказывания в АЯ

Снятие личностного характера английского высказывания в русском тексте. Перевод высказываний с двумя действующими лицами. Снижение экспрессии английского высказывания в связи с присущей русской публицистике большей сдержанности в экспрессивной оценке обозначаемого.

3.2. Большая степень категоричности высказывания в РЯ

Антонимический перевод. Перенос места отрицания. Замена страдательного залога действительным. Снятие модальной оценки.

3.3. Расхождения в функционально-стилистической отнесенности языковых единиц

Стилистическая модификация. Замена конкретных слов абстрактными. Замена разговорных слов англосаксонского происхождения заимствованиями из древнегреческого

Подготовка переводчиков

и латинского языков. Замена глагольных форм отглагольными существительными. Номинализация глагольного сказуемого с глаголами переходного и непереходного вида. Номинализация глаголов и глагольных форм в функции второстепенных членов предложения. Номинализация определения при существительном в позиции подлежащего и дополнения.

Рекомендуемая литература: Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус проблемы, аспекты. М.: Наука, сс. 183–204. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 147–160.

Раздел 6. Культурологические аспекты перевода. Установление межкультурной эквивалентности

1. Формальный уровень межкультурной эквивалентности

Перевод реалий и пресуппозиций, хорошо известных получателю русского переводящего текста. Метод перевода – прямые словарные соответствия.

2. Понятийный уровень межкультурной эквивалентности

Реалии и пресуппозиции, о которых у русскоязычного получателя имеется ограниченное представление или нет сведений вообще. Перевод посредством функционального аналога.

3. Дескриптивный уровень межкультурной эквивалентности

Незнакомые реалии и пресуппозиции. Сохранение названия реалии с кратким определением. Поясняющий перевод.

Рекомендуемая литература: Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, сс. 239–262. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 161–167.

Содержание разделов дисциплины «Практика письменного русско-английского перевода»

Раздел 1. Семантические аспекты перевода. Установление денотативной эквивалентности

Перевод монорем и дирем. Персонифицированные диремы. Диремы с подлежащим – реципиентом. Диремы с темой – составным именным сказуемым. Диремы с темой – простым глагольным сказуемым. Русские безличные предложения. Диремы с инвертированным дополнением и обстоятельством. Глагольная метонимия. Передача действия –

состоянием, причины – следствием, следствия – причиной, начала действия – его завершением или наоборот.

Характерная для публицистического стиля в РЯ тенденция к опредмечиванию действий и противоположная тенденция в АЯ. Смена отправной точки при описании предметной ситуации и связанная с этим смена субъекта высказывания. Замена абстрактного существительного-подлежащего конкретным существительным.

Метод развёртывания редуцированного предиката. Преобразование отглагольного существительного-подлежащего в простое или именное сказуемое, а отглагольного существительного в функции субъекта при нём – в английское подлежащее. Выведение субъекта английской фразы из контекста в высказываниях, где отглагольное существительное при подлежащем выражает объект. Смена подлежащего посредством использования страдательного залога и применения семантически «пустых» слов. Метод перевода посредством опущения отглагольного существительного-подлежащего. Замена глагольными формами русских существительных в функции второстепенных членов предложения.

Различия между высказываниями в русских и английских текстах по степени дискретности при описании предметной ситуации. Членение высказываний при переводе. Преобразование в отдельное предложение словосочетаний в позициях подлежащего и второстепенных членов предложения (дополнения и обстоятельства). Метод развёртывания редуцированного предиката при членении высказывания. Перевод высказываний с группой однородных подлежащих и подлежащих, распространенных придаточными предложениями и причастными и деепричастными оборотами. Высказывания с однородными сказуемыми. Членение при переводе причастных и обособленных обстоятельственных оборотов. Объединение высказываний при переводе.

Семный анализ при переводе отдельных слов и словосочетаний. Генерализация и конкретизация. Номинативная метонимия. Метод перераспределения семантических компонентов слова в словосочетании. Метод компрессии.

Рекомендуемая литература: Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 1998, сс. 14–78.

Раздел 2. Стилистические аспекты перевода.
Установление экспрессивной эквивалентности

Снижение экспрессивности. Метод компенсации. Добавление и перемещение экспрессивно окрашенных слов. Риторические вопросы.

Повышение экспрессивности. Стилистическая идиоматика. Аллитерация. Модальные определители. Мейозис. Конструкции с двойным отрицанием. Неассимилированные иностранные метафор. Синонимические пары.

Сохранение экспрессивности. Замена абстрактных существительных конкретными. Замена книжных слов и выражений словами англосаксонского происхождения, относящимися к разговорной лексике. Учёт частотности употребления языковых единиц при переводе. Антонимический перевод. Передача русских оборотов в форме страдательного залога.

Рекомендуемая литература: Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, сс. 79–105.

Раздел 3. Культурологические аспекты перевода.
Установление межкультурной эквивалентности

Перевод реалий. Метод транслитерации и калькирования. Транслитерации и кальки с поясняющими добавлениями. Метод функционального аналога. Поясняющий перевод. Передача аллюзий.

Рекомендуемая литература: Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, сс. 106–118.

Приложение 1. Учебное пособие.

С учётом двух аспектов дисциплины английского перевода таких пособий два. Первое из них, «Основы теории и практики перевода с русского языка на английский», автор Е.В. Бреус, вышло в свет в 1998 году в издательстве УРАО. Второе, того же автора, опубликовано недавно, в мае 2007 года, издательством «Р.Валент» под заголовком «Курс перевода с английского языка на русский».

Оба пособия написаны в русле коммуникативной модели перевода и предназначены для начального этапа обучения переводу в аудиторных условиях и для самостоятельной

работы учащихся. Учебник по переводу с русского на английский, выдержавший несколько изданий, уже давно находится в обращении и, по-видимому, не нуждается в особом представлении. Вторая, недавно опубликованная книга, предполагает более подробное представление.

Курс англо-русского перевода состоит из двух частей – теоретической и практической. Первая часть, включающая пять глав, посвящена рассмотрению ряда ключевых вопросов общей и частной практики перевода. В первой главе рассматриваются уже упомянутые понятия эквивалентности и адекватности перевода.

Вторая глава, названная «Установление денотативной эквивалентности», состоит из двух разделов. В первом разделе рассматриваются всевозможные переводческие соответствия и преобразования в пределах высказывания на четырех уровнях денотативной эквивалентности – формальном, компонентном, ситуативном и цели общения. Второй раздел посвящён проблеме сохранения при переводе связности и смыслового единства исходного текста.

Третья глава, «Установление экспрессивной эквивалентности», включает три раздела. В первом из них речь идёт о переводческих соответствиях и преобразованиях, которые обеспечивают установление эмотивной эквивалентности (то есть передачу эмоций и душевных состояний) на трёх характерных для неё уровнях – формальном, количественном и цели общения. Во втором разделе те же переводческие проблемы рассматриваются применительно к другому подвиду экспрессивной эквивалентности – эмфатической. В третьем разделе говорится о специфических чертах публицистического стиля в английском и русском языках, подлежащих учёту при переводе.

В четвёртой главе, посвящённой межкультурной эквивалентности, затрагиваются вопросы перевода, связанные с межкультурными различиями, которые затрудняют восприятие исходного английского текста русскоговорящим получателем. Переводческие соответствия и преобразования рассматриваются на трёх уровнях – формальном, понятийном и дескриптивном.

Подготовка переводчиков

Пятая, последняя глава теоретической части пособия содержит ряд положений методического характера, связанных с понятиями профессиональной компетенции переводчика, общей стратегии перевода и последовательности действий переводчика при решении конкретных переводческих задач.

Вторая, практическая часть содержит упражнения по всем разделам пособия и подборку текстов для учебного перевода. В каждом упражнении даётся от одного до трёх заданий, в том числе: выявление обсуждаемой переводческой проблемы и анализ того, как эта проблема решается профессиональными переводчиками, редакционная правка предлагаемых вариантов перевода и самостоятельный перевод. Все упражнения и тексты снабжены ключами, что значительно облегчает работу учащихся при внеаудиторном изучении перевода как учебной дисциплины.

Приложение 2. Методические рекомендации для преподавателя и дополнительные учебные материалы

В рамках методики обучения переводу в качестве основных могут быть названы следующие темы:

Профессиональная компетенция переводчика. Стратегия перевода и переводческая тактика. Предпереводческий анализ текста. Последовательность действий переводчика при решении конкретных переводческих задач. Проблемы, связанные с высказыванием в целом: вид высказывания (монорема или диерема), наличие в нём проблем, обусловленных спецификой текста и публицистического стиля в исходном и переводящем языках. Перевод отдельных компонентов высказывания. Шаг перевода. Определение коммуникативного задания и вида эквивалентности каждого отрезка текста, образующего очередной шаг перевода. Начало перевода с низшего, формального уровня. Метод проб и ошибок. Выбор последующего уровня эквивалентности и преобразований, необходимых для её установления. Методика работы со связным текстом. Использование на занятиях сводной таблицы переводческих соответствий и преобразований. Последовательность представления нового материала на занятиях по переводу. Введение темы в форме беседы.

Практические занятия с использованием упражнений и учебных текстов. Внеаудиторная самостоятельная работа студентов, ориентированная на усвоение изучаемого материала в ходе выполнения домашнего задания и сопоставительного анализа опубликованных переводов. Подготовка и ведение картотеки. Сбор материалов и составление тематических упражнений по переводу. Подборка учебных текстов и разработка соответствующих переводческих комментариев.

Рекомендуемая литература: В.Н. Комиссаров. Современное переводоведение. М.: ЭТС, сс. 317–388. Е.В. Бреус. Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р.Валент, 2007, сс. 168–175.

Что касается дополнительных учебных материалов, то их применение зависит от потребностей и возможностей самого преподавателя. Важно лишь напомнить о необходимости единой концептуальной базы при организации учебного процесса и основополагающей роли коммуникативной модели перевода, вокруг которой строится данный курс. При обучении практическим аспектам перевода использование разных, тем более взаимоисключающих, теоретических положений может нарушить системный характер и логическую непротиворечивость излагаемого материала и тем самым отрицательно сказаться на эффективности его усвоения учащимися.

В заключение отметим, что приведённая выше схема не рассматривается нами как нечто окончательное. Это лишь первый шаг, канва, на которую со временем благодаря коллективным усилиям возможно будет нанесён более детальный и совершенный рисунок. Вместе с тем предлагаемый материал уже сейчас может быть использован в качестве концептуальной и содержательной основы при разработке УМК по письменному английскому переводу.

Одним из путей дальнейшего повышения уровня обучения в высшей школе является разработка учебно-методических комплексов (УМК) по дисциплине специальности. В статье вопросы составления УМК рассматриваются в контексте образовательной программы по переводу на примере курса письменного перевода с английского языка на русский.

Смерть жанра?

И.В. Полуян

В последние годы советской власти (до конца 1991 года) существовало множество изданий, выходящих на двух и более языках. Газета «Московские новости», журналы «Новое время», «Советский Союз», «Советская женщина», «Культура и жизнь» печатались на нескольких языках (русский, английский, французский, испанский, немецкий). Издательство «Прогресс» выпускало несколько двуязычных журналов, таких как «Проблемы Дальнего Востока» (*The Far Eastern Review*). Ежемесячно выходили сборники «Общественные науки» (*Social Sciences, Sciences sociales, etc.*). Огромный вал материалов текущей печати переводился Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС) и Агентством печати «Новости» (АПН). В Праге над переводом журнала «Проблемы мира и социализма» (англоязычный вариант именовался *The World Marxist Review*) трудилась довольно многочисленная группа переводчиков, командированных в Чехословакию на продолжительный срок. С распадом СССР многие из этих изданий прекратили существование. Умер ли вместе с ними жанр перевода «советской публицистики» – стиля, имевшего свои отличительные особенности? Чтобы ответить на этот вопрос, придётся совершить небольшой экскурс в историю.

Недавно я обнаружил на полке отпечатанный на ротаторе экземпляр глоссария *Some Political, Economic and Social Terms and Expressions* («Некоторые политические, экономические и социальные термины и выра-

жения»), доставшийся мне «по наследству» от друга и коллеги Валерия Коскова. Публикация была предназначена для внутреннего пользования в организации, проводившей очень большую работу (в смысле знаков, страниц и печатных листов) по переводу газетных текстов и официальных документов по указанной в заголовке тематике. Хотел выбросить толстенькую брошюрку за давностью (1986 год), но передумал. Дай, думаю, посмотрю: авось, что-нибудь полезное найду.

Надо отдать должное составителям. Как и над всеми лексикографами, над ними дамокловым мечом висело требование дать существительному в качестве эквивалента существительное, глаголу (глагольному словосочетанию) – глагол или глагольное словосочетание, прилагательному – прилагательное. Однако многие советские реалии просто не имели английских аналогов – и должны были передаваться описательно, кроме того, ряд выражений несёт на себе глубокий отпечаток одержимости гегелевской диалектикой, которая, на вкус сегодняшнего идеологически незащоренного наблюдателя, сильно отдаёт теми самыми схоластикой и метафизикой, которые в своё время бичевали теоретики марксизма. Упомяну и трудности доступа в то время к западным публикациям, включая и значительную часть коммунистических и социалистических изданий (хотя в организациях, работавших на переднем линии идеологического и пропагандистского фронта, имелись «спецхраны» с такой литературой).

XX век – глазами переводчика

Кроме того, вне всякого сомнения, составители и переводчики работали в довольно жёстких рамках, т.е. им вряд ли было дозволено отходить от оригинала на шаг вправо или на шаг влево. Отсюда структурная близость многих эквивалентов к оригиналу (буквализм), хотя глоссарий изобилует и очень удачными соответствиями, в частности для таких отрицательных явлений советской (и не только советской) действительности, как «кумовство» – *nepotism; favouritism; cronyism; Old Boy (connections, spirit, network)*, «местничество» – *parochialism; regionalism; localism*, «кабинетный стиль работы» – *armchair style of work*.

Конечно, очень многое устарело: все эти «бригады, работающие на единый наряд с оплатой труда по конечным результатам» (*team which receives a single work order and is paid for end performance* – перевод, вызывающий больше вопросов, чем дающий ответов), «сквозные комплексные бригады» (*start-to-finish multi-skill team* – «евроремонт под ключ?»), «комплексные укрупненные бригады» (*aggregated team* – пустой звук для непосвящённого читателя). Но такова жизнь, и эти, когда-то актуальные, экономические реалии сейчас представляют интерес только для историка экономики социализма и, может быть, переводоведа.

Было бы странным, если бы составители словаря не включили в него «борьбы за мир, борьбы за укрепление порядка и борьбы с пьянством и алкоголизмом» (почти английская синонимическая пара типа *null and void*). Несомненно, во многом благодаря усилиям Н.С. Стрелковой, в то время преподавательницы кафедры устного перевода (завкафедрой – теоретик и практик синхронного перевода профессор Г.В. Чернов) Высших курсов переводчиков МГПИИЯ им. Мориса Тореза, калёным железом выжигавшей такие советизмы, «борьба» благополучно передана словами *work, campaign и drive* (а не *struggle* или *fight*, хотя возможно и такое употребление, как *Poor whites (in South Africa) arouse sympathy too, in their struggles against poverty and the harsh land* – Своей повседневной борьбой с нищетой и попытками выжить на тощих почвах

белые фермеры также вызывают сочувствие. Не могу не вспомнить в этой связи книгу известного американского фельетониста Арта Бухвальда (правильнее, Арта Бакуолда – Art Buchwald) о его поездке в СССР в начале 60-х годов прошлого века. Там есть следующий эпизод.

Проезжая на автомобиле по территории Белоруссии, Бухвальд спросил переводчика, что написано на транспаранте, который они только что миновали. «Работники сельского хозяйства, боритесь за увеличение производительности труда на 10 процентов!», – ответил переводчик, естественно по-английски. *“How can you fight for ten percent!?”*, – недоумевал американец, подозревая нашего собрата в некомпетентности. Но *tempora mutantur* – и сегодня не только дерутся, но и убивают из-за десяти процентов.

Вообще публицистика советской эпохи изобилвала псевдвоенной лексикой, что отмечалось многими исследователями этого вопроса. Приведу несколько примеров из глоссария:

Передовая линия борьбы – *the frontline of struggle*.

Закалённая в политических сражениях – *battle-steeled*.

Исторический рубеж – *historic moment, milestone*.

Передовой коллектив – *front ranking collective* (Н.С. Стрелкова рекомендовала слово “foremost”).

Ликвидация прорывов – *overcoming (eliminating) problems (bottlenecks)*.

Напряжённая классовая битва – *intense (dramatic, bitter) class strife (struggle)*.

Ориентиры и рубежи – *target figures and objectives*.

«Мобилизация всех творческих сил» – перевода не привожу, ибо он, так же, как и оригинал, не имеет смысла, если, конечно, не относить данное выражение к интеллектуальным усилиям автора, связанным с написанием данной статьи.

Да, жизнь была и остаётся борьбой, но при советской власти она проходила ещё и в условиях «высокой идейности» (о любви советских журналистов к гиперболе ниже). К сожалению, этот термин в глоссарии отсутствует, зато в нём есть «безыдейность» и «бездуховность» – недостатки, за которые можно было запросто вылететь из Союза писателей, Союза художников или Союза композиторов СССР. Я знаю преподавателя МГИМО, которого уволили с работы за то, что он имел несчастие слушать на пляже магнитофонные записи с песнями В. Высоцкого в тот момент, когда мимо проходил декан его факультета.

Итак, «безыдейность». Пособие даёт в качестве эквивалента *ideological emptiness (hollowness)*, плюс соответствующие атрибутивные группы *barren of ideas* и *ideologically infertile (hollow)*, почему-то прибавив помету «(о деятелях искусства)»: Мультигран даёт прилагательное *unidealed* (где они его только нашли!), а Новый большой русско-английский словарь (НБРАС) – *unprincipled; lacking progressive ideas; lacking ideals*, умалчивая о соответствующем существительном. Но надо отдать НБРАСу должное: «идейность» представлена в нём хорошо – 1. *ideological content*; 2. *moral substance, fiber, high-mindedness, principle, integrity*; 3. *progressive character*. Добавим *“lack of”* и получим «безыдейность».

«Бездуховность» передана как *intellectual sterility (hollowness)*, что, скорее, наводит на мысли о дебиле. В Мультигране предлагается *earthliness* («бездуховный» – *earth-fed*), качества, которые я воспринимаю, скорее, как положительные, чем отрицательные. Я бы предложил *philistinism* (то же, что и «мещанство»).

Далее мы находим «наращивание духовного потенциала» – *the enhancement of spiritual potential*. Понятно, что речь идёт о чём-то хорошем, чего должно быть как можно больше, но при этом маловероятно, что имеется в виду рост религиозных верований.

Составители словаря не включили в него слова «индивидуализм», по-видимому, полагая, что у него есть стопроцентный эквивалент *individualism*. Однако такая «эквивалентность» была бы примером ложного друга

переводчика, так как наполнение двух слов в русском и английском языках не совпадает. Оксфордский (*Advanced Learner's*) словарь даёт следующее определение:

individualism 1. *social theory that favours the free action and complete liberty of belief of individuals (contrasted with the theory favouring the supremacy of the state)*. 2. *feeling or behaviour of a person who puts his own private interests first; egoism*.

Смысл, который вкладывали мы в слово «индивидуализм» раскрывается в следующей цитате из журнала *The Economist*:

Growth, says the government (of Vietnam), has encouraged "individualism". That is a code-word for greed, corruption and foreign lifestyles. Individualism, of course, also means doing things that are not ordered by the party or the government.

Перевод:

Как утверждают правительственные чиновники, экономический рост стал благодатной почвой для «индивидуализма».

Это слово используется ими как синоним личности (например, когда солдат запирает полученные от родителей конфеты в тумбочку? – *И.П.*), коррумпированности и чужестранного образа жизни (посещение дорогих ресторанов, казино и Куршевеля?). Проявлять индивидуализм, конечно, означает и «действовать наперекор приказам партии или правительства». Нет смыслового совпадения и в паре *an individualist (one that pursues a markedly independent course in thought and action; one that advocates and practices individualism)* и «индивидуалист» – последнее по-прежнему имеет отрицательную коннотацию.

Не обошлось и без двойного стандарта. В словнике есть следующие наводящие на размышления на этот счёт статьи:

Ниже «порога бедности» (США) – *below the poverty line*.

Режим «экономии» (в капиталистических странах) – *austerity measures; belt-tightening; cutbacks*.

Аппарат идеологический (капитализма) – *ideological machinery*.

XX век – глазами переводчика

Кроме «духовности», в глоссарии отражены и другие понятия (термины), восходящие к славянофильству XIX века.

«Народность», не потерявшая актуальности с тех пор, передана как *kinship with the people; national tradition, character и the popular essence of art*. НБРАС даёт *national character, folk character*. Мультитран – *national character*. Представляется, что все эти «эквиваленты» не передают содержания и духа термина, хотя допускаю, что есть контексты, в которых они более или менее сработают. Хотя понятно, что составители словарей не могут не дать существенному в качестве эквивалента существенное же, не думаю, что переводчики должны идти по этому же пути. Ведь умело использованное словосочетание *of the people, for the people* лучше передаст нужный смысл не посвященному в тонкости российского искусствознания (и российской политики) читателю.

После 1917 года много говорили о «вовлечении населения в управление делами государства». Словник предлагает множество эквивалентов для передачи этого в общем-то благого намерения: *greater* (по сравнению с чем?) *involvement of people in running the state; enlistment in management* (?); *getting people involved* (наверное, подразумевалось, что дальше идут слова *in running the affairs of the state*). Однако постперестроечное общение с «буржуазными» СМИ вооружило нас такими более компактными и более понятными англоговорящему читателю (слушателю) терминами, как *civil society* и *empowerment*.

«Всемерное и всестороннее совершенствование социалистического общества» (*comprehensive betterment of socialist society*) подводит нас к обсуждению неистребимой тяги журналистов ко всему большому и красивому (*media hype*). «Высокая творческая активность рабочего класса» передана как *the creative vigour of our working class* (трудно подобрать хороший эквивалент чему-то столь расплывчатому, и тут я «пас»). «Высокие рубежи» – *high frontiers* (нарушение сочетаемости); *new heights; ambitious targets* (почему не отказаться от образа высоты и не сказать *new frontiers*?). Это же замечание относится к «высоким эсте-

тическим вкусам» (*high aesthetic tastes; good taste*). Может быть, лучше *exquisite, superior taste* (см. Словари сочетаемости, например, *The Word Finder by J.I. Rodale*)? «Высочайшая организация» (*the highest organizational standards*) только выиграла бы, если бы её перевели как *excellent organisation of*. Что касается таких «красот», как «громада дел» и «громогласно заявлять», то от излишеств лучше избавляться (см. мою статью в «Мостах» №3/2004 «Компрессия – осознанная необходимость»). В английском существуют такие эквиваленты, как *challenge; tall order; declare*.

«Неодолимое движение к социализму» (*the onward (steady, resolute) advance to socialism*), хотя и прекратилось (временно?) в 1991 году, тем не менее ставит перед нами вопрос: «А как, собственно, это можно было бы перевести?» На моё счастье, в одном из последних номеров журнала *The Economist* (читатель уже понял, что это мой любимый журнал) была опубликована карикатура, показывающая отряд вооружённых до зубов талибов, движущихся навстречу контингенту американских морских пехотинцев. Один из морпехов говорит другому: “*Let’s hope, our surge is more successful than their surge*” – «Будем надеяться, что наш неудержимый порыв окажется более неудержимым, чем их». Оксфордский словарь иллюстрирует употребление этого существительного и соответствующего глагола примерами *The floods surged over the valley и the surge of the sea*. По-моему, вариант подходит, да ещё и показывает, что тяга к гиперболе не чужда и американским военным (слово *surge* первый раз появилось в американском военном коммюнике). Подошёл бы и вариант из следующей цитаты из книги Эдварда Крэнкшоу “*Krushchev’s Russia*” (1959 г):

The drive had come from idealistic youth, enlisted in the Komsomol, the Young Communist League, and throwing themselves into the sacrificial tasks which faced them for the greater glory of Communism.

Примечательно, что явления советской действительности тех лет передаются адекватно (т.е. даже с сохранением душевного подъёма) без нарушения при этом нормы английского языка.

«Выдвигать развёрнутую программу решения назревших вопросов» (*to advance a detailed programme to tackle pressing issues*) – перевод добросовестный, но многословный, потому что буквальный. В США с такими программами выступали по крайней мере дважды: президент Ф.Д. Рузвельт с его *The New Deal* («Новый курс»), когда «назревшие вопросы» включали в себя экономический кризис, безработицу, не говоря уже о «пьянстве и алкоголизме», и президент Л. Джонсон с его *The New Frontier* («Новые рубежи»). Такие короткие и хлесткие названия программ, точно так же, как и наша «перестройка», воспринимаются гораздо лучше. Подтверждение находим в уже упомянутой книге Э. Крэнкшоу:

“Every Russian fervently believed that Stalin’s first act after the war would be to convene a new Party Congress and announce a new deal”.

Я же со своей стороны осмелюсь предложить вариант *plans for far-reaching reform*.

То, что тяга к гиперболе не чужда и британским (и американским) политикам и при этом, по-видимому, осуждается авторами «серьёзных изданий», говорят следующие две цитаты из моего любимого журнала.

Grandiosity has another drawback. It means that once Demosites depart from the broad historical and social themes they so enjoy – and return to the world of practical politics and policy – the result can be anticlimactic, even bathetic.

Помпезность имеет и ещё один недостаток: стоит авторам Демоса (общественно-политический журнал движения «новых лейбористов») отойти от столь любезной им широкой социальной и исторической тематики и вернуться в мир практической политики, как они рискуют впасть в ложный пафос и сделать тот самый «шаг от великого до смешного».

Mr Blair seems to face a similar problem between matching the grandiose nature of his proclaimed goals – making Britain a “beacon for the world” for example – with the more prosaic and limiting role of government.

У г-на Блэра, по-видимому, та же проблема: как совместить грандиозность заявленных целей – например, сделать Великобританию «светочем всего мира» – с более прозаичными и скорее лимитирующими функциями правительства.

Одной из основных целей строительства социализма было «создание новой социальной общности людей (Sic!)» (*a new social*

community). То, что английский термин вроде бы существует, подтверждается Мультитраном с пометой рекл. Так и видится что-то вроде Рая, где облачённые в белые ризы люди занимаются «живым трудом», «требовательны к себе и к товарищам», «приобщены к достижениям науки», практикуют «производительную демократию», «проявляют (при этом) по-хозяйски заинтересованное участие» и «преодолели существенные различия между умственным и физическим трудом» – все словосочетания взяты из нашего глоссария. Но сначала нужно было «сформировать нового человека» – *foster a rounded personality* – кого-то вроде Леонардо да Винчи или академика П. Капицы; или (второй вариант из нашего глоссария) – *promote social development*, на котором схоластический круг замкнулся.

В эту же категорию входят некоторые выражения (*circumlocutions*) из области экономики как, например, «отвлечение средств из народохозяйственного оборота» – *the distraction of means from national economic turnover; disruption of the economic flow*. По-видимому, речь идёт о необходимости увеличить расходы на оборону в связи с провозглашённой президентом Рейганом программой «Звёздных войн». Тогда, наверное, это следовало перевести как *the necessity to increase defense spending*. «Приумножение общественной собственности на средства производства» – *enhancement of the public ownership of the means of production*. Так как другой собственности на средства производства в то время практически не было, по-видимому, речь идёт о *economic growth* или, если речь шла о какой-то другой стране, исповедующей социализм, о *the growth of the public sector*. «Перестраивать кадры психологически в духе новых требований» – *update? (change) personnel attitudes; foster new attitudes*. Я бы предложил *to instill a new work ethic*.

Не знаю, чем объяснить пристрастие советских публицистов к слову «противоречие», а переводчиков к его передаче как *contradiction*. Во всяком случае, придётся совершить небольшой экскурс в диалектический материализм (не зря, стало быть, на него в совокупности с историческим материализмом, научным коммунизмом и историей

КПСС было потрачено три года обучения в вузе, за которые вполне можно было бы выучить третий иностранный язык). Начнём с «узлового пункта противоречий» – *key point of contradictions*. Мобилизовав все творческие силы, вспомнил, что центральным противоречием капиталистического способа производства было противоречие между трудом и капиталом. Переводчик марксистской литературы имеет полное право сказать *the contradiction between labour and capital* (одно из значений этого слова в Вебстере – *opposition of factors inherent in a system or situation*), однако в менее научных контекстах я бы предпочёл *conflict*. То же относится и к «глубинному противоречию» (в словнике – *deep-seated contradiction*) и «миру, насыщенному противоречиями» (в словнике – *a world riddled with contradictions*). Кроме *conflict*, в *Roger's International Thesaurus* находим *antagonism, clashing, collision, competition, disagreement* и много другого, менее подходящего. От себя добавлю *dichotomy*. Так что, выбрать есть из чего.

Ещё несколько псевдодиалектических терминов (некоторые из предлагаемых авторами глоссария переводов – не самые удачные):

Общие закономерности развития социализма – *common laws for socialism's development*

Общность коренных интересов – *common cardinal interests; identity of cardinal interests*

Объективные закономерности – *objective laws*

Мировоззренческая всеядность – *lack of ideological principle; eclecticism*

Венчают всё какие-то загадочные «ведомственные наслоения». Имею сильное подозрение, что это слово попало к нам прямо из Гегеля (перевод с немецкого), у которого, вне всякого сомнения, оно имело глубокий смысл.

Для желающих подробнее ознакомиться с проблемой советизмов привожу несколько публикаций, любезно подсказанных автору Линн Виссон, в чьей работе «Синхронный

перевод с русского на английский» (Москва, Р. Валент, 1999) предлагаются варианты перевода некоторых из упомянутых выше выражений: Н.А. Купина «Тоталитарный язык», Екатеринбург, 1995; Д.М. Фельдман «Терминология власти», Москва, 2006; Н.С. Стрелкова «Практическая стилистика английского языка и стилистическое редактирование переводов», издание МГПИИЯ на ротаторе (1983 г.), содержащее, помимо другой очень полезной информации, главу *Decoding Sovietisms* (Расшифровываем советизмы).

Что же касается вопроса о том, умер ли этот жанр, то достаточно почитать сегодняшнюю левую (и не только) прессу или посмотреть Центральное телевидение, чтобы убедиться в том, что жанр этот пребывает в здравии. Недавно в телевизионном репортаже о ростовском заводе сельскохозяйственных машин был кадр, показывающий лозунг «Возродим нашу духовность!» на стене одного из цехов. Не завидую переводчику, которому придётся его переводить для заезжего американского бизнесмена.

А.А. Григорьев. Из примечаний к переводу комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (1857)

Подстрочные переводы, по-моему, положительно вредны для массы, которую они отвращают от чтения Шекспира, и положительно же бесполезны для избранных, которые могут выучиться по-английски, чтобы изучать Шекспира в мельчайших подробностях.

Иногда они переводятся

Д.И. Ермолович

В жизни переводчика бывают приятные моменты. Среди таковых я бы отметил маленькие переводческие открытия и находки. Иной раз попадаете тебе слово или выражение, которое столь неординарно или таким множеством ассоциативных нитей связано с родной языковой почвой, что ты думаешь: нет, адекватно передать его на другом языке совершенно невозможно. Листаешь словари, ищешь в Интернете — и либо не находишь ничего, либо находишь нечто столь бледное, дословное или вымученно-описательное, что ещё сильнее убеждаешься в непереводаемости интересной идюмы. Ты уже вроде бы смирился с этой мыслью, но проходит время, и неожиданно выясняется, что в иностранном языке у этого оборота всё-таки есть лаконичный и образный аналог, который так и просится в словари и переводы.

Некоторыми из таких находок из области русско-английского и немного англо-русского перевода я хочу поделиться в этой статье.

Ушла на базу

О, сколько ассоциаций связано с текстом этого нехитрого объявления! Оно, правда, относится больше к советскому прошлому, чем к сегодняшним дням, поэтому дам кое-какие пояснения тем читателям, для кого советская эпоха столь же далёка и туманна, что и монгольское иго. Такое объявление когда-то можно было видеть на ларьках и палатках, торгующих мороженым, овощами, кондитерскими изделиями, галантереей, цветами или сигаретами. Оно объясняло, почему ларёк за-

крыт в часы, когда должен был бы работать. Ведь товар в ларьки доставлялся с так называемых торгово-розничных баз, а стало быть, если у продавца есть дела на такой базе (например, получить новую партию), то у него есть уважительная причина для отсутствия на рабочем месте.

Я написал «продавца», но вообще-то в советских палатках торговали не продавцы, а почти исключительно продавщицы, отсюда и глагольная форма *ушла*. («Ушёл на базу» даже как-то не звучит). Почти во всех ларьках такое объявление было заранее нацарапано карандашом или ручкой на куске картона, неровно оторванном от упаковки с мылом или мороженым, и выставлялось за окошком при любом случае, когда продавщице требовалось на какое-то время отлучиться или вообще уйти.

Понятное дело, что удобным поводом отлучки «на базу» было легко злоупотребить. Покупатели, перед носом которых выставлялось такое объявление, кляли советскую торговлю на чём свет стоит, потому что (в отличие от нынешних времён) палатки, торгующие аналогичным товаром, were few and far between¹. Так что, если в начале 1960-х годов вы спешили к галатерейному киоску у Сретенского бульвара Москвы, торгующему эластичными носками, только что освоенными советской лёгкой промышленностью, а там вас встречало объявление «Ушла на базу», то шансов купить эту роскошь обихода где-нибудь в том же районе и в тот же день у вас уже не было.

¹ Были немногочисленны и находились далеко друг от друга (*англ.*)

Вот почему нерадивые продавщицы, составляющие в ларьках такое объявление, были постоянной мишенью для сатирических стрел в фельетонах, карикатурах, эстрадных скетчах и кинокомедиях (впрочем, без всякого ущерба для себя). А само выражение «Ушла на базу» обросло мощными ироническими коннотациями.

Теперь тест русско-английским переводчиком: а как бы вы перевели это выражение на английский язык? Если всерьёз хотите попробовать выполнить этот тест, не читайте дальше статью, пока не переведёте. И вообще, лучше закройте журнал, а то ваш взгляд скользнёт ниже, вы увидите мой вариант и вам станет неинтересно.

Лично мне объявление «Ушла на базу» было знакомо с детства, то есть с 1950-х годов. Значительно позднее, уж став переводчиком, я неоднократно думал о том, как бы его можно было перевести на английский, хотя практически такой потребности у меня ни разу не возникало. И слава Богу, что не возникало, потому что — признаюсь — я не мог придумать никакого мало-мальски приемлемого соответствия этой фразе, даже описательного.

Стоит ли добавлять, что этого выражения не было ни в одном русско-английском словаре? И до сих пор нет — за одним исключением, о котором чуть ниже.

И вот, много лет спустя — в самом начале 1990-х годов, когда уже трещал по швам Советский Союз, а вместе с ним загибалась и советская торговля, продавцам которой уже нечего было делать ни в киосках, ни на базах в связи с тотальным дефицитом товаров, — я, прогуливаясь, по улочкам Нью-Йорка, неожиданно наткнулся на торговую лавку, где за дверным стеклом виднелся неровный кусок картона, оторванный от упаковки со «спикерсами», на котором корявым почерком было надарано: OUT FOR RESTOCKING.

Вот оно, «Ушла на базу»! Всё-таки человеческая природа едина, что в России, что в Америке. Правда, видел я такое объявление только один раз и склонен полагать, что продавец его написал не от желания бросить

рабочее место, а потому что действительно некому было, кроме него, бедолаги, отправиться «на базу» за товаром. Как бы то ни было, я считаю эту фразу своим маленьким, но очень приятным переводческим открытием.

Само собой, составляя «Новый большой русско-английский словарь» (Изд. «Русский язык—Медиа», 2004; 2-е изд. — 2006), я не смог отказать себе в удовольствии включить в него эту лексическую находку. А поскольку НБРАС был включен и в словарный комплекс Lingvo 12-й версии (где он фигурирует под названием Universal Ru-En), то её можно найти и там.

Сейчас другие времена, и выражение «Ушла на базу», конечно, не так актуально, как когда-то. Но кто знает! Старые привычки живучи и, как говорится, «иногда они возвращаются». Недавно, зайдя в один торговый комплекс, я заметил на дверях нескольких лавок бумажки с надписью: «Буду через 15 минут». А это объявление мне тоже знакомо с детства...

Великая сермяжная правда

Отмечая несколько лет назад круглую дату, я решил собрать вместе родных, друзей и коллег. Среди гостей, естественно, было много лингвистов — преподавателей и переводчиков. Однако председательствовал за праздничным столом мой друг, который не связан с языком и переводом по своему образованию и роду деятельности. Тем не менее в своей речи он решил поговорить на эту тему и обратился к аудитории с такими словами:

— Дорогие гости, большинство из вас занимается переводом. Но всё ли можно перевести? Вот скажите мне, к примеру, как можно перевести на английский выражение «великая сермяжная правда»?

И действительно, таким уж русским духом веет от этой «великой сермяжной правды», что кажется: адекватного эквивалента для неё в других языках нет и быть не может.

Но, как вы, вероятно, догадываетесь, я потому и пишу об этом выражении в этой статье, что такой эквивалент есть! И причём очень близкий семантически. Однако сначала вникнем поглубже в истоки русского оборота.

Словарь «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукиных (изд. 4-е. М., 1987) приводит это выражение в варианте «сермяжная правда» и указывает в качестве его источника 33-ю главу романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931). Там оно действительно есть, однако справка не совсем точная. Впервые данное выражение употреблено не в 33-й, а гораздо раньше — в 13-й главе романа, озаглавленной «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции». В процессе экзекуции, устроенной Лоханкину соседями по Вороньей слободке за невыключенное в туалете электричество, к нему является Остап Бендер. Соседи прекращают порку и отпускают Лоханкина на беседу с посетителем.

Остап интересуется возможностью снять комнату и спрашивает Васисуалия о соседях. Тот отзывается о них самым благоприятным образом. На это Бендер замечает:

— Но ведь они, кажется, ввели здесь телесные наказания?

— Ах, — сказал Лоханкин проникновенно, — ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая сермяжная правда.

— Сермяжная? — задумчиво повторил Бендер. — Она же посконная, домотканая и кондовая? Так, так. В общем, скажите, из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?

Из реакции Бендера на слова Лоханкина следует, что Остап слышит такое выражение впервые, но совершенно правильно воспринимает его смысл, подтверждая своё понимание слова *сермяжная* синонимическим рядом прилагательных — *посконная*, *домотканая* и *кондовая*. В дальнейшем мы слышим эту фразу уже в основном из его уст. Всего сочетание *сермяжная правда* встречается в «Золотом теленке» пять раз, в том числе три раза — с эпитетом *великая*.

Итак, выражение (*великая*) *сермяжная правда* стало крылатым в значении «простая и неприкрашенная, но глубокая истина или мудрость».

Так вот: в английском языке существует практически дословный эквивалент этого выражения — *homespun truth*. Слово *homespun* в функции прилагательного как раз и значит «сермяжный, домотканый», а в функции

существительного — *сермяга* («грубое домотканое полотно»). Переносное значение *homespun* трактуется американскими словарями как *plain; unpolished; unsophisticated; simple; rustic* («нехитрый, неприкрашенный, немудрящий, простой, по-деревенски грубоватый»).

Правда, прилагательное *homespun* в этом значении сочетается не только со словом *truth*, но и с другими существительными, такими как *humor, values, virtues*. Однако нас интересует именно сочетание *homespun truth*, и это выражение гораздо старше своего русского аналога. Оно впервые зафиксировано в английской сатирической балладе на политическую тему, которая была опубликована в форме листовки (*broadside*) в 30-е годы XIX века. Баллада озаглавлена «The Juste Milieu» с использованием французского выражения в значении «золотая середина», «нечто среднее, неопределённое». Так анонимный автор назвал уклончивый и лукавый язык политиков того времени, которые не хотели давать прямые ответы на актуальные вопросы. Вот начальная строфа баллады:

The juste milieu, the juste milieu,
From France imported neat and new,
Is now the rule on Britain's shore,
And **homespun truth** is prized no more!
Where once you saw the old true blue,
You now have got the juste milieu.

Из этого текста ясно, что автор политической сатиры осуждает тактику *juste milieu* и прямо противопоставляет её понятию *homespun truth*, подразумевая под ним бесхитростную, незавуалированную истину и прямоту.

А что же словари? Соответствие *сермяжная правда* — *homespun truth* в общих русско-английских словарях до недавнего времени отсутствовало, и я, разумеется, включил его в «Новый большой русско-английский словарь» (2004), добавив ещё эпитет *великая* (*great*). По этой причине оно попало и в словарный комплекс Lingvo 12.

Однако лексикографическая пальма первенства в данном случае принадлежит другому источнику, а именно небольшому специализированному «Русско-английскому

словарю крылатых слов» И.А. Уолш и В.П. Беркова, 1-е издание которого вышло ещё в 1971 г. Впрочем, этот словарь, хотя и переиздавался, по-видимому, остаётся на периферии внимания переводчиков, так как до сих пор, насколько известно, не переведён в электронный формат.

Английское словосочетание имеет некоторое стилистическое отличие от русского: оно гораздо чаще несёт в себе позитивную оценочность. Однако это не мешает использованию выражения *homespun truth* как эквивалента *сермяжной правды* в переводе, поскольку ирония обычно успешно передаётся сопутствующим контекстом.

Хотя в словаре И.А. Уолш и В.П. Беркова утверждается, что *сермяжная правда* всегда употребляется иронически, эту иронию не следует возводить в абсолют. Существуют оригинальные русские контексты, где выражение *сермяжная правда* использовано с позитивной оценкой. К таковым относится, например, следующий фрагмент из романа А.И. Солженицына «В круге первом» (глава 66):

Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли «хождением в народ» и поисками той самой **великой сермяжной правды**, которую ещё до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин.

Поиск по лингвистическим корпусам показал, что в оригинальных англоязычных текстах *homespun truth* обычно встречается без дополнительных эпитетов. Однако, если надо перевести *великая сермяжная правда*, ничто не мешает добавить в переводе прилагательное *great*.

Не перестаю удивляться этому замечательному соответствию: *сермяжная правда* — *homespun truth*. Русское и английское выражения возникли из совершенно разного «теста», в совершенно разные эпохи и в различных контекстах, вызывающих непохожие ассоциации. Но, несмотря на всё это, они и по своему смыслу, и по этимологии практически совпали. Ну разве не приятная находка для переводчика?

Любэвь, любэвник

Слова *любэвь* нет в словарях, и вряд ли оно там окажется. Это не слово даже, а его искажённый вариант, и по строго научным лексикографическим критериям он не подходит для включения в обычный словарь.

Вообще намеренная фонетическая модификация слова в целях достижения какого-либо смыслового или стилистического эффекта — очень интересный феномен. Я не исследовал специально соответствующую лингвистическую литературу и, возможно, ошибаюсь, но всё-таки подозреваю, что это явление изучено пока недостаточно хорошо.

А изучать есть что. Вспоминается гениальный дуэт Веры Петровны Марецкой и Ростислава Яновича Плятта в постановке сатирической комедии Бранислава Нушича «Госпожа министерша». (Хотя эта пьеса была поставлена в Московском театре имени Моссовета ещё в 1946 году, фрагменты спектакля были, к счастью, записаны на плёнку и их до сих пор иногда показывают по телевидению.)

Р.Я. Плятт и В.П. Марецкая в спектакле «Госпожа министерша» театра им. Моссовета (1946)

Игра Марецкой и Плятта в этой комедии интересна, кроме прочего, тем, с каким эффектом актёры используют приём фонетической игры. По сюжету, простоватая Живка Попович (героиня Марецкой) неожиданно оказалась важной госпожой, и министерский

чиновник Нинкович (герой Плятта) просвещает её о том, как не ударить в грязь лицом в высшем обществе. Он самоуверен и гротескно пересыпает свою речь французскими оборотами.

Р.Я. Плятт в роли Нинковича в спектакле «Госпожа министрша» театра им. Моссовета (1946). Фото из «Театральной энциклопедии» (т. IV, М., 1965)

В этой роли Плятт не только грассирует и гнусавит на французский манер, но и забавно произносит слова *общество* и *любовник*. Звук [o] в этих словах напоминает у него долгий французский [œ], но за неимением соответствующей графемы в русском языке условно обозначим этот звук в цитате буквой э:

[Нинкович:] Уверяю вас, мадам, что дама из высшего эбщества должна играть в бридж, курить и иметь любэвника.

Этой произносительной манере своего «консультанта» пытается подражать героиня Марецкой, потрясённая такими откровениями:

[Живка:] Мать честная! Ладно, бридж и курение – это ещё куда ни шло, но любэвника – это уж вы извините!

Я даже затрудняюсь точно охарактеризовать тот нюанс, который создаёт такая звуковая замена. Могу сказать лишь, что это звучит уморительно смешно.

От слова *любэвник* вернёмся к слову *любэвь*. Это словечко особенно памятно по знаменитому сатирическому очерку Юлиана Тувима «Несколько слов касательно оперетты» (1924):

«...старую идиотку оперетту надлежит прикончить... – всегда, вечно одно и то же: графы, финшампань, гульба, "любэвь", демонические героини,

дуэтик, балетик, кабинетик..., очаровательное недоразумение (скажем, отец не узнаёт дочку, поскольку та в новых перчатках; целующаяся пара не замечает входящего в комнату полка тяжелой артиллерии и т.д.)».

Здесь функция фонетического искажения видна абсолютно чётко – это ирония. *Любэвь* – уже не любовь, а издевательская пародия на неё. Этот блистательный русский перевод, впервые опубликованный в 1975 году, принадлежит Асару Эппелю.

Мне захотелось проверить, чему же соответствует эта *любэвь* в польском оригинале. Ищем авторский текст Тувима и читаем там:

...wszedzie wiecznie to samo: grafy, szampiter, hulba, "miłość" demoniczne bohaterki, duecik, balecik, gabinecik...

Итак, в оригинале – *miłość* («любовь»), совершенно нейтральное слово без каких-либо фонетических модификаций. Однако оно поставлено в кавычки, что свидетельствует об иронии автора. Ясно, что А. Эппель добавил букву э от себя ради того же эффекта. Он идеально точно попал в общую авторскую интонацию, и этой находке можно только аплодировать.

Сама мысль о том, что такую фонетическую игру можно как-то передать, скажем, по-английски, долгое время казалась мне нелепой. Однако в начале 2000-х годов я услышал из уст знакомой англичанки словечко *lurve*. Оказалось, что это не какой-то окказионализм, а весьма популярное слово.

Впервые оно прозвучало в фильме Вуди Аллена «Энни Холл» (1977). Элви Сингер (персонаж Аллена) пытается объяснить Энни Холл (эту роль исполняет Диана Китон) свои чувства:

ALVY: I know you've only known me a short while.

ANNIE: Well, I certainly ... I think that's very- Yeah, yeah ... (laughing) yeah. Do you love me?

ALVY: I – uh, love is, uh, is too weak a word for what...

ANNIE: Yeah.

ALVY: I ... I love you. (Over Annie's laughter) You know I *lurve* you, I – I *luff* you. I – I have to invent- Of course I love you.

Лично мне кажется, что, искажая love на разные лады, Вуди Аллен в этом фильме

В. Аллен и Д. Китон в фильме «Энни Холл» (1977)

просто хохмит, чтобы развеселить свою собеседницу, и не вкладывает в *lurve* никакого глубинного значения. Однако после этого фильма слово *lurve* стало очень популярным и зажило собственной жизнью. В него стали вкладывать разные смыслы. Например, в *Urban Dictionary* – «народном» словаре американского городского жаргона (www.urbandictionary.com) -- приводятся такие, довольно противоречивые его трактовки:

1. A heightened term to suggest more-than-love (эмоционально заряженное слово, обозначающее более сильное чувство, чем любовь)
2. A funny word to use when love sounds too mushy (шутливое слово, используемое, когда «любовь» звучит слишком напыщенно).

Честно говоря, первое «значение» кажется мне надуманным. Во всяком случае, Интернет-поиск не дал мне ни одного контекста, где *lurve* всерьёз употреблялось бы для обозначения некоего сильного чувства. А вот шутливых, иронических и неодобрительных контекстов – сколько угодно. Многие даже осуждают использование этого слова как принижающего понятие «любовь». Вот мнение одного из противников, взятое мною из дискуссии в Интернете:

Lurve sounds like something that would come out of someone's mouth when they're drunk at the bar and hitting on the girl beside them... "I think I - hiccup - lurrve you...Come home with me?" (Lurve звучит как слово из уст пьяного за стойкой бара, который при-

стает к сидящей рядом девице: «Кажется, у меня к вам (икает) любовь... Пойдём ко мне домой?»

Ну что ж, всё это говорит о том, что *lurve* неплохо подходит для передачи русского *любовь*. А если надо перевести *любовник*, то, разумеется, это будет *lurve*.

Love handles

И ещё немного о «любви». Слово *love* вплелось в выражение *love handles* – так шутливо называют жировые складки, которые образуются у некоторых полных или неспортивных людей на боках в области пояса. Образ, изначально заложенный в эту идиому («любовные рукоятки»), – немного хулиганский, но остроумный. Неизвестный автор этого выражения нашёл, казалось бы, бесполезным телесным складкам функциональное назначение, иронически предлагая использовать их в качестве рукояток или поручней, за которые может ухватиться партнёр(ша) по постели. Так можно обрести дополнительные точки опоры во время бурного акта интимной близости.

Выражение *love handles* распространилось в Америке к середине 1980-х годов (по данным словаря *Random House Webster's Unabridged Dictionary*). В начале нынешнего десятилетия, то есть почти двадцать лет спустя, оно попало и в отечественные англо-русские словари со следующими соответствиями: «жировые отложения по бокам на талии» (Общий англо-русский словарь – *Universal En-Ru* – комплекса *Lingvo 12*-й версии), «жировые складки на талии» (словарь *Multitran* версии 3.44). Авторы последнего словаря снабдили идиому *love handles* пометами *сленг* и *табу* – вероятно, под впечатлением от её смелой образности, – но на самом деле она никогда не принадлежала к табуированной фразеологии, да и сленгом давно перестала быть. Например, её можно услышать во вполне респектабельных видеокурсах физических упражнений.

Однако разговорность и весёлая образность этой идиомы никуда не делись, и понятно, что приведённые выше описательные соответствия слабоваты тем, что лишены

этих свойств. В «Новом англо-русском словаре современной разговорной лексики» С.А. Глазунова, также включённом в комплекс Lingvo 12, есть пример перевода выражения love handles в контексте:

I wish I could get rid of these love handles. — Я хотел бы сбросить немного жира.

К сожалению, приходится констатировать, что в таком переводе теряется не только образность, но и смысл выражения love handles: ведь в оригинале говорящего беспокоит не жир вообще, а именно складки на пояснице, которые могут портить неплохую в остальном фигуру.

Итак, для словосочетания love handles русские словари не подсказывают соответствия столь же ёмкого, образного, разговорного и ироничного.

Однако на самом деле выражение, обладающее всеми этими качествами и при этом точно соответствующее идиоме love handles по предметному значению, существует и в русском языке. Другое дело, что оно не имеет такой же распространённости и является не идиомой, а скорее авторской метафорой и поэтому не может считаться стопроцентным эквивалентом. Однако мне оно однажды очень пригодилось, и ниже я об этом расскажу.

Но сначала небольшое отступление, в котором мне хочется вспомнить самого автора метафоры, о которой пойдёт речь. Им был

А.М. Михалев (1944–1994), выдающийся переводчик и автор ряда лексических новаций в русском языке

ныне покойный Алексей Михайлович Михалёв (1944–1994) — киносинхронист, литературный редактор и художественный переводчик с английского и фарси, член Союза писателей СССР. В 70–80-е годы прошлого века голос Алексея стал знаком самым широким кругам населения, поскольку он был автором и диктором закадрового русского перевода множества иностранных фильмов.

В те годы советские люди стали обзаводиться видеоманитофонами — кто покупал их в комиссионных магазинах, а кто и привозил из-за границы. Это породило спрос на видеокассеты с фильмами. Официально в магазинах такой товар не продавался. Нашлись, разумеется, нелегальные предприниматели (а легально тогда заниматься этим было нельзя), которые наладили завоз в СССР голливудской продукции, копировали фильмы на кассеты в сотнях экземпляров и продавали счастливым владельцам видеоманитофонов. Однако простым гражданам, не искущённым в иностранных языках, для просмотра фильмов требовался русский перевод, и эту работу упомянутые дельцы заказывали профессиональным синхронистам.

Подавляющее большинство этих заказов выполнялось всего лишь четырьмя переводчиками, среди которых был и Алексей Михалёв. Главная причина того, что кинопереводчиков было так мало, состояла в том, что для наложения перевода на оригинальную звуковую дорожку фильма требовалась качественная полупрофессиональная звукозаписывающая аппаратура, а ею в те годы обладали немногие. Автору этих строк, например, тоже доводилось тогда выполнять заказы на перевод фильмов, но видеоманитона нужного типа у меня не было, и для записи перевода приходилось ездить на квартиру к заказчику. Так как я никогда не переводил с ходу, а сначала смотрел весь фильм, да и в процессе записи нередко останавливался и переделывал надиктованное, это отнимало слишком много времени и создавало неудобства и заказчику, и мне. Поэтому, сделав перевод примерно десятка картин, я отказался от этой работы в пользу обычного синхронного перевода конференций.

Cum grano salis

А у Михалёва и ещё нескольких синхронистов необходимая аппаратура была дома, так что можно себе представить, какой огромный поток заказов на них обрушился. Некоторые переводчики поставили дело на конвейер: они лихо диктовали свой текст без предварительного просмотра фильма и без последующих корректировок сделанной записи. Неудивительно, что многие такие «переводы» были, извините, лажей с огромным количеством грубых смысловых ошибок и пропусков, логических несуразностей, буквализмов, коряостей и перевранных имён.

Переводы Алексея выгодно отличались от других в высшей степени ответственным подходом. Будучи превосходным художественным переводчиком, он не мог позволить себе хаптуры и в переводе кино. Кстати, помимо этой полулегальной работы, он вполне официально сотрудничал с Госкино и Союзом кинематографистов, работая на всех советских кинофестивалях и множестве закрытых кинопросмотров. Я до сих пор удивляюсь тому, как он умудрялся делать так много переводов к фильмам и в то же время не ронять их качество. Класс Михалёва как переводчика был столь высок, что его фамилия — редчайший случай — стала известна многим киноманам. Сформировалось даже сообщество любителей кино, которые специально выискивают и коллекционируют фильмы с его переводом.

Мы с Алексеем жили рядом. Я познакомился и подружился с ним (а это было в 1972 году) отнюдь не на почве лингвистики и перевода. Лишь потом выяснилось, что у нас ещё и общая профессия. Лёша в совершенстве владел абсолютно всеми регистрами русской речи — от высокой до ненормативной — и был очень остёр на язык. Это ему особенно пригодилось при переводе американских фильмов с обилием сниженной лексики.

Михалёв не стеснялся — где этого требовал материал — не слишком литературных слов, но никогда не опускался в переводе до собственно мата. Если его коллеги при передаче английских бранных выражений подчас не могли придумать ничего лучшего, чем убогое «мать твою», он виртуозно находил, а

иногда и изобретал не грязные, но очень сочные эквиваленты для ругательств оригинала. Например, Михалёву принадлежит авторство соответствия *перепихнуться* для английского вульгаризма f**k, которое он впервые применил в своём переводе фильма «Греческая смоковница».

Алексей Михалёв был автором и того выражения, которым я сейчас поделюсь с читателями. Лёша следил за своей физической формой и как-то показал мне упражнение, предназначенное для того, чтобы избежать образования складок на поясице. «Важно, чтобы на боках, — добавил он, — не вырастали от ж**ы уши».

Меня тогда очень позабавила эта метафора. Да, она немного хулиганская, но очень смешная, поражающая необычной образной ассоциацией. Больше я ни от кого такого выражения не слышал, но оно мне пригодилось в переводческой практике, и сейчас я расскажу, как.

В начале 1990-х годов я поехал в Соединённые Штаты переводчиком с группой чиновников. Руководителем группы был начальник небольшого министерского отдела, назовём его Роман Цюрупа. Этот деятель доставил мне немало неприятных минут. Не буду входить во все детали, упомяну лишь одну: он взял у меня взаймы пятьдесят долларов «до завтра» и потом никак не хотел их отдавать. Безрезультатно прождав несколько дней, я вынужден был напомнить ему о долге. В ответ

Роман с улыбкой похлопал меня по плечу: «Ишь, как переживает за свой полтинник. Да не переживай ты, никуда твои денежки не денутся!». Позднее другие члены делегации просветили меня, что я поступил опрометчиво, одолжив Роману деньги: если ему в карман попадала чужая копейка, у неё уже не было ни малейшего шанса вернуться к хозяину. (Сегодня этот скромный министерский чиновник превратился в крупного капиталиста.)

Так что у меня были основания держать зуб на Цюрупу. И в один прекрасный день мне представился случай для мщения. Груша съездила на экскурсию, в которой нашим гидом была Катя, весёлая и раскованная американка чешского происхождения, бойко говорившая по-русски. Когда члены делегации погрузились в микроавтобус, Роман плюхнулся на переднее сиденье рядом с Катей, лицом к остальным. У плотного Романа были очень заметные припухлости на пояснице, проступавшие даже через рубашку. Разбитая Катя, недолго думая, ухватила его за эти припухлости и громко объявила: «Ого, какие у вас... мы это называем love handles! — а затем добавила, обращаясь уже ко мне: — Как это будет по-русски?»

Вот тут-то мне и пригодился оборот, подаренный незабвенным Лёшей Михайловичем. Правда, из деликатности я не решился употребить слово на букву *ж*, но сказал громким, хотя и нарочито бесстрастным переводческим голосом:

— Это называется *от мягкого места уши*.

Через долю секунды, в течение которой группа осмысляла услышанное, чиновники дружно, во весь голос заржали, а потом ещё долго не могли успокоиться. Цюрупа покрылся багровыми пятнами и не знал, что сказать. Даже Катя немного оторопела — она, во-первых, не ожидала такой бурной реакции, а во-вторых, по-моему, не поняла смысла моих слов (всё-таки русский язык не был для неё родным). Я же, сохраняя на лице маску безразличия, внутренне упивался произведённым эффектом и с благодарностью вспоминал Лёшу. Не зря, дорогой Лёша, ты был членом Союза писателей! Твоё меткое словцо оказалось по достоинству оценено аудиторией.

Но это ещё не всё. Цюрупа оказался настолько выбит из колеи утренним инцидентом (ему страшно не нравилось, когда над ним смеются), что весь день ходил как потерянный и допустил большую оплошность. Он попросил меня разменять для него купюру в сто долларов. Я с удовольствием сделал это и отдал ему из двух пятидесятидолларовых бумажек только одну, за вычетом долга. Багровое до того лицо Цюрупы на этот раз посередело. Так «уши от мягкого места» помогли мне вернуть свои деньги.

Ну, а теперь я дарю это выражение всем желающим. Кто знает, вдруг оно и вам пригодится в переводе!

Эту фотографию прислали в адрес журнала с обещанием в следующем номере «Мостов» рассказать историю появления этого снимка. А пока мы объявляем конкурс на лучшую подпись к фото. Дерзайте!

Об авторах

Борисенко Александра Леонидовна – переводчик художественной литературы, устный и письменный переводчик, член гильдии «Мастера литературного перевода», литературовед, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей теории словесности МГУ им. М.В. Ломоносова. Окончила романо-германское отделение филологического ф-та МГУ.

Бреус Евгений Васильевич – синхронный переводчик, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода факультета иностранных языков Университета Российской Академии образования. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор многочисленных публикаций по теории и практике перевода.

Волкова Злата Николаевна – синхронный переводчик, доктор филологических наук, профессор, академик Международной Академии информатизации. Декан факультета иностранных языков Университета Российской Академии образования. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор более 100 публикаций по лингвистике, в том числе учебных пособий по переводу и словарей.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Доктор филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Сотрудничает с международными организациями. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор. Выпускник Военного института иностранных языков. Профессор кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД России. Автор учебников и научных работ по испанистике, теории и практике перевода.

Климзо Борис Николаевич – инженер-энергетик и лингвист, многие годы посвятил изучению английского языка научно-технической литературы. Автор многих статей, а также автор-составитель большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2).

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Некрасова Тамара Петровна – начальник отдела переводов российской юридической компании «Пелеляев, Гольцблат и партнёры». Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза.

Полуян Игорь Владиславович – кандидат филологических наук. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работал синхронным переводчиком в МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии). 20 лет преподавал перевод на переводческом факультете, курсах переводчиков ООН, факультете переводческого мастерства МГПИИЯ; работал письменным переводчиком в англоязычных изданиях.

Убин Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Директор Всероссийского центра переводов. Автор более 100 опубликованных работ по различным аспектам традиционного и автоматизированного перевода и лексикографии. В том числе несколько словарей и монография.

Bridging the Communication Gap

3(15)/2007

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

V. Lanchikov

Ivory Penthouse. On Litera(tti)lism in Translation

B. Klimzo

The Editor in Collaboration with the Translator

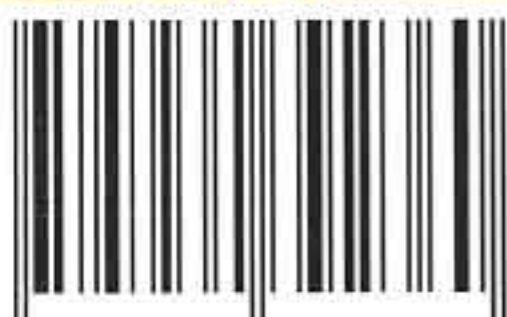
I. Ubin

Some comments on the existence
of parallel worlds in translation

D. Yermolovich

Sometimes They Translate: stories about assumed
untranslatables that turn out to have great equivalents
in another language

as well as
theory, practice and useful information for translators, teachers and
students from top professionals

978-593439-2360